

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет философии и психологии

**ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ
И ПСИХОЛОГИИ**

Выпуск 10

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2015

УДК 009
ББК 6/8
В38

Редакционная коллегия:
Ю. А. Бубнов (отв. ред.), Е. В. Кривотулова,
И. В. Черниговских, С. С. Православский, О. М. Бабич

**Вестник студенческой научной сессии факультета
В38 философии и психологии** / отв. ред. Ю. А. Бубнов ; Воронеж.
гос. ун-т. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. – Вып. 10.
– 193 с.

ISBN 978-5-9273-2261-9

В сборнике опубликованы материалы студенческой научной сессии факультета философии и психологии (апрель 2015 г.).

Для студентов и всех интересующихся проблемами философии, культурологии, психологии и педагогики.

УДК 009
ББК 6/8

ISBN 978-5-9273-2261-9

© Воронежский государственный университет, 2015

© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ-ПРИЗЕРЫ

Дронова А. В. Стремление, выбор и воля в контексте античного философского дискурса: Платон и Аристотель.....	6
Кунаковская А. В. Социальная активность современной молодежи.....	11
Новичихина А. В. Формирование имиджа в политике	16

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФИИ

Алёшина В. В. Сравнительный анализ корреспондентной и дефляционной теорий истины.....	22
Бобкина В. Г. Дискурс о любви в античности	24
Н. А. Гаршин Роль справедливости в культурах России и Запада	28
Гомозова Е. О. Философия — открытие или осмысление?	31
Конго К. И. Философская антропология в произведениях Ф. М. Достоевского.....	35
Костин В. А. Учение Платона об Эросе. Анализ диалога «Пир»	38
Кравчук В. Г. Метафизика и постмодерн	42
Михалькова А. В. Насилие в виртуальном пространстве	45
Святокум Н. А. Социальная сущность сознания.....	48
Филипцев К. Н. Философские учения мыслителей медиаплато-низма	51
Кулакова А. Б. Социокультурные аспекты средневекового французского фарса	57
Умылина Д. В. Свобода в контексте проблемы Другого	60

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Алиханова В. Л. Специфика религии как культурного явления	64
Курбатова А. С. Актуальные художественные практики в публичном пространстве как метод переосмысления общественного... ..	66
Ласкина М. Н. Личность куратора в продвижении актуального искусства	70
Мельник В. Н. Значение романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» для культуры США.....	72

СЕКЦИЯ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Бунина М. Ю. История и перспективы развития спортивной психологии	76
Власов А. В. К вопросу о развитии креативности у старшеклассников.....	79
Власова С. В. Самоотношение и отношение к матери у девушек с нарушениями пищевого поведения.....	83
Гончарова В. В. Доверие к военнослужащим у юношей и девушек	86
Губанова И. С. Влияние неполной семьи на особенности поведения и развитие личности подростка	90
Дайнеко В. В. Манипуляции в деловых переговорах.....	93
Келер Е. Е. Проблема этнической идентичности в современной психологии	97
Королев Ю. С. Психологические особенности муниципальных служащих	100
Красных Ю. А. Копинг-стратегии у юношей с разным уровнем субъективного контроля	104
Кривова Е. С. Причины расстройств пищевого поведения у женщин	107
Македонова Г. С. Социально-психологический анализ виктимного поведения	110
Малеева О. Ю. Семейная тревога как составляющая психологического климата семьи	112
Матвиенко Я. А. О роли познавательных и психофизиологических особенностей курсантов военных авиационных вузов	116
Меркулова И. Д. Профессиональное выгорание как предмет психологического исследования	119
Мухина Ю. С. Взаимосвязь локуса контроля и уровня тревожности (на примере юношеского возраста).....	122
Налетова В. А. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и мотивов учебно-профессиональной деятельности студентов-психологов.....	125
Новичихина И. В. Психологические особенности женщин с патологией беременности	128
Пожидаева Я. Э. Межличностные зависимость и созависимость у больных сахарным диабетом.....	132

Рыбасова Е. Н. Самооценка как фактор одиночества в любви	135
Смирнова Э. В. Внутренняя картина здоровья как центральное понятие психологии здоровья.....	137
Стрельникова Н. А. Субъективное переживание стыда у лиц с разным уровнем личностной самоэффективности	141
Суханова Л. О. Психологические аспекты никотиновой зависимости.....	145
Фролова Е. Р. К вопросу о современном состоянии проблемы наркомании.....	149
Шевченко Н. А. Особенности суицидального поведения в юношеском возрасте.....	152
Щербатых Е. С. Личностные особенности девушек, испытывающих недовольство собственным телом	154

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Бахтина Т. А. Исследование особенностей смысложизненных ориентаций у старшеклассников и студентов	158
Нежевенко К. В. Сотрудничество педагогов-психологов и родителей как условие успешного развития детей с нарушением слуха	164
Дюжикова М. А. Проблема внедрения рефлексивной парадигмы в обучение школьников	168
Боева О. Р. Особенности психолого-педагогической работы с акцентуированными подростками.....	170
Дутова М. Н. Особенности речевых навыков у детей с расстройствами аутистического спектра	173
Войцева С. А. Особенности эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с задержкой психического развития	177
Понявина В. О. Особенности запоминания у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития	182
Юдина В. Н. Развитие креативности личности в раннем юношеском возрасте	189

СТРЕМЛЕНИЕ, ВЫБОР И ВОЛЯ В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА: ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ

А. В. Дронова, студентка 3 курса
dronova1993s@mail.ru

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. Н. Жаров

Дискурс о стремлении и выборе возникает уже в античности, прежде всего с платоновской проблематикой восхождения к идее, выбора души между миром страстей и миром идей. Однако как в античности понимались стремление и выбор, и можно ли соответствующие античные представления выразить привычным для нас понятием воли? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Чтобы лучше понять логику Платона, стоит подробнее рассмотреть путь восхождения к идее. Платон пишет: «Восхождение и созерцание вещей [божественных вещей, то есть идей], находится в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого...» [1, с. 298]. «...Вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни» [1, с. 298]. Эта цитата иллюстрирует то, что в представлении античного философа все «правильное и прекрасное» порождается идей Блага. Человек должен определенным образом приобщиться к миру божественных вещей. Следовательно, необходимо совершить выбор — выбор в пользу идей, а не вещей.

С современной точки зрения кажется, что платоновское требование предполагает наличие в человеке воли, способной повернуть душу к благу. Однако такой вывод был бы поспешным, так как он осовременивает платоновскую мысль. В нынешнем понимании термин «воля» прочно связан с понятием свободного выбора. Необходимо,

чтобы восхождение к идее было, с одной стороны, собственной активностью души, а с другой — должна присутствовать принципиальная возможность выбора. Но так ли это у Платона? Совершает ли человек собственный выбор на пути восхождения к идее? Все ли люди могут совершить данное восхождение? Платон не считает, что все души способны на это. Очень показательна картина идеального государства.

Философ создает проект, представляющий собой нечто вроде кастовой системы, подчиненной внутреннему закону, закону мира идей. Во главе этой системы стоят философы и стражи. Философы становятся во главу государства не произвольным образом, а в силу того, что они, по мысли Платона, будут лучшими правителями идеального государства, так как понимают законы мира идей: «...Вы (философы) должны, каждый в свой черед, спускаться в обитель прочих людей и привыкнуть созерцать темные стороны жизни. Привыкнув, вы в тысячу раз лучше, чем живущие там, разглядите и распознаете, что представляет собой каждая тень и образ чего она есть, так как вы уже раньше лицезрели правду относительно всего прекрасного, справедливого и доброго. Тогда государство будет у нас с вами устроено уже наяву, а не во все...» [1, с. 301].

Кроме философов, в проект идеального государства Платон включает и сословие стражей, которые должны обеспечивать порядок на основе закона: «...закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества...» [1, с. 300].

Мы видим, что государство Платона представляет собой определенную иерархию. Данная структура основана не на произволе управляющих сословий, а на внутренних механизмах. В таком государстве все души изначально распределены «по рангу»: у управления оказываются те, кто понимает законы мира идей, других к ним подводят силой. Это иллюстрирует, что Платон не считает все души способными совершить восхождение к идее. В противном случае, сословие стражей и принуждение не требовалось бы вовсе, а восхождение к идее для всех осуществлялось бы посредством убеждения. Именно «кастовая» система Платона свидетельствует о том, что есть души, фатально обреченные на невозможность самостоятельного приобщения к миру идей. Для них Платон не надеется на роль выбора, знания, образования.

Но почему же восхождение к идеям оказывается «путем не для всех?» Обоснование этого мы видим в диалоге «Государство», где Платон рассуждает о различных врожденных направленностях самой души: «Разве ты не замечал у тех, кого называют хотя и дурными людьми, но умными, как пронизательна их душонка и как насквозь они видят то, что им надо? Значит, зрение у них неплохое, но оно вынуждено служить их порочности, и, чем острее они видят, тем больше совершают зла» [1, с. 300]. Получается, что некоторые люди порочны по своей природе, а их способности служат не благому, а дурному делу. Оказывается, что в платоновском понимании направленность души и некоторые ее свойства даются человеку от рождения. Следовательно, не сам человек делает выбор в пользу вещей и идей, а природная направленность выступает тем условием, благодаря которому идея может (или не может) увлечь за собой данную душу. Платон не говорит об этом прямо, но такой вывод можно сделать из следующего: «...Нашим делом [философов] будет заставлять лучшие натуры учиться тому познанию, которое мы раньше называли самым высоким, то есть умению видеть благо и совершать к нему восхождение...» [1, с. 300]. Можно сделать вывод: те натуры, которые Платон называет лучшими, имеют ту особенную врожденную склонность, которая определяет возможность восхождения к идее, другие нет. Одни души стремятся к идеям, а другие к вещам. Выходит, что сами идеи и вещи первичны по отношению к человеку, его стремлениям и выборам.

Для тех, чьи природные склонности позволяют совершить восхождение к идее, Платон выводит целую систему наук. К ним он относит: математику, геометрию, астрономию, кроме того человек должен быть трудолюбивым и физически развитым, но в первую очередь — обладать склонностью к диалектике: «Значит, в этом отношении один лишь диалектический метод придерживается правильного пути: отбрасывая предположения, он подходит к первоначально с целью его обосновать; он потихоньку высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь, пользуясь в качестве помощников и попутчиков теми искусствами [науками], которые мы разобрали...» [1, с. 317]. Тех же, чьи способности не позволяют совершить восхождение к идее путем убеждения, подводят под общественный порядок принудительно. Данная система, признанная Платоном идеальной, как раз и иллюстрирует, что воля в античном понимании и воля в современном — это совершенно разные понятия. Античная воля задается предметом и полностью от него за-

висит: «В «Государстве» Платон еще не уходит далеко от тотальной ответственности архаики. С другой стороны, если вменение обусловлено не автономией субъекта, а причастностью к некоему состоянию, и если не должно быть противоречия между “знать” и “делать”, то и ответственность может быть связана лишь со свободой, понимаемой как состояние. Это состояние к тому же обладает отчетливой нравственной характеристикой. Знание тождественно добродетели и само в себе несет награду; незнание тождественно пороку и уже само в себе несет наказание. Между тем крайне трудно объяснить, кто же именно достигает знания, за какое время и каким способом. Ясно лишь, что это удел немногих. Корень затруднений — в попытке отождествить цель с достижением некоего состояния. Невозможность объяснить, как это происходит, равносильна невозможности показать, как возможна свобода» [2, с. 36].

Платоновский дискурс, само проблемное поле восхождения к идее уже предполагает понятие выбора, подводит к нему. Однако схема его онтологии такова, что совершаемый выбор изображается как отклик души на притяжение блага. Этот отклик (или его отсутствие) обусловлен наличием врожденных способностей. Проблема воли и ее выбора намечена, но сам акт внутреннего выбора ускользает от категориального выражения. И дело здесь не в самом Платоне, а в общем характере античной рациональности, где человек есть лишь часть космоса.

Говоря об античных представлениях, невозможно обойти сторонней позицией еще одного мыслителя — Аристотеля. Рассмотрим, как философ мыслит волю. Отличается ли его позиция от предшественника? Аристотель пишет: «...не знание, а другая сила вызывает действие, согласное знанию. Но и стремление не есть решающее в этом движении. Ведь владеющие собой люди, хотя и имеют стремление и желание, не делают того, к чему у них есть стремление, а сообразуются со своим умом» [3, с. 442]. Речь идет о соотношении стремления и выбора. Здесь видно, что ум, по мысли философа, блокирует одни стремления и дает возможность следовать другим. Аристотель говорит, что владеющие собой люди способны действовать сообразно своему уму. В некотором смысле под волей понимается именно это. Но можно ли считать, что совершаемый посредством ума выбор, разрушает природную детерминацию и выводит человека из-под власти природы? Ответ на этот вопрос можно найти в трактате Аристотеля «О душе»: «...движет предмет стремления, и через него движет раз-

мышление, так как предмет стремления есть начало для него» [3, с. 443]. Именно предмет стремления выступает тем фактором, который приводит в движение ум. При таком рассмотрении ум — это своего рода фильтр. Сила стремления идет от предмета (как цели), а выбор — от ума. Можно предположить, что посредством ума человек преодолевает желания и стремления, но порождаются они не им, а идут от предметов: «Аристотель получает такое определение выбора (решения): разумно ориентированное стремление к тому, что от нас зависит. Сфера “зависящего от нас” подается Аристотелем как нечто, прежде всего объективное, характеризующее скорее объект решения, нежели сам источник внутренней причинности» [2, с. 39]. У Аристотеля, в отличие от Платона, душа может совершать самостоятельный выбор. Однако говоря об этом, стоит помнить, что имеется в виду отнюдь не та трактовка воли, которую мы привыкли видеть в христианской культуре. Античное понимание воли не включает момент внутренней активности души, по этой причине она может только «отвечать» на запросы природы: «утверждая объективность и независимость ощущающего от ощущения, Аристотель отрицает пассивный характер его существования. Воспринимаемый предмет как бы движется навстречу нашему восприятию» [4, с. 57]. Таким образом, воля у Аристотеля представляет собой синтез. С одной стороны, существует предмет, который задает стремление, а с другой — душа, которая способна реагировать и совершать выбор. Тем не менее сложно однозначно ответить, насколько сила разума каждого конкретного человека зависит от него самого, а не от природы. Возможно ли, что сама способность совершать собственный выбор зависит от природных предрасположенностей? Показательным будет размышление Аристотеля о рабах: «Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе — рабы; для них... лучший удел — быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе — тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает» [5, с. 383]. Здесь сказано, что рабы являются рабами по природе. Они не обладают рассудком и естественным для них состоянием является «принадлежать другому». Для рабов, по логике Аристотеля, есть некоторая природная фатальность, связанная с принципиальной невоз-

возможностью быть свободными. Возможно ли, что и для свободных людей существует некоторая градация: у одних рассудок всегда действует самостоятельно, у других лишь в сфере повседневного обихода, но бессилён в сфере высоких понятий и т.д.? Строго говоря, у Аристотеля нет ответа на этот вопрос, но данное предположение следует исходя из его онтологии. Важно помнить, что у Аристотеля, как и у Платона, источником энергии, действия является не активность самой души, а цель, которая и пробуждает в человеке стремление. Следовательно, даже то, что некоторые люди по мысли Аристотеля могут совершать собственный выбор, не говорит о том, что мы имеем дело со свободной волей в христианском понимании.

Соответственно, относительно Аристотеля мы можем сделать такой же вывод, что и в отношении Платона: проблемное поле воли у Аристотеля существует, но само понятие воли все еще находится в процессе формирования, а природа (предмет) также играет очень важную, если не определяющую роль.

Литература

1. *Платон*. Государство / Платон // Платон. Соч. : в 4 т. — М., 1994. — Т. 3. — 654 с.
2. *Столяров А. А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания : очерки истории : От Гомера до Лютера / А. А. Столяров. — М., 1999. — 230 с.
3. *Аристотель*. О душе / Аристотель // Аристотель. Соч. : в 4 т. — М., 1975. — Т. 1. — 550 с.
4. *Аристотель*. Политика, I, 13, 1254b 15–20 / Аристотель // Аристотель. Соч. : в 4 т. — М., 1983. — Т. 4. — 830 с.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

А. В. Кунаковская, студентка 3 курса

kunakovskaya_anuta@mail.ru

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

На современном этапе развития общества в России резко увеличивается социальная нагрузка на молодежь и вместе с тем растут

ожидания общества к ее активности. Это было особо отмечено в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в мае 2010 г. Данное обстоятельство определяется и демографической ситуацией, и вызовами сегодняшнего дня. В настоящее время российская молодежь — это почти 40 миллионов граждан страны. Безусловно, что укрепление позиций России на мировой арене, повышение ее конкурентоспособности возможны лишь при эффективной самореализации молодежи как существенного потенциала развития страны, повышения качества жизни населения в целом. Необходимо создать условия для самореализации молодежи, сформировать мотивацию для ее включения в общественные процессы.

Что же такое социальная активность с точки зрения психологической науки? В. З. Коган дает следующее определение: «Социальная активность — это сознательная и целенаправленная деятельность личности и ее целостно-социально-психологическое качество, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности. Деятельность выступает как способ существования социального субъекта и является реальным проявлением его социальной активности» [1, с. 22]. В данном определении подчеркивается важная роль социальной активности в личностном развитии и становлении молодого человека, ее творческое содержание, деятельностный характер и общественная значимость.

Социальная активность реализуется в определенной системе целевых установок, мотивов, определяющих интересы личности, ее включение в деятельность по удовлетворению возникшей потребности. Если рассматривать социальную активность как проявление преобразующей способности человека, то она воплощается в соответствующих социальных знаниях, навыках и компетенциях [2].

Нас интересует такая разновидность социальной активности молодежи, как политическая, т.е. участие в политических процессах, протекающих в обществе, самореализация молодых людей в политической сфере.

В рамках исследования политической активности молодежи особую актуальность приобретает ее изучение у студенчества как наиболее продвинутой группы молодежи, призванной в будущем пополнить ряды интеллигенции, квалифицированных специалистов, от сознания и поведения которых зависит не только успешное развитие экономи-

ки страны, но и социально-политической сферы жизнедеятельности российского общества. Именно в студенческой среде должны формироваться молодежные лидеры, потенциальные общественные и политические деятели, от активности которых зависит решение стоящих перед современной Россией ответственных и амбициозных задач [3; 4].

Несмотря на то, что направленная на преобразования общества деятельность является благоприятной формой самореализации субъекта, Д. В. Кротов отмечает, что в студенческой среде социальная активность вообще и политическая, в частности, не является ценностью. Поэтому доля молодежи, участвующей в деятельности различных общественных объединений, в реализации социальных проектов и инициатив, довольно низка. Следовательно, встает вопрос о действенности форм социальной активности студенческой молодежи, которая, прежде всего, может воплощаться в плане ее профессиональной самореализации [5].

На основе теоретического осмысления и изучения проблемы социальной активности молодежи, а также наблюдений за проявлениями различных видов общественной активности среди студенчества мы, вслед за С. Н. Чируном, приходим к выводу, что значительная часть студентов, прежде всего успешных и конкурентоспособных, не считают себя связанными со своей страной обязательствами по личному участию в решении ее проблем, никак не соотносят эти проблемы с собственной активностью. Автор указывает, что, возможно, основная причина кроется в том, что молодежь в процессе социализации не была допущена к участию в принятии общественно значимых решений [6].

Все вышесказанное привело нас к идее проведения кросс-культурного исследования психологических аспектов социально-политической активности молодежи. Для этого нами была разработана специальная анкета, состоящая из 20 вопросов закрытого и открытого типов. В исследовании приняли участие российские студенты Воронежского государственного университета и западноевропейские студенты, обучающиеся в Католическом университете г. Левен (Бельгия). Всего в анкетировании участвовали 50 человек, средний возраст опрошенных — 20 лет. Российские студенты составили 25 человек, из которых 7 — юноши, 18 — девушки. Западноевропейские студенты — 25 человек, из которых 13 — юноши, 12 — девушки.

Одним из выражений социального участия является интерес к жизни общества. Как показали данные ответа на вопрос анкеты «Ин-

тересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в общественной, политической, экономической жизни нашей страны?»), интерес к этому у студентов Воронежского государственного университета имеет выраженный характер. Так, 16 % респондентов внимательно следит за развитием ситуации, 56 % скорее интересуются, чем нет, 8 % не интересуются вообще, 4 % затруднились ответить. Кроме того, 60 % опрошенных являются членами каких-либо общественных организаций (политических объединений, спортивных, культурно-просветительских организаций, клубов по интересам, научных объединений, виртуальных сообществ). Вместе с тем 44 % российских студентов не участвуют в подобной деятельности.

На вопрос анкеты «Были ли Вы участником каких-либо творческих, социальных, научных проектов?» 48 % воронежских студентов ответили положительно и указали музыкальные проекты, волонтерскую деятельность, участие в форумах, «Кубке инноваций» и пр. 16 % студентов дали отрицательный ответ, 36 % затруднились ответить. Анализ показывает, что для подавляющего большинства студентов доминирующей ценностью оказалось семейное счастье: о нем как о значимой ценности заявили 60 % студентов Воронежского государственного университета.

Западноевропейские студенты, обучающиеся в Католическом университете г. Левен (Бельгия), отвечая на вопросы анкеты, продемонстрировали следующее. Вопрос «Интересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в общественной, политической, экономической жизни нашей страны?» выявил достаточно высокий интерес к жизни общества. Так, 33 % респондентов внимательно следит за развитием ситуации, 41 % скорее интересуются, чем нет, 25 % не интересуются вообще, остальные затруднились ответить. Кроме того, 69 % опрошенных являются членами каких-либо общественных организаций (политических объединений, спортивных организаций, национальных объединений, клубов по интересам, научных объединений, виртуальных сообществ), 31 % не участвуют в подобной деятельности. На вопрос анкеты «Были ли Вы участником каких-либо творческих, социальных, научных проектов?» 70 % западноевропейских студентов ответили положительно и указали участие в музыкальных проектах, волонтерской деятельности, журналистике, научных проектах. 23 % опрошенных дали отрицательный ответ на этот вопрос, 7 % затруднились с ответом. Анализ показывает, что для подавляющего большинства западноевропейских студентов доминирующей ценностью оказа-

лась личная свобода и независимость: о ней как о значимой ценности заявили 80 % студентов Католического университета г. Левен.

Таким образом, полученные нами в анкетировании данные говорят о том, что и российские, и западноевропейские студенты имеют достаточно высокий интерес к социальной жизни, следят за происходящими событиями в их странах. Больше половины опрошенных студентов являются членами каких-либо общественных организаций, в которых протекает их социализация и самореализация. Это говорит о достаточно высоком уровне социальной активности и вовлеченности в общественную жизнь. Как российские, так и западноевропейские студенты активно участвуют в различных проектах, однако среди иностранных студентов доля такого участия выше. Возможно, это связано с тем, что в западноевропейских странах для молодежи создано больше возможностей для их включения в различных формах в общественную жизнь, а также с пониманием студентов, что приобретенный ими в ходе обучения в вузе социальный опыт является ценным капиталом для дальнейшего жизненного продвижения.

Вместе с тем нами выявлены различия в доминирующих ценностях российской и западноевропейской студенческой молодежи: у студентов Воронежского государственного университета доминирующей ценностью является семейное счастье, а для студентов Левенского Католического университета — личная свобода и независимость. Мы полагаем, что это связано в первую очередь с различиями в ментальности культурно-исторических традиций населения России и стран Западной Европы.

В целом проведенное нами исследование позволяет заключить, что большая часть как российской, так и западноевропейской молодежи в той или иной степени вовлечена в социальную жизнь общества.

На наш взгляд, динамика современной социально-экономической и общественно политической жизни страны актуализирует вовлечение молодежи не только в построение планов и реализацию собственной жизнедеятельности, но и страны в целом. Это, в свою очередь, требует систематизации и обобщения направлений, видов и форм ее социально-политической активности. Стратегически важным является представительство и участие студенческой молодежи в различных общественных институтах. Изучение психологических характеристик молодежи как субъекта социальной активности, политической в том числе, будет способствовать эффективной разработке соответствующих психолого-педагогических и социально-психологи-

ческих технологий, воспитательных концепций и социальных проектов.

Литература

1. *Коган В. З.* Человек в потоке информации / В. З. Коган. — Новосибирск, 1981. — 186 с.
2. *Мальковская Т. Н.* Социальная активность старшеклассников / Т. Н. Мальковская. — М., 1988. — 144 с.
3. *Иваненков С. П.* Проблемы исследования социальной активности молодежи / С. П. Иваненков, А. В. Кострикин // *Credo new.* — 2009. — № 3. — С. 82–100.
4. *Тихонов В. Г.* Социально-политическая активность российской студенческой молодежи : методологические проблемы социологического исследования / В. Г. Тихонов // *Теория и практика общественного развития.* — 2011. — № 7. — С. 71–73.
5. *Кротов Д. В.* Социальный капитал российской молодежи : проблема воспроизводства : дис. ... д-ра социол. наук / Д. В. Кротов. — М., 2009. — 251 с.
6. *Чирун С. Н.* Политическая активность и политическое участие молодежи : проблемы и возможности / С. Н. Чирун // *Вестн. Томского гос. ун-та.* — 2010. — № 332. — С. 50–54.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИКИ

А. В. Новичихина, студентка 3 курса

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. А. Симонова

Имидж как феномен культуры, отражающий социальную действительность, является важной частью культурной парадигмы общества и самовыражения личности. Изучение технологии формирования имиджа, структуры и способов его функционирования в обществе способствует выявлению общих и частных принципов его становления и развития. Актуальность темы определена необходимостью осмысления ценности имиджа в современной культуре, качественность которой ведет к жизненному успеху личности в любой деятельности.

Социокультурный подход к имиджу как к образу-представлению, сложившемуся об объекте у целевой аудитории, учитывающий

его символические, мифологические, стереотипные и социально-ролевые аспекты, является чрезвычайно важным. Другими словами, имидж — это сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо. Поскольку в условиях рыночной экономики актуализируется востребованность «товара», в позитивном имидже нуждается всё большее число политиков, государственных служащих и других лиц, стремящихся повысить свою успешность в обществе. Важно осознать, что политический имидж — это манипулятивный психический образ, причем обладающий большой регулятивной силой. Имидж призван влиять больше не на сознание избирателя, а на его эмоциональную сферу и уровень бессознательного.

В психологии бытует мнение, что по своей сути имидж — это «реальность мнимого пространства». Данную идею надо пояснить. Считается, что мы одновременно живем как бы в двух мирах — реальном и мнимом. В реальном мире существуют явления, происходят события, действуют люди, в нем нет искажения. В мнимом же мире реальность искажается, преподносится специально в соответствии с какими-то целями и интересами. Поэтому полностью справедливо утверждение, что человек на протяжении всей жизни постоянно находится под действием манипулятивных воздействий. В любом обществе все люди на протяжении всей своей жизни живут одновременно и в реальном, и мнимых мирах, часто переходя из одного в другой. Если человек ориентирован на мир реальный, то его отличает высокая степень самостоятельности, низкий конформизм, рациональный ум, критичность мышления. Такие люди практически не поддаются манипулятивным воздействиям. Если же человек ориентирован на мнимые миры, то он живет под влиянием внушенных установок, критичность мышления у него невысокая. Такой человек, с точки зрения некоторых политиков и политических технологов, является идеальным избирателем, на «формирование» такой личности и направлена их деятельность. Таким образом, имидж политика — это его образ, который обязательно должен вызывать симпатию и доверие, независимо от его истинных личностных черт.

Если исходить из такого понимания сущности политического имиджа, то можно выделить его важные отличительные особенности. Во-первых, политический имидж должен обязательно формироваться под конкретную задачу, тогда как стихийный процесс возникновения может сделать его не только неэффективным, но даже совсем иным,

не таким, какой нужен. Во-вторых, имидж должен соответствовать социальным ожиданиям масс — это важнейшее условие формирования эффективного политического имиджа. Социальные ожидания формируются на базе несоответствия «того, что есть, с тем, как хотелось бы». Несоответствие касается обычно деятельности лидеров, руководителей. Чем больше это несоответствие, тем сильнее желание иметь иного лидера, обладающего качествами, способными обеспечивать деятельность, удовлетворяющую ожиданиям.

Еще одна важнейшая характеристика имиджа — его стереотипный характер. Важной характеристикой стереотипа является его упрощенность, следовательно, имидж не должен содержать много характеристик или параметров, а также быть сложным и многогранным. Он должен быть простым, доступным, соответствующим сложившимся у большинства населения позитивным представлениям о лидере. «Сильный», «волевой», «умный» — вот стереотипные и ценные черты имиджа политика. Главная опасность стереотипов состоит в том, что они уводят людей от логики здравого смысла и делают их не критичными к воспринимаемой информации, а следовательно, легко управляемыми.

Исследования политических имиджей позволили выявить ряд других его важных характеристик. В частности, имидж обязательно должен быть реалистичным. Поскольку имидж — явление нестойкое, его постоянно необходимо подкреплять. Он не должен быть «жестким», его характеристики должны подстраиваться под конкретные страсти граждан. Важным требованием-характеристикой является его целостность, т.е. внутренняя непротиворечивость. В политическом имидже должны обязательно быть черты победителя. Это должно проявляться, прежде всего, в оценках личности. Необходимо, чтобы в политическом имидже присутствовали «черты отца». Данное требование является отражением фрейдистских взглядов на проблему лидерства, которые трудно опровергнуть. По З. Фрейду, «масса просто нуждается в лидере, как семейство нуждается в авторитетном отце» [1]. Имидж должен быть открытым. Открытость воспринимается как эффективная обратная связь избирателей с лидером. Многие склонны считать, что только это помогает политику верно ориентироваться в ситуации.

Очень важная проблема эффективного политического имиджа заключена в вопросе: какие главные факторы в первую очередь влияют на формирование привлекательного имиджа политика? Американ-

ские специалисты, которые обладают в этом деле огромным опытом, считают, что имидж политика высокого ранга определяется тремя группами основных факторов: 1) личностью кандидата; 2) тем, как его представляют средства массовой информации; 3) историческими событиями или трудностями, с которыми сталкивался политический деятель в данный период времени [2].

Первый важный фактор — личность политика. Сейчас о ведущих политиках известно очень многое, им никуда не деться от «раскрепощенных и свободных» средств массовой информации (СМИ). Сейчас многим стало ясно, что во время выборов надо ориентироваться не на политическую платформу и обещания политиков, а на их личностные качества. Именно опора на них позволят дать хоть какой-то прогноз их будущей деятельности на выборной должности. При этом нужно не забывать, что политики, как и все люди, подвержены определенным слабостям, у них есть недостатки, поэтому другой важной функцией имиджа является способность завуалировать эти минусы, сосредоточить внимание избирателей прежде всего на сильных сторонах и достоинствах политика, главное — преподнести, спроецировать личностные характеристики. Это достигается в процессе коммуникаций политика и с помощью средств массовой информации.

Второй фактор, определяющий привлекательный имидж политика — взаимодействие со СМИ. Любой политик по-настоящему приобретает известность, а также и популярность только с помощью средств массовой информации — телевидения, радио, газет и журналов. Одно удачное выступление в эфире или яркая статья в популярной газете с миллионным тиражом гораздо весомее, чем десятки речей на митингах и собраниях. Взаимоотношения политика со средствами массовой информации должны находиться в самом центре его политической деятельности, стать объектом пристального внимания его советников и консультантов. Многих ныне влиятельных политиков России, по существу, «сделала» именно «четвертая власть». Хрестоматийный пример — президентские выборы в России 2000 г. Успех В. В. Путина является прежде всего заслугой консолидированных СМИ и прежде всего телеканалов.

В настоящее время руководство России, многие видные политические деятели уделяют крайне мало внимания своему имиджу. Это наносит им как политикам большой ущерб, который может стать невозполнимым. От пренебрежения имиджем страдают те, возможно, прогрессивные изменения, реформы, которые хотел бы осуществить

политический деятель. Недостатки имиджа неизбежно рожают недоверие к политикам, а следовательно, к их деяниям и планам. Не учитывать этого нельзя.

Наконец, третий важный фактор, влияющий на имидж политика, — это исторические события, с которыми сталкивается политик в конкретный период. Безусловно, его поведение, деятельность и высказывания играют большую роль в формировании имиджа. Однако многое зависит и от того, как это преподносится СМИ. Например, можно сказать: «наведение конституционного порядка в Чечне», а можно — «кровавая бойня», «война против собственного народа». Главное — какие оценки звучат громче, дружнее и убедительнее. Поэтому третья группа факторов тесно связана со второй.

Нельзя забывать еще и о таком важном факторе, влияющем на имидж политика, как территориально-этническая ментальность, которая определяет электоральное поведение. Учет этого фактора просто необходим в ходе разработки и реализации стратегии предвыборных кампаний. Каждая нация обладает собственной, характерной для нее территориально-этнической ментальностью, поэтому игнорирование или недостаточное внимание к данному фактору может привести к существенным ошибкам в разработке и положениях стратегии, что, в свою очередь, может затруднить или вовсе не привести к достижению желаемого результата — победы на выборах. Из определенных черт территориально-этнической ментальности населения могут быть прямо выведены задачи, лозунги или идеи предвыборной кампании какого-либо кандидата, практические рекомендации по формам реализации стратегии в жизнь. Однако всецело доверять и слепо следовать одной лишь массовой ментальности при выработке стратегических лозунгов кампании нельзя, здесь следует учитывать и другие факторы, которые могут даже противоречить каким-то аспектам этнической ментальности: это прототипы Президента и образ кандидата, сложившиеся в глазах населения. В любом случае, черты ментальности, ориентации и мнения людей влияют на все без исключения стороны предвыборной кампании и должны находить отражение во всех аспектах ее стратегии. Основными из этих аспектов являются: образ того или иного кандидата, разделяющийся на чисто личностные характеристики и образ будущих действий кандидата; образ программы кандидата; источники референтной информации о кандидате; стиль проведения предвыборной кампании.

Если говорить о русской территориально-этнической ментальности, то можно сказать, что она складывалась под влиянием симбиоза двух политических традиций — автократической и демократической, с преобладанием первой, характеризующейся конформизмом, непротивлением насилию, архаическими обычаями верноподданничества. Разработчикам избирательной стратегии в нашей стране необходимо учитывать особенности политической культуры, значительное влияние на которую оказали десятилетия тоталитаризма: стремление к унификации, единообразию во всех сферах, неприязнь к тем, кто противостоит большинству. Характерным для русского избирателя является склонность искать причины неудач во внешнем окружении, а не внутри себя, футуроориентация сознания, вера в социальное чудо. Российскому менталитету свойственно также убеждение в исключительности страны и ее исторического пути, расцениваемого как в положительном, так и отрицательном смысле, склонность считать способность идти на компромиссы признаком слабости, стирание граней между политическим и неполитическим, общественным и личным.

В целом российская национально-культурная специфика политических отношений отличается достаточно высоким уровнем избегания неопределенности, высокой дистанцией власти и маскулинностью, что проецируется на имиджевые характеристики политика, а именно, лидер должен быть автономным и независимым по отношению к своему окружению — «держат дистанцию власти», разрабатывать и прокладывать курс социально-экономического развития страны (региона, области) и обладать ярко выраженными маскулинными чертами.

Литература

1. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд // Психология масс : хрестоматия. — Самара, 2001. — С. 131—194.
2. *Голдмен С.* Как создается имидж в американской политике / С. Голдмен // США : экономика, политика, идеология. — 1990. — № 10. — С. 30—36.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРРЕСПОНДЕНТНОЙ
И ДЕФЛЯЦИОННОЙ ТЕОРИЙ ИСТИНЫ**

В. В. Алёшина, студентка 4 курса
aleshina09@gmail.com

Научный руководитель – преп. С. М. Жданов

Корреспондентная концепция истины подразумевает под собой соответствие знания и действительности. Главным принципом здесь является непротиворечивость, а именно непротиворечивость знания миру, к которому оно относится. Для большей точности необходим критерий установления соответствия мыслей и действительности. Эта теория сталкивается с трудностями. Ей необходимо дополнительное объяснение понятий «действительность», «соответствие», рассуждения о которых могут увести далеко от сути данной концепции.

Главным принципом концепции истины является соответствие знаний (высказываний, теорий, мыслей) объекту, на который они направлены. Возникает вопрос о том, какие мысли принято считать истинными (так как существуют высказывания, которые не имеют значения истинности, например приказы или команды) [1, с. 174–191].

Рассматриваемая теория еще не потеряла своей актуальности, но уже дает вещественные основания для сомнений. Дело в том, что она имеет метафизический фундамент, и это может стать причиной ухода в область метафизики. Кроме того, эти теории вынуждены обратиться за помощью к иным, сложным и тоже метафизическим теориям, которые должны будут объяснить, что такое «Факт», в чем должно заключаться то самое соответствие в модели истины и, наконец, что именно должно соответствовать факту. Понятие истины начинает требовать слишком много приложений. Последователи новой теории истины считают, что такие размышления могут далеко увести от самого понятия истины, и поэтому они являются лишними.

Как оказалось, определение истины невозможно сформулировать без отсылок к метафизике. Это дает нам понять, что понятие истины начинает нагружаться лишним смыслом, каждая попытка объяснения данного понятия уводит дальше от самой сути истины.

В связи с этим появились даже такие концепции, в которых предполагалось, что понятие истины не несет в себе никакого значения для философии. Именно таким образом появилась дефляционная теория истины.

Дефляционная теория истины подразумевает, что всякая претензия на истинность высказывания ничего не добавляет к самому содержанию высказывания. Таким образом, если мы попытаемся высказать предположение, либо утверждение об истинности какого-либо предложения, то окажется, что это значит то же самое, если мы высказали бы само это предложение [2, с. 22–23].

Чтобы объяснить точку зрения, обозначенную выше, сторонники дефляционной теории истины чаще всего приводят в качестве пояснения пример с утверждением «Снег бел». Допустим, что нам нужно выяснить истинность высказывания «Снег бел». Чтобы это выяснить, необходимо удостовериться, что снег действительно бел. Если снег бел, значит, высказывание «снег бел» — истинно. Отсюда следует стандартная логическая пропозиция:

Снег бел, если и только если снег бел [3].

По мнению дефляционистов, сказать, что снег бел — это всё, что можно сказать об истинности высказывания «снег бел», потому что сказать «истинно, что снег белый» просто равносильно тому, что снег белый. Таким образом, понятие истины оказывается пустым, лишним, иными словами, «избыточным» [3].

При рассмотрении основных идей дефляционной теории истины может возникнуть вопрос: почему сторонники данной теории считают целесообразным утверждать, что такой взгляд на истину является верным? Сами последователи дефляционизма отвечают, что во всех предыдущих, традиционных теориях истины допущена существенная ошибка, кроме того, эта ошибка во всех теориях одинаковая. Дефляционисты считают, что ошибочно утверждать, будто истина имеет характер рода, и все попытки узнать побольше об этом понятии, а также создавать теории на основе полученных знаний и развивать их, могут закончиться неудачей и привести к заблуждению [3].

На основе указанных выводов дефляционисты считают, что все философы, которые интересуются природой понятия истины, его глубоким смыслом и фундаментальным значением, напрасно тратят время и будут разочарованы, потому что они ищут того, чего нет.

Таким образом, опору на метафизику в вопросах о понятии истины не стоит воспринимать крайне критично. Корреспондентная теория

истины хотя и подвергается сомнениям, но всё еще находится в статусе актуальной концепции, и вряд ли ее авторитет поменяется. А вот к дефляционной теории истины не стоит относиться скептически, потому что она олицетворяет собой новый взгляд на уже сложившееся мнение о понятии истины. Вполне возможно, что эта новоиспеченная теория сможет внести огромный вклад в исследования понятия истины.

Литература

1. Аналитическая философия : становление и развитие (антология) : пер. с англ., нем. / под ред. А. Ф. Грязнова. — М., 1998.
2. Ламберов Л. Д. Дефляционизм, контекстуальность и теория референции / Л. Д. Ламберов // Известия Саратовского университета. — 2012. — Сер.: Философия. Психология. Педагогика. — Т. 12, вып. 2.
3. *Stoljar D.* The Deflationary Theory of Truth / D. Stoljar // Stanford Encyclopedia of Philosophy. — 2010. — Mode of access : <http://plato.stanford.edu/entries/truth-deflationary/>

ДИСКУРС О ЛЮБВИ В АНТИЧНОСТИ

В. Г. Бобкина, студентка 2 курса

v_bobkina@mail.ru

Научный руководитель — преп. С. С. Православский

Проблема любви была интересна человеку с незапамятных времен. О ней говорили поэты, прозаики, ее пытались изобразить художники, народ выражал свое понятие о любви в мифах — однако предметом строгой мысли любовь была отнюдь не сразу.

Первые попытки осмыслить, обозначить для себя любовь, дошедшие до нас, датируются еще VII в. до н.э. Так, у Гомера в «Илиаде» любовь персонифицирована в Афродиту (др.-греч. ἄφροδῖς — пена), дочь Зевса и Дионы, богиню красоты и любви, которая кружила головы не только людям, но и самим олимпийцам (исключая Афину, Артемиду и Гестию).

Еще до Гомера об Афродите писал Гесиод, но в его «Теогонии» богиня имела иное происхождение: он пишет, что кровь оскопленного Кроном Урана попала в море, образовала пену, из которой и вышла

Афродита. В остальном же Афродита Гесиода не отличается от гомеровской — ее удел:

«Девичий шепот любовный, улыбки и смех, и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий» [1].

Из текста видно, что сферой деятельности Афродиты в основном являлись любовные интриги, флирт, брак и деторождение, хотя позднее у Вергилия в «Георгиках» Венера (лат. *venereis* — плотская любовь) является и богиней плодородия.

Помимо Афродиты в античном мифе любовь олицетворял древний бог Эрот или Эрос (др.-греч. Ἔρως). Уже у орфиков он был богом-демиургом, рожденным третьим после Эфира и Хроноса. Ему посвящен LVIII орфический гимн, в котором он восхваляется как всеильный великий бог, управляющий и людьми, и богами, словно кукловод марионетками, и вообще имеющий власть и доступ ко всему сущему.

Гесиод говорит также и об Эросе как о силе, отнимающей рас-судок и овладевающей душой:

«И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает» [2].

После взгляда на предфилософское видение любви как феномена, становится ясно, что мифологическое мышление первобытного человека воспринимало любовь как некую внешнюю волю, силу, неподвластную человеческому закону и познанию. Любовь, как и все остальные страсти, есть часть универсума, населенного антропоморфными сущностями, связанными друг с другом и родственными друг другу.

Разумеется, из подобного воззрения невозможно извлечь какие-либо закономерности такого явления, как любовь, а также построить каузальные цепочки — мифологическое видение есть именно «видение», но не «исследование».

Лишь когда на смену напуганному, прячущемуся от реальности, опутанному персонифицированными страстями и стихиями, пришел начинающий рационально мыслить человек — лишь тогда любовь стала рассматриваться не в ряду беснующихся божеств, а в космогонической системе.

Любовь в сознании первых философов уже не личностна — это мощная движущая сила, отвечающая за устройство космоса. Так, у

Эмпедокла Любовь в паре с Враждой в масштабном космическом танце поочередно соединяет и разъединяет первичные элементы, составляющие все сущее в мире: землю, огонь, воду, воздух.

Как часть плеяды античных философов, Эмпедокл считал шар или сферу совершенной фигурой, поэтому именно так и характеризовал состояние любви. В шарообразном состоянии все элементы, по Эмпедоклу, находятся в состоянии мира. Любовь объединяет, сплачивает элементы, приводит хаос, созданный Враждой, в гармонию.

В философской парадигме Эмпедокла любовь не потеряла своей животворящей силы, а обрела статус формообразующей субстанции. Однако следом за атомистами была создана действительно фундаментальная и серьезная теория любви — «Пир» Платона.

«Пир» относится к периоду зрелого творчества Платона и состоит из семи речей об Эроте (речи Федра, Павсания, Эриксимаха, Агафона, Аристофана, Сократа, Алкивиада), которые по-своему интересны, но основной, на наш взгляд, является речь Сократа.

Если во всех речах Эрот восхвалялся исключительно как бог, то Сократ занял иную позицию: у него Эрот — это демон или гений, т.е. тот, кто находится между богами и людьми, кто является своеобразным медиумом. Он пользуется историей, которая якобы произошла с ним в юности — историей о встрече с мантинеянкой Диотимой, которая и поведала ему о природе Эрота. Сократ в своем доказательстве опирается на логику, что любовь обязательно имеет предмет, любовь всегда к кому-то или чему-то, она есть не что иное, как стремление достигнуть чего-либо или обладать чем-либо. Из этого следует вывод, что стремление обладать вызвано отсутствием предмета желания. А так как Эрот стремится к прекрасному, красивому и доброму, то выходит, что он сам недобр и некрасив. Но это не говорит о том, что Эрот безобразен и зол — это должно утвердить нас в мысли, что Эрот есть стремление обрести прекрасное, он — любовь к благу, к мудрости.

Диотима доказывает также Сократу в его истории, что любовь — это еще и стремление к бессмертию, стремление продолжиться, продлиться, подобно родителю, который продолжается в своем ребенке. Только вот лучше беременности телесной — беременность духовная, беременность «разумениями и прочими добродетелями», ибо «каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чье потомство достойно зависти, ибо оно приносит им бессмертную славу и сохра-

няет память о них, потому что и само забываемо и бессмертно» [3, с. 120]. А разродиться от духовного бремени можно только находясь рядом с прекрасным, ибо в безобразном духовное родиться не может.

Отсюда вытекает бессмертный путь к прекрасному. Этот путь Сократ объясняет как движение любви от земного, материального, к идеальному:

- 1) любовь к прекрасным телам;
- 2) любовь к прекрасным душам;
- 3) любовь к прекрасным нравам и обычаям;
- 4) любовь к наукам;
- 5) достижение прекрасного самого по себе, идеи Блага.

Тема любви затрагивается также и в диалоге «Федр». Здесь буд-то бы дополняется концепция, раскрытая в рассматриваемом выше диалоге — любовь как стремление к высшему благу определяется онтологически, через концепцию анамнесиса. Душа потому стремится к благу столь страстно, что она, витавшая когда-то в мире идей, тоскует по прекрасным формам и ищет их в мире вещей.

Чем же особенна концепция любви Платона?

Во-первых, она конституировала любовь как нечто обусловленное, нечто, имеющее причину, пускай и метафизичную, в отличие от стихийности и необъяснимости Афродиты первобытного грека.

Во-вторых, любовь взята Платоном именно как страсть человека, а не как всеобъемлющая и всепроникающая движущая сила Эмпедокла.

В-третьих, концепция любви Платона непосредственно связана с эпистемологией, его эрос — любовь-познание, подъем по ступенькам возрастающего знания к знанию всеобщему.

Немаловажно также то, что эротика в платоновской теории связана именно с категорией красоты, с прекрасным. Любовь здесь есть устремление к высшей форме красоты, к эстетическому переживанию.

Итак, хотя воззрения на любовь относительно мифологического восприятия претерпели изменения, но все же фундаментальная концепция Платона, которая пускай и вырвалась из уютного Космоса первобытного грека, но была захвачена пайдейей платонической школы, через призму которой всё видится как функция, как инструментарий. Любовь здесь есть не сама по себе, не явление отдельно, а лишь способ, ступеньки лестницы к возвращению в первородный мир божественных идей.

Литература

1. *Гомер*. Гомеровские гимны. К Афродите / Гомер. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gomer/text_0090.shtml
2. *Гесиод*. Теогония / Гесиод. — Режим доступа: <http://www.lib.ru/POEEAST/GESIOD/theogonia.txt>
3. *Платон*. Пир / Платон // Соч. : в 4 т. — М., 1993. — Т. 2. — 528 с.

РОЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КУЛЬТУРАХ РОССИИ И ЗАПАДА

Н. А. Гаршин, студент 4 курса
garshnick@mail.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. Д. Г. Кукарников

Справедливость издавна имела особое значение в культурах разных народов. Однако ее роль в зависимости от культурно-экономических условий значительно изменялась, а значит, различалось и ее понимание. Актуальность данной статьи состоит в том, имеющийся в настоящее время в русской культуре кризис должен быть преодолен через поиск новых смыслов. Целью этой работы является выяснение особенностей интерпретации справедливости в культурах России и Европы.

В России справедливости придавалось широкое значение, по сути, она является основой всей русской культуры: от устного народного творчества до шедевров русской классики. В свою очередь, западная культура использует справедливость сугубо в политико-правовом смысле, она имеет не доминирующее, а служебное положение в иерархии ценностей Запада, подчиняясь и изменяясь в угоду доминантной ценности — успеху в делах, часто сводимых к экономике. Это видно и в появлении феномена протестантизма, и в более ранних фольклорных произведениях — сказках, легендах и т.д. По сути дела, лозунг «цель оправдывает средства» выражает сущность отношения западной цивилизации к справедливости: справедливость является одним из множества регулирующих жизнь общества инструментов. Такой подход гармонично дополняет западный индивидуализм, образуя с ним диалектически развивающую систему. Вся западная цивилизация и культура стремятся развивать потенцию индивидуализ-

ма различными способами: созданием таких социальных институтов, которые минимизируют вмешательство государства в частную жизнь индивида; системой права, ориентированной на максимизацию свободы и устроенной по принципу — что не запрещено, то разрешено, человек отвечает за все, в том числе и за свое будущее, сам. Данная система является, на наш взгляд, и результатом, и причиной основных философских традиций в западных цивилизациях, подобно тому, как человек всегда — и причина, и следствие культуры, и творец и творение. От античности и до наших дней шел процесс выкристаллизовывания современного западного индивидуализма, на пути к которому каждый из этапов западной цивилизации способствовал его становлению, даже Средние века с их религиозно-христианским культурно-смысловым априори. В это время происходила как аккумуляция социальной энергии (можно сказать, это был период некоего отдыха, «заморозки» социума от светских дел), так и накопление знаний, институционализация образования, формирование полноценного корпуса системы знаний, что уже в новое время в светской форме и с отрицанием большинства постулатов Средних веков станет этапом классической науки, вместе с тем опираясь на позитивный и негативный опыт средневековой науки и образования.

Современная система права во многом основывается еще на древнем, римском, праве. Из этого следует, что все основные социальные институты западных стран: наука, политика, право, — базируются на традиционных для западной культуры ценностях, а значит, в ее потенции изначально была высокая роль индивидуализации, свободы, ценность успеха всегда стояла выше ценности вечного, морального, метафизического, глубинного. Такая тенденция обусловлена ведением хозяйства: поскольку климат и в Древней Греции и в Древнем Риме позволял существовать семьям богатых людей достаточно автономно (особенно с учетом процветания института рабства), главной задачей права становилась защита частной собственности, а справедливость как общечеловеческая ценность не была востребована, поскольку человек мог существовать автономно, не вступая в контакт с другими гражданами, кроме решения политических вопросов. С давних времен человек Запада всегда отвечал лишь перед правом, а значит, справедливость всегда понималась лишь как справедливость социальная, а не некая общечеловеческая, если мы говорим о западной культуре в целом, а не про отдельных мыслителей. Например, Кант крайне высоко ценил справедливость, отмечая, что «когда

справедливость исчезнет, не останется совсем ничего, что могло бы придать ценность жизни людей» [1, с. 441].

Абсолютно иная ситуация сложилась исторически в России. Ввиду сложного климата, затрудненного ведения хозяйства, постоянных внешних угроз, русские не могли существовать автономно. Так складывался идеал коллективизма, приоритет «мы» над «я». Отсюда и справедливость приобретала не столько политические, сколько мировоззренческие аспекты. Развитие этой категории было тем более важно в условиях русских просторов: указы и приказы власти шли из центра очень долго, учитывая особенности древнего транспортного сообщения, особенно в зимнее время и во время распутицы на дорогах. Как следствие, в России и по сей день сохраняется приоритет морали над правом, справедливости над свободой. Накладываясь на такие особенности русской ментальности, как ориентированность на трансценденцию, глубинные смыслы, в конечном итоге и создало совершенно особую культуру и уникальный тип человека. Для русского человека финансовый и политический успех всегда имел опосредованное, вторичное значение, куда важнее являлась истина как таковая. В роли той самой истины долгое время выступала православная вера, а также государство, что, по нашему мнению, связано с тем, что конфликт церковь—государство в русской культуре отсутствовал в отличие от Запада. Следовательно, в сознании людей защита церкви для русских совпадала с защитой государства, что было очень важно для государственных политиков и идеологов. Так, понимая это, граф С. С. Уваров выдвинул свой знаменитый лозунг-триаду «православие, самодержавие, народность», который идеально отражает сущность потребностей и мировоззрений русского народа. Именно в этих трех столпах русский человек видел справедливость. В настоящее время роль религии заметно снизилась; на место православия пришла вера в деньги, в капитализм, что противоречит духу русского народа, его менталитету и мировоззрению и приводит к такому асоциальному поведению, особенно молодежи, как пьянство, наркомания, разврат. Это происходит потому, что молодые люди не видят подлинных ориентиров для себя, чувствуют фальшь и ложь происходящего вокруг, а из неподлинного выбирают чисто интуитивно самое яркое. Однако после наступает разочарование и смятение, человек начинает метаться и, не приходя ни к чему конструктивному, деградирует.

Выход из подобной ситуации видится в создании и культивации новых цивилизующих смыслов [2], поскольку ячейка религии остает-

ся незаполненной. Таким смыслом и должна стать справедливость, выраженная в рациональных, понятных обычному человеку формах, ибо в русской философии нет конкретных теорий справедливости, она раскрывается, если так можно выразиться, факультативно, пунктиром, поскольку растворена во всей русской культуре. Русская литература учит справедливости, но применительно к высокому и неянному, загадочно-таинственному, более того, если посмотреть на вещи реально, то люди почти не читают. Этот вопрос должен решаться в рамках государственной идеологии, в частных философских трактатах, ибо если в скором времени не заполнить пустоты, оставленные в ментальности русских уходом православия и коммунизма, мы можем иметь самые печальные последствия. Капитализм же, как и гедонизм, по сути своей чужд русскому духу, ментальности и культуре. Он не вписан в наше культурно-смысловое пространство, поэтому Россия сейчас топчется на краю пропасти. Только через выработку новых цивилизующих смыслов, основанных на справедливости, мы можем выйти к новым вершинам и победам, иначе незаполненные структуры в русской ментальности развоят самобытность и уникальность русской культуры, народ потеряет самоидентичность и государство дезорганизуется из-за абсолютной личностной деградации населения.

Литература

1. *Кант И.* К вечному миру / И. Кант. — СПб., 2001. — 441 с.
2. *Жаров С. Н.* Цивилизация и культура в исторических судьбах Запада и России / С. Н. Жаров // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманитарные науки. — 1999. — № 1. — С. 52–74.

ФИЛОСОФИЯ – ОТКРЫТИЕ ИЛИ ОСМЫСЛЕНИЕ?

Е. О. Гомозова, студентка 3 курса
lena.egozova@mail.ru

Научный руководитель – канд. филос. наук, доц. Д. Г. Кукарников

В основе нашего доклада лежит вопрос о введении понятий философом: является ли этот процесс плодом его фантазии или он происхо-

дит в результате вчувствования и рефлексивных усилий? Чувствует ли человек, прежде всего наш коллега, некие начала или сочиняет их? Ответ на этот вопрос сможет помочь нам понять, откуда идет вектор философии: от наличного бытия к области трансцендентного или же от ментального к бытию.

Эта ситуация усложняется положением в современном мире, где у рассматриваемой дисциплины нет точного предмета и общей связующей. Более того, постоянно встречаются понятия «смерть философии», «постфилософия».

Обратимся к истории: ближе к XX в. мы видим упрочение позиций философов, выступающих против метафизики вообще. Уже ко второй половине XX в. встречаем некую практическую направленность философии. В настоящее время происходит знакомство с ее новыми веяниями (например, философия дизайна), которые носят практический или сугубо утилитарный характер. Философия теряет свой вес в мире потому, что не всегда отвечает критерию используемости, статус философа утрачивает свой престиж. В этом можно увидеть особое противоречие: люди, которые буквально направляли развитие мира, стояли за сменой его парадигм, теперь вынуждены отвечать требованию масс и их воззрению.

Ранее философы вскрывали механизмы мира и перенаправляли его развитие. Ярким примером является Карл Маркс. Безусловно, капитализм существовал и до него как производственные отношения и прочие компоненты его теории, но люди смогли увидеть мир через иной его модус благодаря его трудам. Конкретно на учении Маркса можно подробнее изучить обозначенную проблему. В рамках его учения человек становится творцом истории, осмысляя пройденное. Однако впоследствии Грамши заявляет, что замысел Маркса провалился и что данная реальность и есть основополагающий мотив к деятельности. Если революция не подтвердила положения Капитала, значит, «факты выше идеологии» [1, с. 554].

Для решения указанной проблемы обратимся к Гегелю и его «Феноменологии духа» [2]. Основная мысль его работы заключается в том, что следует проследить путь восхождения обыденного сознания к научному. Гегель делает это с помощью своего диалектического метода, который заключается в том, что каждая новая ступень системы становится более рациональной. Задача феноменологии — проследить данный процесс, поскольку он протекает неведомо по отношению к субъекту.

Какие моменты становятся важными в контексте разработанной проблемы? Прежде всего, это начало его труда. Здесь прослеживается путь от обыденного сознания к науке. Точкой отсчета служит чувственный опыт в его непосредственной форме. По Гегелю, в изначальной фазе сознания предмет и сознание всегда разводятся, но знание как бы и заключается в предмете. В знании всегда присутствует «я», которое что-либо знает, т.е. делает усилие в отношении этого акта. Таким образом, сознание всегда формируется на основе связи предмета и знания, оно актуализируется в их содействии. Минус обыденного осмысления этой ситуации в том, что оно всегда разводит упомянутые области сознания и предмета. Сознание не является ничто. Но знание есть появление предмета в области сознания.

Далее Гегель выделяет бытие-в-себе (или самого предмета) и бытие к другому, здесь под другим и выступает сознание. На дальнейших ступенях выясняется, что «в себе» не может быть независимо от сознания. Можно сказать, что сознание смущено разницей между понятием, сущностью, предметом и прочими категориями, что и запускает этот процесс. Метод здесь — отталкивание от предыдущего знания.

Следующий момент связан с самосознанием. Оставив позади столкновение раба и господина, стоическую и скептическую фазу развития, мы обращаемся напрямик к несчастному сознанию. Присваивая предыдущие значения, оно сталкивается с раздвоенностью в себе: с одной стороны, изменчивая часть, а с другой — вечно-божественная. В результате выходом из этого положения оказывается то, что мир заключается в сознании. Здесь самосознание восходит к разуму, где самосознание и предмет становятся друг перед другом в тождественном отношении. Это и есть истина.

К слову о последней, Гегель полагает абсолютный дух как истину, но она всегда — результат суждения или опосредована. Вскрывается некое противоречие, и единственным разумным выходом и будет решение Гегеля — представить ее как круг, «т.е. первичная абстрактность бытия должна наполняться конкретным содержанием всей системы знаний» [3, с. 388].

Разобранное тождество бытия и мышления дает нам некие факты в отношении поставленного вопроса. Откуда же идет вектор философии? Выясняется, что нет конкретной изначальной области, поскольку наполнение мысли становится тождественно проявлению предметов. Раз мы утвердились в правомерности существования это-

го тождества, то выходит, что оба компонента равносильны. Мы не можем сказать, что мысль о чем-то опережает само явление.

Некая тенденция осмыслять наличный мир встречается и в Древней Греции, где понятие бытия было тесно связано с субстанцией. Следовало узнать субстанцию, которая уже есть. Но именно в античной философии зарождается надопытная ее область — метафизика [4].

То, за что критикует Поппер Гегеля, это столкновение тезиса и антитезиса, что делает правомерным любое положение, здесь теряет свой смысл, поскольку «вся философия в целом всегда должна сама себя оправдывать, ибо претендует на тип познания, критерии истинности которого не могут быть сведены только к действительности» [5, с. 1]. Метафизика — принципиальный выход на другой уровень. Она отталкивается от мысли, но для последней нужно содержание. Областью метафизики становится не раздумье о чем-то, а размышление о размышлении. Мысль в ее подобном проявлении всегда идеальна. Это положение может показаться несколько догматичным, но разум всегда имеет некую утвердительность в своем истоке, иррациональный корень. Этот аспект интересен тем, что здесь философия опять же предугадывает развитие, ведь на данный момент нейронауки изучают соотношение иррационального и рационального в нашем мышлении.

Возвращаясь к началу, стоит сказать, что философом всегда вводится некий конструкт, который уже оседает в сознании и не может быть удален, появляется вариативность мышления, отчуждение понятий и самостоятельная жизнь смыслов, что утверждает существование поля их самостоятельного значения. Таким образом, философ, вводя понятие, открывает его.

Итак, философия в некоем роде отталкивается от действительности, но областью ее изучения становится принципиально надмирное.

Литература

1. *Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4 : От романтизма до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери. — СПб., 1997. — 880 с.

2. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. — М., 2000. — 495 с.

3. *Философия : учебник* / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. — 688 с.

4. *Миронов В.* Университетские лекции по метафизике / В. Миронов, А. В. Иванов. — М., 2004. — С. 647.

5. *Миронов В. В.* Смысл философии как метафизики / В. В. Миронов. — Режим доступа: http://vestnik.mstu.edu.ru/v10_3_n28/articles/12_miron.pdf

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Ф. ДОСТОЕВСКОГО

К. И. Конго, студ. 2 курса
karyushka-k@yandex.ru

Научный руководитель – преп. С. С. Православский

Ф. М. Достоевского часто называют философом, или скорее философствующим писателем. И с этим нельзя не согласиться. Конечно, у него нет своей философской системы, как, например, у Канта или Гегеля, тем не менее, в его произведениях присутствует философия. Достоевский подробно описывает философские позиции своих героев. Нередко собственные размышления он отводит на второй план и находится на равных с персонажами произведений. Он приветствует свободу героев и позволяет им высказывать свою точку зрения.

Ф. М. Достоевский как бы ведет диалог с персонажами своих произведений. Такое явление в литературе называется полифонизмом, благодаря которому в творчестве Достоевского, возможно, есть моменты, когда мнения героев по тем или иным вопросам являются совершенно противоположными и иногда не сходятся с мнением самого писателя. Л. Шестов в книге «Достоевский и Ницше» высказал мнение, что большая часть мыслей героев и их слова являются мнением самого Федора Михайловича [1].

В своих книгах Федор Михайлович поднимает проблемы, которые касаются внутреннего мира человека, его переживаний. Он показывает читателям, как герои его романов мучают и терзают себя сомнениями, вопросами, которые их волнуют. Все творчество Достоевского направленно на человека, на глубину человеческой души. Когда читаешь его произведения, то создается такое ощущение, что ты сам находишься в центре событий. Достоевский очень точно рассказывает обо всех переживаниях героев, об их психологии; раскрывает перед читателем мысли своих персонажей, делится с нами их радостью или горем. Кажется, что это ты бродишь по Петербургу, как Раскольников, или общаешься с Иваном Карамазовым, как Алеша. Герои Достоевского часто идут против установившейся мировой гармонии. Писатель ставит перед читателем много неразрешимых и вечных вопросов.

Романы Достоевского имеют экзистенциальную направленность. Они захватывающие, но одновременно являются довольно сложными для восприятия. Сложность заключается в том, что Федор Михайлович очень подробно описывает мысли, диалоги и монологи своих персонажей. Он показывает нам все их страдания, чувства, эмоции. Мы видим их настоящими, без масок и притворства. Поэтому читатель полностью погружен в произведение, и все ощущения и эмоции героев передаются ему.

В своих романах Достоевский особо не уделяет внимания описаниям природы, он сконцентрирован только на человеке. А с помощью описания города, домов, трактиров он показывает внутреннее состояние своих героев. Так, в «Преступлении и наказании» Федор Михайлович изображает мрачный, серый и пасмурный Петербург. Это очень хорошо можно сопоставить с главным героем романа — Родионом Раскольниковым. После совершенного преступления и истязания себя мыслями об этом поступке в душе у Раскольникова царит мрак и пустота.

Герои романов Достоевского обычно униженные, несчастные и оскорбленные люди. Их судьба складывается не лучшим образом, они часто страдают и не могут смириться с неравноправием в обществе. Их не устраивает то, что одним достается все — власть, деньги, счастье, а другим практически ничего. Достоевский считает, что человек должен быть свободным, т.е. он сам может выбрать, быть ему на стороне добра или же зла.

Однажды, в письме к своему брату Ф. М. Достоевский написал: «Человек есть тайна» [2]. В своих романах Федор Михайлович пытается разгадать эту тайну. Нельзя не отметить то, что у Достоевского человек является центром бытия, именно вокруг него все вращается. То есть все для человека и все в человеке. Подобное есть только в христианстве. Ведь в древности к человеку и его судьбе не относились так внимательно, как с появлением христианства.

Достоевский не только решает вопрос о человеке, но и размышляет о Боге. Такое исключительное отношение Федора Михайловича к человеку способствовало тому, что его стали называть христианским писателем. В его произведениях можно заметить, что он отрицает борьбу со злом с помощью зла. Он считал, что вера в Бога и добро — основа нравственности. Человек у Достоевского много страдает, именно благодаря этому он заслуживает счастья, а спастись может только с помощью веры в Бога.

Федор Михайлович в своих произведениях затрагивает проблему религии, показывает отношение героев к Богу и вере. К. А. Степнян писал по этому поводу так: «...все основные романы Достоевского — это романы о христианине (или о христианах). Здесь весь наш мир воссоздан и показан в его полном объеме — как мир, определяющим центром и источником существования которого является Бог» [3, с. 15]. То есть в романах Достоевского так или иначе присутствует тема религии и, например в «Братьях Карамазовых», писатель показывает отношение своих героев к Богу и вере с разных сторон [4].

Федор Михайлович считает, что человек не может быть абсолютным атеистом, потому что рано или поздно все равно обращается к Богу. Не способен атеист доказать то, что Бога нет. Вообще для Федора Михайловича вопрос о существовании Бога и о душе был одним из самых главных.

Наиболее религиозной в творчестве Ф. М. Достоевского является поэма «Великий инквизитор». В ней он показывает две точки зрения относительно Бога. Иван Карамазов является атеистом, а Алеша верующим. На протяжении всей поэмы читатель видит, что Иван все-таки в какой-то степени на стороне Христа, а не инквизитора. «Великому инквизитору нужна от людей не свобода, а покорность, поэтому Иисус Христос только мешает ему своим призывом к свободной вере» [5].

Все герои Достоевского, которые считают себя атеистами, очень много страдают и из-за этого отрицают существование Бога. Им кажется, что если на планете так много страданий и мрака, то Бога быть не может, потому что он не допустил бы такого. Они ненавидят мир из-за того, что не могут смириться со своими переживаниями.

Достоевский в своих произведениях взывал к Богу. Для него Бог был единственной надеждой, единственным смыслом существования. Он считал, что без Бога человек обойтись не может, потому что только в Боге можно найти утешение и спасение.

В творчестве Ф. М. Достоевского можно встретить еще такое направление, которое касается демонологии. Он считал, что сила дьявола способна овладеть человеком, сбить его с пути. Дьявол пробирается в самую душу человека, влияет на его психологическое состояние. Это оказывает воздействие на чувства и мысли людей. Про самого Федора Михайловича часто говорили, что в нем находится дьявол. Но у Достоевского был Бог, и это ему помогало.

Ф. М. Достоевский оказал огромное влияние на развитие русской и западной философии. Он смог раскрыть и показать большинство проблем, которые связаны с человеком. Сумел рассказать о душевных переживаниях и людских пороках, страхе перед смертью и раскрыть внутренний мир героев. Для него была очень важна свобода человеческого духа. Он не мог жить без Бога, потому что иначе не было бы никакого смысла в жизни. Религиозность играла огромную роль в развитии его творчества [6].

Литература

1. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Философия трагедии / Л. Шестов. — СПб., 1903.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л., 1988. — Т. 30 (I) : Письма, 1878—1881. — 456 с.
3. Степанян К. А. Сознать и сказать. Реализм в высшем смысле как творческий метод Ф. М. Достоевского / К. А. Степанян. — М., 2005.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. — М., 1985. — 784 с.
5. Евлампиев И. И. Религиозность русской философии как проблема / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. — 2012. — № 1. — С. 117—129.
6. Евлампиев И. И. «Посюсторонняя» религиозность Ф. Достоевского и Ф. Ницше / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. — 2013. — № 7. — С. 121—133.

УЧЕНИЕ ПЛАТОНА ОБ ЭРОСЕ. АНАЛИЗ ДИАЛОГА «ПИР»

В. А. Костин, студент 1 курса
kostinvladimir1@gmail.com

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Цуркан

«Пир» — произведение Платона, содержащее одну из классических версий изложения базовых идей платоновской философской концепции и занимающее в силу этого важнейшее место в системе его диалогов [1].

Эротический аспект в платонизме играет не только фундаментально-смысловую, но и диалектически связующую роль. Космологическое воззрение на бытие как на законченный, совершенный меха-

низм было бы невозможно без связующего элемента. В платонизме именно Эрот является этим элементом, репрезентирующим себя во всем окружающем мире. Доаристотелевское понимание причинности представляло собой именно диалектическое взаимоотношение явлений, их постоянное противостояние или вечную друг к другу притягательность. Вечный, прекрасный порядок невозможен без любви и стремления друг к другу его составных элементов.

Трактовка идеи вещи как предела ее становления и постулат непреодолимого вечного стремления вещи к своей идее подталкивают к мысли о сравнении этого тяготения со страстным любовным порывом, Эротом.

1. Аполлодор и его друг.

Первая глава диалога является в большей степени вступительной и почти совсем не отображает платоновских философских воззрений. Однако название диалога и обстановка, описываемая Платоном в самом начале его произведения, невольно наталкивают на мысль о демонстрации автором роли социально-политических условий, необходимого чувства комфорта и досуга у элитарного сословия, т.е. важнейших составляющих аспектах социогенной концепции зарождения философии.

2. Речь Федра: древнейшее происхождение Эрота.

Опираясь на архаичность Эрота, Федр рассматривает его как источник человеческого блага и говорит о сильной регулятивной составляющей в любви. Упомянув о преданности божественного Ахилла к влюбленному в него Патроклу, Федр говорит о нем как о благом любимом.

Влюбленный испытывает нужду, он уже обожествлен непреодолимой потребностью в объекте своей любви, а любимый, в свою очередь, обладает большой властью над тем, кого в себя влюбил. Так что любимый, не отвергающий любви к себе, а, наоборот, ее принимающий и оплачивающий тем же, в представлении Платона уже талантлив в понимании любви и Эрота, а поэтому благодетелен.

3. Речь Павсания: два Эрота.

Павсаний поправляет Федра, напоминая гостям о двойственности этого бога и любви вообще. Негативно окрашивая примат физиологического над интеллектуальным в любви, говорящий доносит мысль о том, что истинная любовь должна учить людей добродетели. Столь строгий понятийный дуализм, связанный с молодостью философии, ее постмифологичностью, находит свое отражение и в

разделении любви на две ипостаси. Первая — то, что мы называем влюбленностью — чувства инстинктивные, основанные на чистой физиологии, а поэтому нестабильные и, как правило, недолговечные. Подобная влюбленность властвует над человеком и не венчается успехом, если только не переходит в любовь, которую Платон отождествляет с мужской дружбой, главенствующее место в которой занимают именно стабильные, доверительные отношения, служащие во благо и для личностного роста партнеров.

4. Речь Эриксимаха: Эрот разлит по всей природе.

Эриксимах говорит о присутствии Эрота не только лишь в человеке, но и в окружающей его природе, во всем бытии. Находя мысль о двойственности Эрота вполне разумной, говорящий отмечает, что Эрот пошлый и Эрот небесный должны находиться в гармоничном соотношении.

Для объяснения причинности того или иного явления, древний человек приписывал свои собственные, чувственные качества составляющим этого явления. Прибегая к мистической сопричастности, бессознательно отождествляя природное с ассоциативным, человек понизил коэффициент окружающей опасности и ввел связующий элемент, не только объясняющий причинность явления, но и формирующий целостное восприятие окружающего мира. Всё в таком мире испытывает чувства, любит или ненавидит. Всемирное тяготение, к примеру, было очевидно и в те далекие времена, но только как тяготение любовное. В таком мире явление — чувственный модус составляющих его элементов, в высшей мере осуществляющий себя в формировании прекрасного космического механизма.

5. Речь Аристофана: Эрот как стремление человека к изначальной целостности.

Аристофан выдумывает миф об андрогинах — существах, сочетавших в себе начала обоих полов. Обладая могуществом, полученным из единства мужского и женского, они пытались взойти на небо и свергнуть богов. Зевс в наказание разделяет каждого андрогина на две половины и, разбрасывая их по миру, заставляет стремиться к своей половине для достижения прежней целостности и могущества. Стоит отметить, что мысль о стремлении к единству со своей собственной природой через преодоление негативного противопоставления мужского и женского нестандартна для ментальности и способа мышления античного человека, который именно благодаря противопоставлению и формирует длинный перечень бинарных оппозиций,

с помощью которых архаическое сознание и пыталось упорядочить окружающий мир. Попытка сознательного примирения данных оппозиций, сведение их к гармоничному отношению может свидетельствовать о закате столь выпирающего противопоставления и о бегстве античного сознания от радикального разграничения к ощущению единства и созидательной гармонии. Это свидетельствует о начинающемся усложнении эллинского сознания, прерогативой которого теперь является еще большее стремление к прекрасному, цельному, упорядоченному.

6. Речь Агафона: совершенства Эрота.

Агафон в отличие от предыдущих ораторов перечисляет отдельные совершенные свойства Эрота, называет его прекрасным и благим, подготавливая тем самым пространство для сократовской речи.

7. Речь Сократа: цель Эрота — овладение благом.

Сократ, задавая наводящие вопросы, добивается от Агафона признания собственной неправоты и согласия с мыслью о том, что Эрот есть стремление к прекрасному и благому, а поскольку всякое стремление вызвано тягой к тому, чем не обладаешь, то Эрот вовсе не прекрасен и не благ. Платон в очередной раз демонстрирует читателю силу майевтики. Созданный Сократом метод философствования не только внес большой вклад в философию, но и еще сильнее закрепил роль слова в тогдашнем мире, тем самым стремительно развил важнейшую составляющую прямой демократии.

Философ говорит о срединной природе Эрота, о нахождении его где-то посредине между крайностями добра и зла, прекрасного и безобразного. Суть любви и цель Эрота — вечное обладание всяким благом и счастьем. Сократ упоминает также о стремлении человеческой природы к бессмертию. Вожделение бессмертия и любовь как стремление к вечному обладанию благом проявляет себя в деторождении, ибо зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном. Второй способ достижения бессмертия — оставить после себя вечную память о своей добродетели. Значит, Эрот есть любовь к вечному порождению в красоте ради бессмертия, к порождению как телесному, так и духовному.

Продолжая монолог, Сократ говорит об эротической иерархии и о способе перехода от прекрасной вещи к идее прекрасного. Любовь здесь — механизм, осуществляющий восхождение от убогого, материального к божественному. В своем заключении Сократ делает вывод о необходимости почитать Эрота.

8. Речь Алквиада: панегирик Сократу.

Речь Алквиада отражает столь очаровывающий последующих философов образ Сократа. Образ хоть и ироничного, но благодетельного спасителя, врача, лечащего нравственностью и эстетизмом.

9. Заключительная сцена.

Ключевое отличие и та основная новизна, которую можно увидеть в платоновском «Пире», — представление идеи как предела становления вещи. Понятие предела занимает важнейшее место в современной математике и философии. Поэтому было бы ошибочным не упомянуть о большом достижении Платона и его вкладе не только в гуманитарной сфере, но еще и в прикладной.

Проблема Эрота, поднятая в диалоге, является ключевой во всей философии Платона. Изображая любовь одним из принципов этого прекрасного, неизменного космоса, Платон открывает в человеческой любви элемент божественного, его тоску по своему первоначальному образу и стремление человека выйти за рамки собственного бытия, встать на путь созерцания идей и тем самым переоткрыть в себе свою истинную духовную природу [2].

Литература

1. Платон. Пир / Платон : пер. С. К. Апта. — М., 1993. — 53 с.
2. Лосев А. Ф. Диалоги. Комментарии к диалогам Платона / А. Ф. Лосев. — М., 1990—1994.

МЕТАФИЗИКА И ПОСТМОДЕРН

В. Г. Кравчук, студент 4 курса
vladushka77777@rambler.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, преп. И. А. Журавлёва

Опираясь на философскую концепцию М. Хайдеггера, попытаемся проанализировать проблему соотношения метафизики и постмодернистской картины мира, а также обосновать предположение о переходе метафизики в сферу *das Man* в постмодерне.

Метафизика — это сфера, с незапамятных времен являвшаяся вместилищем сущностей, т.е. наука о первоосновах бытия. Но пред-

ставления о бытии видоизменялись, в конечном итоге сложившись в самостоятельную науку — онтологию, при этом связь бытия и метафизики сохранялась, требуя более точного определения предмета метафизики. После коперниканского переворота И. Канта метафизика закрепила за собой статус вместилища непознаваемых в бытии сущностей. Э. Гуссерль, напротив, объявив лозунг назад к вещам, полагал, что метафизика есть обитель феноменов, конституированных активностью нашего сознания, которое являлось в свою очередь отражением бытия [1].

Попытка позитивистов уйти от метафизики обернулась неудачей, поскольку рассудочное познание не мыслит строго без относительно метафизического теоретического стержня, определенного закона-схемы.

М. Хайдеггер изменил представление о метафизике в своей философии, отделив бытие от сущности, метафизика вновь стала вместилищем бытия, не являющегося сущностью, но при этом сущего, ввиду своей экзистенциальной установки — чистой открытости. «Что сущее бытийного рода присутствия не может быть осмыслено из реальности и субстанциональности, мы выразили тезисом: субстанция человека есть экзистенция» [2, с. 212]. В связи с этим бытие не является сущностью, при этом его сущее можно было бы посчитать небытием, но небытие в философии Хайдеггера является абсолютным не сущим, чистой уничтожительностью самого себя, что отличается от бытия (*Sein*), являющегося открытостью, «само-отдача открытости вместе с самой открытостью — это, собственно, и есть бытие как оно есть» [3, с. 204]. Так как *Sein* не сущность, то оно не является частью мира для нас. В мире для нас существует бытие *das Sein*, также не являющееся сущностью, а экзистенцией сущности. Путь *das Sein* открывается нам (именно открывается) посредством волевого усилия, осуществления свободы. Проявляя их, мы испытываем состояние ужаса, так как сталкиваемся с небытием, что является, в свою очередь, показателем проявления бытия *Sein* (открытости), поскольку в акте воли человек выходит за рамки мира *das Man* (мира конечной, логической завершенности), не знающего смерти, сталкивающегося лишь с непрерывностью. В *das Man* время всегда есть вечный поток, непрерывность, вне точек завершения и отсчета, механизм ради механизма, он останавливает экзистенцию на пути к *das Sein*. Резюмируя теорию Хайдеггера, можно сделать вывод о том, что метафизика в его понимании — это обитель языка, в котором существует бытие,

трансцендентное *das Sein*, но при этом имманентное ему самому во времени, как сама открытость. Выходит, что *Sein* у Хайдеггера — это своеобразный наличный (познанный) феномен, предшествующий собственному присвоению сознанием.

Составив опорные пункты в понимании метафизики Хайдеггера, перейдем к постмодернистскому мировосприятию. В рамках постмодерна метафизика воспринимается как некое искусственное, насильственное начало, создающее помеху на пути подлинного существования. Метафизика как насильственная, универсальная структура была подвержена деконструкции [4]. То есть постмодерн произвел разложение субъектного отношения в рамках имманентного сосуществования мира. Так как трансцендентный характер метафизики универсализирует экзистенцию, что осуществляет диктат Разума и невозможность отсутствия подчинения.

Но метафизика никуда не уходит, она остается, перейдя из трансцендентного в сферу хайдеггеровского *das Man*. То есть *Sein*, открытость стала почвой для непрерывности, подменяя волевые усилия на пассивность повседневности. Человек не воспринимает трансцендентное, оно становится для него имманентным, занимая место в пространстве, что позволяет выходу языка в реальность, содержанию метафизики. Это в свою очередь образует возможность сосуществования всех возможных миров, делает их достоянием общего, виртуальная реальность становится непрерывной, так как время теперь мыслится как пространство.

Получается, что метафизика не есть нечто враждебное естественному состоянию, как полагали постмодернисты. Метафизика — это неотъемлемая часть естественного существования, из этого следует, что в хайдеггеровской метафизике *Sein* осуществляет себя не только имманентно времени, но и имманентно пространству, что позволяет сделать вывод о существовании многих миров, в рамках которых метафизика является естественной, не искусственно универсализированной основой.

Литература

1. *Пушкин В.* Сущность метафизики / В. Пушкин. — СПб., 2003. — 480 с.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. Бибихина. — М. : Ad Marginem, 1997. — 451 с.
3. *Хайдеггер М.* Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. Бибихина. — М., 1993. — 447 с.

4. *Росман В.* Деконструкция деконструкции : метафизика присутствия в лучах звезды Давида / В. Росман // Вопросы философии. — 2001. — № 3. — С. 57–72.

НАСИЛИЕ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. В. Михалькова, студентка 2 курса
trooge@yandex.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Цуркан

Насилие — это продукт истории человечества, одна из вечных тем философского дискурса. Оценка того, насколько насилие имманентно природе человека, по ходу социокультурной эволюции последнего, была весьма различной. Однако опыт XXI в., несмотря на успехи гуманизма и торжество либеральных ценностей, скорее удручает. Очевиден выход насилия за рамки легитимного политико-правового применения. Существуют и неизвестные прежде нюансы: в частности, виртуализация насилия в рамках массовой культуры, превращение насилия в неотъемлемый атрибут молодежных субкультур и др. Все это и многие другие эмпирические наблюдения делают потребность философского осмысления насилия значимой и актуальной.

Понятие феномена насилия в современной философской литературе трактуется по-разному. В частности, австрийский этолог и философ К. Лоренц утверждал, что насилие (агрессивность) имеет инстинктивный характер и является защитной реакцией организма на окружающую среду [1]. Многие исследователи синонимизируют насилие с применением силы, нанесением ущерба, подавлением свободы, а также нарушением прав человека [2].

Сущность насилия заключается в разновидности агрессии в социальной практике. Для разграничения этих двух терминов следует отметить, что агрессия является свойством живой материи, а насилие — ее социальная проекция. Российский философ В. Лейбин подчеркивает, что агрессия это «...импульс или намерение, предопределяющие такое поведение человека, которое характеризуется разрушительностью и деструктивностью» [3]. В соответствии с базовым принци-

пом естественного отбора борьба за выживание и сопутствующая ей агрессивность являются решающим фактором эволюции.

Агрессивность условно проявляется в четырех группах живых существ. В группе до теплокровных, в числе которых рыбы, членистоногие, земноводные и пресмыкающиеся, врожденные инстинкты регулируют агрессию. В группе теплокровных млекопитающих и птиц агрессия индивидуальна, вариативна и имеет иерархические особенности. В группе человека агрессивность приобретает социальную окраску и перевоплощается в насилие. Четвертая группа характеризуется внедрением в государство агрессивности как аппарата принуждения.

Однако если в первых двух группах агрессия обеспечивала продолжение рода и самосохранение, то на последних стадиях развития общества насилие как социальная проекция приобретает качественно иное своеобразие. Помимо физического источника, насилие канализируется непосредственно и через другой источник. «Анализ литературы позволил предположить, что в процессе социально-культурной эволюции основным средством превращения физического насилия становится его виртуализация» [4].

Одним из первых отечественных исследователей в области изучения феномена виртуальности был русский психолог Н. А. Носов, утверждавший, что любое творчество — это переход в виртуальное пространство [5]. Американский публицист Ф. Хэммит считал, что идея виртуальности стала возможной благодаря тому, что эволюция знаковых систем искусства привела к созданию кинематографа, соединившего в себе живопись, дизайн, драму, танец, музыку, фотографию и многие другие средства самовыражения [6].

Виртуализацией обычно называют искусственно созданное пространство, оснащенное компьютерной техникой. Одним из воплощений виртуальности стала компьютерная игра [7]. «Компьютерная игра сегодня является мощным фактором социализации человека в современном мире. Миллионы людей, становясь адептами тех или иных продуктов гейминдустрии, обретают новый статус: геймер — человек, играющий в компьютерную игру или на игровой приставке. Посредством игры геймеры удовлетворяют потребности в релаксации, в общении к референтной группе и т.д. Нередко они обретают игровую кибераддикцию (т.е. зависимость от компьютерных игр. — А. М.), в контексте которой трансформируется и даже деформируется личность» [8].

И хотя канализация насилия из социальной действительности в виртуальную может способствовать снижению уровня социальной напряженности, констатировать положительный результат было бы опрометчиво. Обратная сторона виртуализации концентрируется в принятии насилия как повседневного явления, следовательно, как необходимого для современной действительности. Социологические исследования и сводки новостей подкрепляют данные опасения. В 2014 г. состоялся суд над Коди Мецкер-Мэдсенем в штате Айова (США). 18-летний юноша убил младшего брата, увидев его как персонажа игры «командира гоблинов» [9].

Это не единственный пример, где виртуализация насилия реализует виртуальную агрессию в актуальную. По статистическим данным измерителей аудитории Интернета, медиакомпаний RomirMonitoring и TNS GallupMedia, которые исследовали российскую аудиторию, было выявлено, что основная часть (52 %) — это геймеры от 22 до 44 лет. Значительную часть здесь составляет молодежь от 10 до 19 лет (35 %). Анализ современных исследований показывает, что на данную аудиторию геймеров приходится несколько убийств. Рассмотренная под таким ракурсом проблема, возможно, не кажется столь катастрофической, но и гарантированность спокойного будущего также отсутствует.

Удачная попытка систематического исследования данной проблемы была предпринята профессором медицины Клаусом Матиакком из клиники немецкого университета Аахена. Ученый проанализировал мозговую деятельность опытных геймеров и сделал вывод, что мозг человека может реагировать на виртуальное насилие в игре почти точно так же, как на реальное [10].

Таким образом, данная проблема является актуальной и достаточно широко обсуждаемой. Вместе с тем целый ряд конкретных вопросов, связанных со сведением к минимуму последствий геймерзависимости, а также устранение самой проблемы в принципе остаются недостаточно разработанными. С уверенностью можно ожидать дальнейшего развития гейминдустрии, а также киберсоциализации большинства интернет-пользователей.

Литература

1. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц // Человек находит друга : пер с нем. Г. В. Швейника. — М., 2013. — С. 3–292.

2. *Аренд Х.* О насилии / Х. Арэнд ; пер. с англ. Г. М. Дашевского. — М., 2014. — 148 с.

3. Лейбин В. М. Постклассический психоанализ : энциклопедия / В. М. Лейбин. — М., 2009. — С. 981.
4. Балашова Н. А. Физическое и виртуальное пространство реализации социального насилия / Н. А. Балашова // Социальное насилие : сравнительно-исторический взгляд // Историческая психология и социология истории. — 2012. — № 2. — С. 136–147.
5. Носов Н. А. Виртуальная психология / Н. А. Носов. — М., 2000. — 432 с.
6. Hammet F. Virtual Reality / F. Hammet. — New York : Straus Ed, 1993. — 213 p.
7. Степанцева О. А. Социальный портрет «геймера» / О. А. Степанцева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради : научный журнал. — 2007. — № 6 (24). С. 80–84.
8. Плешаков В. А. Особенности смысложизненных ориентаций в подростковом и юношеском возрасте / В. А. Плешаков, В. В. Наместников // Среднее профессиональное образование. — 2013. — № 8. — С. 36–37.
9. Новостной портал NEWSru.com. — Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/07nov2014/skylanders.html>
10. Мозг одинаково реагирует на виртуальное и реальное насилие. 2005. — Режим доступа: <http://www.membrana.ru/particle/8756>

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Н. А. Святокум, студентка 5 курса
pincode881@icloud.com

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. А. С. Кравец

В настоящее время в философской среде активно обсуждается феномен сознания. Естественно, что он всегда оставался для философов проблемным, однако сегодня тема ментального играет совершенно в новых красках. Главным образом это связано с мощным развитием когнитивных и компьютерных наук, открывающих для нас много данных, которые требуют осмысления. Проблема состоит в том, чтобы объяснить, почему существует субъективный опыт, почему существует «наблюдатель». Обостряются также вопросы, чем именно является сознание и как оно соотносится с физическим телом.

© Святокум Н. А., 2015

В данном тексте попытаемся разъяснить, какие условия необходимы и какие достаточны для возникновения сознания.

В решении проблемы сознание — тело условно можно выделить два лагеря. В первом окажутся дуалисты, т.е. те, которые представляют сознание как особую сущность, не сводимую к материи. Во втором — физикалисты, т.е. признающие ментальное лишь отдельным аспектом материальной субстанции. Последний подход был весьма распространен в XX в., физикализм до сих пор весьма силен, однако сейчас можно заметить, как возрождаются дуалистические тенденции.

Наука, в частности философия, отдает себе отчет в том, что огромное количество знаний о головном мозге, которые к тому же увеличиваются с каждым днем, дает возможность продвинуться в описании изменений в мозге, но не дает доступа к ментальным состояниям. С помощью естественных наук можно объяснить скорее такие отдельные функции и структуры в сознании, как восприятие, мышление, поведение, но объяснить, почему эти отдельные функции не идут «в темноте», а сопровождаются внутренним чувством, оказывается проблематично.

Физикализм не настроен на объяснение сознания как феноменального факта. Если под сознанием понимается феноменальность, то нельзя редуцировать сознание к телу, так как между ними невозможно выстроить ряд причинно-следственных связей. «Причинно-следственный механизм — это всегда возможность процедуры вскрытия последовательного и непрерывного процесса перехода одних состояний в другие при сохранении качественной однородности этих состояний» [1, с. 115].

Таким образом, связь между ментальным и физическим оказывается не телесной, как, например, физической или химической, а смысловой. Однако смысловое различие, естественно, предполагает сознание, которое эти связи рождает. Следовательно, «более оправданно рассуждать о сознании на языке самого сознания, не прибегая к посылкам физического опыта» [1, с. 115]. Исследовать методами естественных наук можно лишь объект, но сознание не есть объект, так как я, исследователь, и есть само сознание.

Кроме того, у многих психоаналитиков и философов XX в., в том числе Л. Витгенштейна, можно обнаружить идею о том, что в процессе мышления существует некий «необъективируемый остаток», который мышлением и является. Попытка объективировать

сознание, таким образом, напоминает попытки увидеть «место, где нас нет». Это можно также сравнить с известным примером Витгенштейна о глазе, который не видит сам себя в процессе видения. Если бы глаз смог увидеть себя в процессе видения, то он видел бы только себя, а не вещи вокруг. Общий смысл этих идей в том, что, «заяв позицию, на которую смотрят, мы теряем позицию, с которой смотрят». В феноменологической манере об этом можно заключить следующее. «В движении, стремящемся ухватить саму интенцию как объект интенционального акта, объектом этого движения оказывается “ничто”, правильнее сказать, имеем отсутствие всякого объекта» [1, с. 120].

Физикализм, отрицая феноменальную природу сознания, предполагает, что для его возникновения достаточно двух условий. Во-первых, это материальный носитель, высокоорганизованная материя, будь то нейронные сети мозга или кремневые чипы; во-вторых, поступление информации, которая будет данными носителями обрабатываться. Однако если остановиться лишь на указанных условиях, то можно заметить, что им соответствуют отнюдь не только носители сознания. Компьютер, радио и многие животные в данном случае тоже должны переживать субъективный опыт. Безусловно, оба перечисленных фактора являются необходимыми, но они не являются достаточными для возникновения субъективного опыта.

Что в таком случае будет являться достаточным условием? Если говорить о сознании на языке сознания, то что же это будет за язык? Это должен быть язык, учитывающий смысловую сущность сознания. Формирование же смыслов происходит только в социуме. Мир, в котором мы живем, существовал и до нашего рождения, переживался и интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный. «Перед нами он предстает в нашем собственном переживании и интерпретации. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним — нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями» [2, с. 77].

Этот багаж знаний включает в себя представление о том, что мы живем в мире объектов с более-менее определенными качествами. Это и есть запас наличного знания, который до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Качества мира могут меняться в связи с нашими интерпретациями, однако они не могут восприниматься изолированно, поскольку изначально связаны с предшествующим опытом.

Предшествующий опыт, формирующий представление о мире, в котором мы живем, создает также то достаточное условие для возникновения сознания. Для иллюстрации можно привести многочисленные случаи, когда дети вырастали не в социуме, а, например, в лесу рядом с животными. У этих детей могут быть абсолютно здоровыми зоны мозга, отвечающие за мышление, речь, однако они не смогут развиваться без социума, без получения багажа смыслов, обыденных представлений о мире, который в дальнейшем развивает сознание. То есть мы видим, что, во-первых, есть высокоорганизованная материя, мозг; во-вторых, есть возможность получать информацию, так как развиты органы чувств, но при этом нельзя сказать о развитом сознании.

Таким образом, говоря о сознании, необходимо обращать внимание и на его социальную сущность, поскольку сознание, по сути, оказывается плодом исторической и биографической памяти.

Литература

1. *Гаспарян Д. Э.* О логическом и физическом типах отношений между сознанием и телом / Д. Э. Гаспарян // В. В. Миронов, В. В. Васильев, В. И. Маркин / *Философия сознания : классика и современность : вторые Грязновские чтения.* — М., 2007. — 480 с.

2. *Шюц А.* Структура повседневного мышления / А. Шюц // *Социологические исследования.* — 1988. — № 2.

ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЕЙ МЕДИАПЛАТОНИЗМА

К. Н. Филипцев, студент 5 курса
k.filiptsev@mail.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Цуркан

Платон (427–347 гг. до н.э.) оставил в наследство огромный корпус философских сочинений, подобный которому не удавалось создать мыслителю ни до него, ни после, а также философскую школу в Афинах — Академию. Схолархи, академики и последователи, идя различными интеллектуальными путями, создали платонизм как иде-

алистическую традицию античной философии. Эволюция платонизма включала три этапа:

1) вторая половина IV в. — первая половина I в. до н.э., когда развитие платонизма происходило только в рамках Афинской академии;

2) вторая половина I в. до н.э. — II в. н.э. — средний платонизм, вышедший за рамки Афинской академии и превратившийся во все-ленское учение;

3) III — V вв. н.э. — неоплатонизм, представлявший собой третье великое философское учение в идеалистической традиции.

Цель данной статьи — определить характерные черты среднего платонизма, или медиоплатонизма, получившего название по месту расположения между предшествующим периодом развития платонизма и неоплатонизмом.

Начало формирования медиоплатонизма совпало по времени с образованием Римской империи (30-е гг. до н.э. — 476-е гг. н.э.), опиравшейся на военную мощь легионов и разветвленный бюрократический аппарат управления. Это сопровождалось крушением покоренных Римом древних государств, утративших независимость, и люмпенизацией населения. Следовавшие друг за другом политические перемены, возвышения и падения государственных деятелей, обострение имущественных и социальных противоречий приводили к росту бедствий и катастроф в личном существовании. Неуверенность людей в завтрашнем дне создавала благодатную почву для религиозных учений, культов и мистерий, проникавших в Римскую империю с Востока. Терпимость римских императоров к чужеземным культам способствовала укоренению восточных религий и суеверий в Риме [1, с. 292—293]. В I—II вв. н.э. расцвел гностицизм, вобравший в себя античные и восточные, в том числе христианские воззрения. Вообще, тенденция к эклектическому смешению характерна как для философии, так и для религии этого времени. Всё это не могло не найти отражение в идеалистической традиции.

Изменения в платонизме происходили одновременно с возрождением интереса к пифагореизму, так как Пифагор соединял обаяние и славу религиозного мудреца и ученого, проникшего в тайны природы и космоса. Новые поклонники пифагореизма примкнули к пифагорейской стороне учения Платона. Они стремились эклектически соединить подлинный платонизм и ряд учений Ликия и Стои, которые в то время проникли в сознание людей. Новопифагореизм оказывал влияние на платонизм. Все философские построения этого периода

обычно начинаются метафизическим учением о принципах, следуют за Аристотелем и стоиками в физике, космологии и логике, за Платоном и пифагорейцами — в учении о душе и завершаются аскетической проповедью пифагорейского образа жизни и религией загробного существования. Видными деятелями новопифагореизма были Модерат из Гадеса, Аполлоний из Тианы, Никомах из Геразы, Нумений из Апамеи.

Неопифагореизм и средний платонизм были тесно связанными и переплетающимися направлениями в античной философии. Джон Диллон справедливо считает, что корни медиоплатонизма были заложены схоластами Древней академии в Афинах: Ксенократ инициировал главные течения среднего платонизма, Спевсипп дал толчок развитию некоторых направлений неопифагореизма, Полемон предвосхитил стоиков в целом ряде разработанных им доктрин [2, с. 7]. Однако центром среднего платонизма Платоновская академия, к сожалению, не стала.

Схолярх Платоновской академии Антиох из палестинского города Аскалона (130—67-е гг. до н.э.) был учеником Филона Ларисского в течение 20 лет. Филон из Лариссы в Фессалии стал схоляром в 110—109-е гг. до н.э. и оставался на посту 22 года, пока не бежал из Афин в Рим в 88 г. до н.э. Вместе с Филоном бежал также и Антиох. Антиох приобрел широкую известность своими лекциями, которые посещали Квинт Лутаций Катулл и Цицерон. Известный римский аристократ Лициний Лукулл стал другом Антиоха. Когда при Сулле Лукулл покинул Рим, чтобы стать квестором в Азии в 87 г. до н.э., Антиох сопровождал Лукулла в составе его администрации. В 69 г. до н.э. Антиох в составе ставки Лукулла участвовал в военной кампании, так как сохранилось описание Антиоха битвы при Тиграноцетре (Сирия). Едва ли мы можем считать Антиоха основателем среднего платонизма, так как он был очень увлечен стоической физикой. Заслуга Антиоха заключалась в том, что он навсегда повернул Академию от скептицизма Аркесилая и Карнеада к догматизму. Задача освобождения Бога от пут телесности и определение Бога на небеса выпала на долю следующих поколений платоников. Считаем также неверным связывать начало среднего платонизма с закрытием Афинской академии в 88 г. до н.э. [3, с. 632].

Преемником Антиоха в Академии стал его брат Арист(ос), который, по свидетельству Плутарха, был приятным в общении человеком, но едва ли мог быть назван философом. Ясно, что это не создавало

предпосылок для развития хорошей философской школы. В 50 г. до н.э. Академию проездом еще раз посетил Цицерон. В 46 г. до н.э. Арист был жив, так как в диалоге «Брут», датированном этим годом, Цицерон обращается к нему «мой друг и гость Арист».

Ариста на посту схоларха сменил Теомнест из города Наукратиса Египетского. В 44 г. до н.э. он упоминается как глава Академии, которую посещал Брут. Если верить Филострату («Жизнеописания софистов»), Теомнест скорее был софистом, чем философом. Что случилось с Афинской академией после смерти Теомнеста, мы не знаем. Вероятно, она просто прекратила свое существование.

Центр платонизма переместился в Александрию, где жили и творили Евдор и Филон Александрийские. Мы поддерживаем точку зрения Джона Диллона, что именно Евдор и Филон создали тот *тип платонизма*, который несет отпечаток сильного влияния пифагорейского числового символизма и мистицизма и который в отличие от стоического материализма Антиоха явился истинным основанием среднего платонизма [4, с. 73].

В I—II вв. н.э. существует пять центров возрождения платонизма: Афины и Рим в Европе, Пергам и Смирна в Азии, Александрия в Африке. В *Риме* к среднему платонизму принадлежал *Максим Тирский*. В своей диатрибе о боге в философии Платона он утверждал, что бог не может находиться в потоке изменяющихся вещей, что бог — самый совершенный ум, что этот ум — отец и творец Вселенной — невидим, постижим и несказуем, что вся красота изливается из него, как из вечного источника, что между Богом и человеком существуют низшие боги и демоны. В *Пергаме* средним платоником был *Гай*, который изгонял из платонизма не только аристотелизм, но и стоицизм; в частности, он очищал логику платонизма от логики стоицизма. Лекции Гая Пергамского слушал врач и философ *Гален*, уроженец Пергама, которому принадлежит философско-медицинское сочинение «О взглядах Гиппократата и Платона». В *Смирне* процветал средний платоник *Альбин*, пользовавшийся большим авторитетом. Он написал сочинение «Дидаскаликос», или «Эпитомэ». Альбин различает такие начала всего сущего, как вещество, идеи и неподвижный ум, лишенный каких-либо атрибутов и недоступный пониманию человека. Однако этот неподвижный и непознаваемый для нас ум является причиной ума «целокупного неба», ума всегда деятельного. Ниже второго ума находится третий ум как сила души космоса. Затем следуют звезды — «видимые боги». На низшей ступени иерархии

пребывает Земля, управляемая демонами. Каждый элемент имеет своего демона. В учениях Максима Тирского и Альбина ясно прослеживается демонологический аспект, а у Альбина к нему прибавляется еще и астрологический. Это вводит нас прежде всего в область магии. Такие идеи мы можем найти в так называемом низком герметизме. Согласно этим представлениям, весь подлунный мир кишит демонами. Похожие взгляды можно обнаружить и в высоком герметизме, но там их значение иное. Там демонов опасаются, как вредных для души существ; здесь, напротив, с ними стараются вступить в сношения ради всяких земных благ. Властвует над демонами Луна, по-гречески — Геката, а по-египетски — Тот, он же «владыка словес». Зная эти слова, формулы заклинания, можно подчинить себе демонов [5, с. 337]. Как раз вера в такого рода силу слов является существенной чертой магического мировосприятия.

В *Александрии*, возможно, жил *Цельс*, критик христианства, известный по сочинению христианского теолога Оригена «Против Цельса», и, наверное, *Аммоний Саккас*, учитель Плотина — основателя неоплатонизма. История не сохранила никакой информации о том, что происходило в философских кругах *Афин* до появления Плутарха Херонейского. В 66—67 гг. н.э. учитель Плутарха египтянин Аммоний заведовал Платоновской академией. К среднему платонизму примыкали *Плутарх Херонейский*, ученик Аммония, и *Апулей*.

Платонизм становится *экуменическим (вселенским) учением*.

Все эти философы считают истинно-сущими только бестелесные сущности. Символы метафизических и физических категорий — это *числа*. Существуют два высших начала — *единица* и *неопределенная двоица*. Они выражают основную противоположность активного и пассивного начала, формы и вещества, совершенного и несовершенного: единица — символ блага, безусловного совершенства; неопределенная двоица — источник всяческого несовершенства, беспорядочности и изменчивости.

В доктрине медиоплатонизма различаются два направления. Одно выводило неопределенную двоицу из единицы, из единственного истинно-сущего, другое направление считало и единицу, и двоицу одинаково первичными. Все сторонники медиоплатонизма признавали четыре несводимых друг к другу и несопоставимых начала: бестелесное начало формы, или числа; телесное начало; начало добра и порядка, существующего в мире; и злую мировую душу как источник существующего в мире зла. Представление о злой мировой душе

близко к учению о злом Боге-Творце у гностиков (у самого Платона Демиург еще благ).

Таким образом, медиоплатонизм восстановил понятия сверхчувственного, трансцендентного, разрушив мост, связывавший их с материализмом, доминировавшим достаточно долгое время [6, с. 235–236]. Такая логика привела к новой постановке теории идей. Некоторые из медиоплатоников в процессе переосмысления учения пытались интегрировать позицию Платона и Аристотеля. Альбин и его кружок, к примеру, трактовали идеи в трансцендентном аспекте: как мысли Бога и как имманентные формы вещей. Это вело к параллельной трансформации всей структуры бестелесного мира, что стало прелюдией к неоплатонизму. Текстом, в котором содержалась схема переосмысления, был платоновский «Тимей». В самом деле, в попытках свести идеи Платона в некую систему наибольшие сложности были связаны с этим диалогом.

Теория начал эзотерического Платона, т.е. теория Монады и Диады, была принята лишь частично, оставаясь фоном. Куда большее значение обрели пифагорейские элементы. Это и понятно, ведь иная трактовка «Тимея» и редукция идей к божественным мыслям уже не оставляли места для теории Монады. Как и для всех предыдущих философов, центральное положение у медиоплатоников занимала этика, но она была выстроена на новом основании: «Следуй Богу» и «Подражай Богу». Послание эллинистических школ звучало в имманентистско-материалистическом духе: «Следуй природе (физису)». Открытие *трансценденции* логически вело к модификации эллинистической картины мира и поступков человека.

Следует признать, что средние платоники осциллируют между двумя полюсами притяжения — стоиками и перипатетиками. Смешивая эти влияния, они неизменно добавляют представление о трансцендентном высшем принципе и умопостигаемом мире, который находится выше земного мира и выступает по отношению к нему в качестве парадигмы. Средние платоники создали сравнительно последовательную доктрину, которую можно рассматривать в качестве цельного платонического наследия, перешедшего от средних платоников к Плотину. Среди представителей медиоплатонизма было немало талантливых людей, но не нашлось гения для подлинного творчества, именно поэтому можно говорить о медиоплатонизме как о переходном этапе между Платоном и Плотиним.

Литература

1. *Диллон Дж.* Наследники Платона : исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.) / Дж. Диллон ; пер. с англ. Е. В. Афонасина. — СПб., 2005.

2. *Диллон Дж.* Средние платоники. 80-й г. до н.э. — 220-е гг. н.э. / Дж. Диллон ; пер. с англ. Е. В. Афонасина. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Алетей, 2002.

3. *Зелинский Ф. Ф.* Гермес Трижды-Величайший (фрагменты из книги) / Ф. Ф. Зелинский // Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада [составление, комментарии, перевод с древнегреческого, латыни, французского, немецкого, английского, польского К. Богуцкого]. — Киев, 1998.

4. *Рассел Б.* История западной философии / Б. Рассел. — М., 2010.

5. *Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери. — I. — Античность. — СПб., 1997.

6. *Шичалин Ю. А.* Средний платонизм / Ю. А. Шичалин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М., 2010.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ФРАНЦУЗСКОГО ФАРСА

А. Б. Кулакова, студентка 3 курса
francisc@mail.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Цуркан

Целью данной работы является исследование категории комического — фарса, выявление его социокультурных предтеч на фоне особенностей эпохи Средневековья. На наш взгляд, эта проблема представляется актуальной, поскольку в ней неоспоримо прослеживается влияние отдельных направленностей эпохи на жизнь обычного человека, на его отношение к культуре или отдельному культурному фрагменту (в нашем случае — фарсу). Для начала стоит провести разметку относительно того, что под Средневековьем понимать стоит, а что не стоит.

Обратимся к набиравшему в то время популярность христианству, которое рассмотрим неразрывно с символизмом: все видимые предметы и явления действительности воспринимались людьми как

символы и образы того, что находилось по ту сторону реальности. Так, один из основных атрибутов католического христианства — икона — понимался как отражение первообраза. На иконах изображались всегда строгие лики, никогда не улыбающиеся. Дело в том, что улыбка, как психологическая особенность, присуща только людям, находящимся в имманентном мире. Иконы же как атрибуты символического мышления должны отсылать нас к сверхъестественному.

Так, излишняя фанатичность в вопросах религии в Средневековье могла ошибочно повлиять на то, что комическое стало пониматься в противопоставлении христианству. Следующим моментом, к которому мы считаем необходимым обратиться, является образ эпохи Средневековья, который мы имеем. Казалось бы, от Средневековья веет мрачностью, о которой нам свидетельствуют различные темные суеверия, предрассудки, жестокость, легенды об экстатических состояниях при покаяниях и мистериях и т.д. Однако это не исключало озорства и смеха, порой слишком циничного. Неверно думать, что Средневековье состоялось как время, наполненное фантомами излишней божественности и ужасающей бесноватости.

Фарс — наиболее популярный вид комического в Средневековье, он имел особый расцвет в поздний период и занимал лидирующие позиции по историческому значению и по познавательной ценности. Здесь мы замечаем первое противоречие: лицедей-актер был востребован обществом, но в то же время «его осуждали с церковных амвонов, ему отказывали в исповеди или погребении, его презирали и изгоняли из общества благопристойных бюргеров» [1, с. 7]. Фарс рождается благодаря самосознанию горожан, их заинтересованности своей повседневной жизнью. «Питательной средой послужил для фарса и типичный бюргерский индивидуализм, и настороженно-недоверчивое отношение буржуа к ближнему, к “соседу”, и радостное открытие в его личной жизни, моральных качествах, профессиональных навыках, в его “деле” всяческих неполадок и изъянов» [1, с. 12].

На развитие фарса повлияла также разгульная карнавальная культура Средневековья. Карнавал — это в первую очередь нарушение стандартов, искусственное «выпадение» из привычного хода жизни, выход некоторой агрессии, направленной и на суды, и на церковь; после карнавала жизнь продолжает идти своим чередом. «Карнавал не созерцают, — в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден» [2, с. 12]. Следовательно, карнавал утверждает свободу, так как всенародность предполагает отличия во взглядах, тра-

дициях, установках и т.п., которые не должны помешать всеобщему веселью. Фарс же стремится отражать жизнь города такой, какая она есть. Он не был нагружен прямолинейным аллегоризмом, избежал пресного морализма, осуждения подлых поступков людей.

Согласно сказанному выше напрашивается слово-определение для фарса — это «понимающий». Его комизм — это комизм узнавания себя или, например, соседа в герое представления. Обратимся за примером к знаменитому произведению жанра фарс «Адвокат Пьер Патлен». Пьеса начинается с диалога Пьера Патлена и его жены Гильеметты, из которого мы понимаем, что люди они достаточно небогатые, кроме того и необразованные. Но Пьер Патлен тот еще хитрец; Гильеметта отзывается о нем следующим образом: «...у вас призванье Повсюду попирать закон» [3, с. 53].

Сюжет закручивается тогда, когда главный герой комедии отправляется на рынок за платьем жене. Там он торгуется с суконщиком, морочит ему голову. Интересно, что торговец сам намеревался взять с Патлена вдвое больше. Таким образом, мы понимаем, что герои стоят друг друга, мы выходим из готовности к состраданию и ухмыляемся. Суконщик срывается на своем пастухе, подает на него в суд. Тот же просит помощи у адвоката Патлена, а выиграв дело, не расплачивается с ним.

Вырисовывается определенный тип характера личности — «незастенчивый»: способен сказать свое слово, откровенно и абсурдно лгать; стремится лишь к богатству. Однако это противоречит самой эпохе Средневековья, подавляющей природный эгоизм, выступающей за равенство людей. Равенство должно создавать непреодолимые барьеры для проявлений вранья и хитрости, относиться к другому человеку как к равному — уметь поставить себя на его место. Поскольку сознание средневекового человека формировалось религиозно фанатичным, то мы получаем человека наивного и скованного, который не может вести себя так отчаянно прытко.

Герои этой пьесы — искушенные богатством люди; в комедии «фарс оперирует не индивидуальными характерами, а готовыми типами-масками» [4, с. 339], например: Гильеметта — это хорошая жена-товарищ, Суконщик — жадный торговец, сам Пьер Патлен — хитрец-примудщик. Такие типы достаточно многофункциональны.

Всё это свидетельствует о том, что средневековый французский фарс служит нам хорошим источником для понимания культурной и этической составляющих эпохи Средневековья. Таким образом, мож-

но выделить противоречивость религиозных представлений и развлекательной культуры того времени, выйти к противопоставлению комедии и власти, комедии и господ, комедии и всего того, что контролирует безудержность народа. Фарс является приемлемым бунтом, высмеивающим нормы и установки в обществе.

Литература

1. *Михайлов А. Д.* Средневековые французские фарсы / А. Д. Михайлов. — М., 1981. — 446 с.

2. *Исупов К. Г. М. М.* Бахтин : Pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли / К. Г. Исупов // Соч. : в 2 т. — СПб., 2001. — 552 с.

3. *Михайлов А. Д.* Средневековые французские фарсы / А. Д. Михайлов // Адвокат Пьер Патлен. — М., 1981. — С. 51–108.

4. *Сушкевич Л. П.* Средневековый мир в терминах, именах и названиях / Л. П. Сушкевич, В. А. Федосик. — Минск, 1999. — 387 с.

СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДРУГОГО

Д. В. Умылина, студентка 3 курса
mechanista@yandex.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. Д. Н. Обыденный

В данной статье рассматривается проблема свободы в связи с вопросом об отношении с Другим. Фигура Другого может представлять в различных формах, но начать этот анализ следует с рассмотрения Другого в лице другого человека. Проблема Другого возникает там, где осознается присутствие собственного «я». Однако осознание самого себя предполагает необходимость постановки вопроса о наличии другого «я». Как отмечает Ж.-П. Сартр: «Обнаружение моего внутреннего мира открывает мне... другого, как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и желает “за” или “против” меня» [1, с. 336]. Соответственно во взаимодействии с другими возникает и вопрос о реализации свободы. На эту тему высказывался Э. Левинас, говоря, что «отношения с Другим проблематизируют меня, изымают и продолжают изымать меня из меня самого» [2, с. 165]. В этих словах

уже заключена предпосылка выхода за собственные пределы. Другой открывает человеку реальность вне его самого, а для реализации свободы всегда необходимо некое «вне». Другой предстает как внешнее, иное, то, что необходимо встроить в мир. Но при этом и сам Другой является субъектом, он осмысливает человека, воспринимая его как Другого по отношению к себе. «Я» и Другой находятся в противостоянии. Эта позиция восходит к Г. Гегелю и его диалектике господина и раба. В отношении к другому человеку присутствует желание признания с его стороны, в результате чего возникает спор противоположных самосознаний и фигуры господина и раба. Господин — самостоятельное сознание, раб же — несамостоятельное, сущность которого заключается в бытии для господина. При этом «господин, противостоящий рабу, не был еще истинно свободным, ибо он еще не видел в другом с полной ясностью самого себя» [3, с. 328].

При переходе к рассмотрению общества как Другого следует отметить, что в обществе человеку доступна лишь формальная свобода, предполагающая признание равенства людей. Значимым отношением здесь является мораль, благодаря которой человек посвящает себя Другому, жертвуя своими интересами. Система права фиксирует также допустимые в отношении Другого или Других действия и, наряду с моралью, закрепляет взаимное отношение, при котором стороны не притязают на свободу друг друга. Однако в обществе власть Другого может выступать и в завуалированной форме. Относительно этой проблемы очень точно высказался М. Хайдеггер, отмечая, что: «Прихоть других распоряжается повседневными бытийными возможностями Dasein» [4, с. 177]. Для человека проблемой становится уже не существование Другого, а его собственное существование. Сущность обезличенного общества можно понять как еще одну форму, в которой предстает Другой.

Обращаясь к рассуждению М. Бубера: «Только тот, кто знает отношение и присутствие Ты... свободен, ибо он предстал пред лицом» [5, с. 86], отсылает к библейским мотивам, и то «лицо», перед которым «предстает» человек, есть лицо бога как Другого. В этом контексте интересно мнение Л. Фейербаха, что в религии человек объективирует свою внутреннюю сущность и превращает ее в субъект, сам становясь для нее объектом [6]. Однако из данной позиции следует тот факт, что бог как Другой конституируется человеком, который сам приводит себя в состояние несвободы. Причины этого коренятся в

стремлении осознать себя через противопоставление с принципиально иным. Абсолютной инаковостью обладает лишь трансцендентное, благодаря чему Другой и приобретает характер бога. Его бесконечная трансцендентность не позволяет мыслить его как объект и ограничивать его свободу. Напротив, как об этом пишет Э. Левинас: «Присутствие Другого равнозначно тому, что мое... владение миром ставится под вопрос» [7, с. 97].

Как было показано выше, фундаментальное значение для понимания проблемы свободы имеет инаковость. Если отойти от фигуры Другого как субъекта и рассмотреть свободу во взаимодействии с категорией Иного, то в качестве абсолютной инаковости может выступать не только бог, но и смерть. В отличие от бога, она не персонифицируется и не может быть осознана как Другой, однако представляет собой нечто фундаментально иное по отношению к человеку как живущему, то, что неизбежно ограничивает его свободу. По Г. Гегелю, господин властвует потому, что готов пожертвовать жизнью ради свободы, раб же подчиняется, поскольку поступает наоборот. С другой стороны, в гипотетической ситуации, где человек действовал бы абсолютно свободно, т.е. исходя только из собственных побуждений, окажется необходимым нечто, снимающее значимость внешних факторов. В таком качестве может выступать смерть, осознанная как неизбежность. Смерть как Иное, как состояние небытия, высвечивает перед человеком его бытие, и открывает перед ним небытие, в которое может быть направлено свободное действие. Подобный взгляд на смерть присутствует в хайдеггеровской аналитике, где смерть есть неизбежно предстоящее, но именно она и является подлинной онтологической возможностью. Смерть позволяет осуществиться свободе, сводя на нет значение фактичности, предметности.

Итак, при понимании Другого как Ты обеспечивается возможность свободы при условии взаимного признания. Во втором же смысле Другой понимается как Иное, противоположное субъекту, и потому не позволяющее ему быть свободным. Однако именно это Иное в качестве абсолютно трансцендентного проблематизирует перед человеком его свободу, показывая наличие реальности вне его.

Литература

1. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. — М., 1989. — С. 319—344.

2. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас ; пер. с фр. А. В. Парибка, вступ. статья и коммент. Г. И. Беневича. — СПб., 1998. — 265 с.

3. *Гегель Г. Ф. В.* Феноменология духа / Г. Ф. В. Гегель. — М., 2014. — 494 с.

4. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. — СПб., 2007. — 621 с.

5. *Бубер М.* Я и Ты / М. Бубер ; пер. с нем. Ю. Терентьева, Н. Файнгольда ; под общ. ред. С. Я. Левит, П. С. Гуревича. — М., 1993. — 173 с.

6. *Фейербах Л.* Сущность христианства / Л. Фейербах. — М., 1965. — 414 с.

7. *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное / Э. Левинас // Избранное. Тотальность и Бесконечное. — М., 2000. — 416 с.

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИИ КАК КУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ

В. Л. Алиханова, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Е. И. Якушкина

В XX столетии в истории науки происходит прорыв — появляется принципиально новое научное направление, получившее название «психоанализ». Его основателем стал ныне всемирно известный психоаналитик, невролог и психиатр Зигмунд Фрейд. Заслугой Фрейда было открытие новой психической структуры — бессознательного, которое представляет собой хранилище примитивных инстинктов, влечений, подсознательно влияющих на поведение человека, но не входящих в структуру сознания. Фрейд использовал метод клинических испытаний, стараясь найти скрытые источники человеческого поведения в бессознательном, примитивных переживаниях детства и эволюции. Данная теория вызвала множество неоднозначных оценок. Примирить психоанализ и традиционную психологию оказалось практически невозможно. Десятки ученых по всему миру отвергали возможность существования бессознательных структур. Зигмунда Фрейда называли шарлатаном, а его теорию — псевдонаучной. Однако психоаналитическая теория не могла не представлять научного интереса, так как охватывала многие явления психической жизни человека. Психоанализ не ограничивался каким-либо одним предметом. Фрейд, создав принципиально новую методологию, применил ее к изучению важнейших явлений общественной жизни. Нам, как культурологам, интересно проследить, как с точки зрения психоанализа разрешаются проблемы культуры. Целый ряд современных культурологических теорий построен на основе теории Фрейда и его последователей, которых называют неофрейдистами.

В данной статье рассмотрены взгляды З. Фрейда на религию как на культурное явление.

Свою религиоведческую теорию наиболее полно Фрейд изложил в книге «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» (1913). Ученый предполагал, что те знания, которые он получил при

исследованиях духовной жизни индивида, могут быть применены и при исследовании психологии народов. «Душевно больной и невротик сближаются, таким образом, с первобытным человеком, с человеком отдаленного доисторического времени, и если психоанализ исходит из верных предположений, то должна открыться возможность свести то, что имеется у них общего, к типу инфантильной душевной жизни» [1, с. 20]. Исследуя тему культурных запретов, Фрейд приходит к размышлениям о религиозных представлениях. У Фрейда существовал свой вариант культурной истории. В условиях первобытного строя все женщины находились в безраздельном пользовании мужчин. Позрелых мужчин изгоняли из стада, но в один прекрасный момент они объединились и убили отца. Однако вскоре сыновьями овладело чувство вины, и они наложили запрет на действия такого характера, а также на вступление в отношения с женщинами своего рода (эзогамия). Вскоре образ отца был перенесен на тотемическое животное, которое запрещалось убивать. Результатом убийства отца, по мнению З. Фрейда, стало появление такого феномена, как нравственность. Собственно, обатабу тотемизма и есть начало нравственности. «Братьям, если они хотели жить вместе, не оставалось ничего другого, как, быть может, преодолеть сильные беспорядки, установить инцестуозный запрет, благодаря которому все они одновременно отказались от желанных женщин, ради которых они, прежде всего, и устранили отца. Они спасали, таким образом, организацию...» [2, с. 333].

Другим моментом теологической теории Фрейда является понимание религии как общественного невроза. Дело в том, что религия по многим своим положениям напоминает навязчивое невротическое состояние. Так, если невротик боится не производить какие-то определенные движения, то любой истинно верующий человек также боится не выполнить какой-либо религиозный обряд. Но в то же время религия помогает сгладить невроз путем сосредоточения на духовном характере жизни. Религиозные чувства уводят человека от действительности и тем самым смягчают социальные противоречия.

С психоаналитической точки зрения религия выступает как защитная мера человека против своих собственных бессознательных влечений. В религиозных верованиях они получают иносказательную форму удовлетворения, благодаря чему внутриспсихологические конфликты утрачивают свою остроту. В основу психоаналитического понимания религии Фрейдом была положена способность человека к сублимированию бессознательных влечений, проецированию их вовне

и символическому удовлетворению социально запретных желаний. Человек нуждается в покровительской фигуре, которая вознаградила бы его за отказ от удовлетворения естественных агрессивных потребностей, а также карала за нарушение запретов, которые необходимы для сохранения целостности рода.

3. Фрейд исследует религию со всех сторон, во всей ее сложности и многогранности, применяя при этом эволюционные методы. Психоаналитическая концепция религии Зигмунда Фрейда, безусловно, заслуживает интереса как революционный прорыв науки XX столетия и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. *Фрейд З.* Тотем и табу / З. Фрейд. — СПб. ; М., 1998. — 448 с.
2. *Фрейд З.* «Я» и «Оно» / З. Фрейд // «Я» и «Оно» : труды разных лет : в 2 т. — Тбилиси, 1991. — Т. 1. — 396 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК МЕТОД ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО

А. С. Курбатова, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. В. Н. Гущина

Среда современного города является сложной полифункциональной структурой, требующей большой ответственности при ее трансформации, в том числе и эстетической. В то же время интерес к повышению комфортности, увеличению визуальной привлекательности общественных пространств возрастает не только в мегаполисах, но и в областных центрах, и в небольших городах. Потребность в украшении города обусловлена как собственно потребностью горожан в комфортной визуальной среде, так и интересом к развитию туризма в регионах, необходимостью формирования локальной идентичности, стремлением репрезентировать ценности современной эпохи в публичном пространстве.

В настоящее время искусство в публичных пространствах российских городов, в том числе Воронежа, преимущественно пред-

ставлено городской жанровой и монументальной скульптурой [1, с. 255–256]. Однако даже в этом, казалось бы, давно освоенном и широко применяемом методе художественного освоения общественных пространств, есть свои подводные камни. Для развития региональной городской скульптуры необходимо решить следующие проблемы:

- отсутствие экспертных советов на местах с привлечением специалистов общероссийского и международного уровней;
- недостаток заинтересованных квалифицированных исполнителей художественных проектов в провинциальных городах;
- невнимание со стороны общества к объектам искусства в городской среде, недостаточный уровень эстетической образованности, нежелание открыто оспаривать или поддерживать инициативы;
- небольшое число локальных открытых конкурсов проектов в сфере искусства в публичном пространстве.

Помимо перечисленных проблем, связанных с социальной сферой, существует, на наш взгляд, не менее важная проблема общего визуального контекста города. Сочетание негативных социальных факторов с неподготовленностью среды в большинстве случаев приводит к тому, что объект искусства воспринимается как инородное тело в общественном пространстве. Таким образом, городская скульптура, любой мемориальный объект, требующий определенной степени благоустроенности окружающего пространства, экспертного подхода к реализации и немалого бюджета, представляется отнюдь не универсальным способом эстетического взаимодействия со средой.

Специфика российских провинциальных городов состоит в хаотичности застройки, преобладании советского архитектурного наследия и типовой застройки, наличии множества существенных практических проблем в сфере ЖКХ. Кроме того, генезис российских городов происходил в иных условиях, чем на Западе, что необходимо учитывать при заимствовании способов эстетического освоения общественного пространства. Тем не менее с целью эффективного взаимодействия общества с городской средой, преодоления отчужденности города, осознания общественного пространства как общего, происходит адаптация различных практик, связанных с вовлечением публики в процесс преобразования среды. То есть прежде чем ожидать от общества активной позиции относительно эстетики публичного пространства, необходимо в первую очередь вызвать у публики

интерес к проблеме и чувство личной ответственности за собственную жилую среду.

Финский архитектор Ю. Палласмаа пишет: «...у городов, зданий, технологий, продуктов производства есть собственное интеллектуальное пространство и параллельный ему мир внутри нашего сознания. В процессе построения этого пространства мы пользуемся проекциями собственной памяти и метафорами, взятыми из собственной души. Мы живем в ландшафте, но и ландшафт живет в нас» [2, с. 21]. Подобное восприятие может вообще не осознаваться либо репрезентироваться в текстах и устной речи, но редко становится основой для ответного взаимодействия с городом. В то же время массовая застройка спальных районов с однообразной, лишенной специфических черт жилой средой рождает дефицит переживания места, потребность в зрительных впечатлениях и, как следствие, возникновение вопроса о возможности личного участия в производстве комфортной среды [3, с. 64].

Опыт активного переживания города, достигаемый посредством вовлечения заинтересованной в производстве среды личности, приводит к осознанию причастности к этому процессу. Вовлеченность может проявляться в наблюдении за фестивалями искусства в городском пространстве, участии в их публичной программе, перформативных практиках. Художественные методы, воспринимающиеся как новые для российской провинции, были сформированы в ином культурном контексте, но отчасти в схожих социальных условиях, на волне интереса к производству общего пространства и желания вывести произведение искусства за пределы галереи.

Перформанс как способ взаимодействия с городской средой разрабатывается в 60-е гг. XX в. в США такими художниками, как Клас Ольденбург, Кен Дьюи, Роберт Раушенберг [4, с. 170]. Критическим осмыслением города наряду с эстетическими интервенциями в его пространство в Европе того же периода занимаются ситуационисты. В 60–80-е гг. XX столетия создается уличное искусство как форма осознанного социального и эстетического высказывания. В городскую среду переносятся техники видеоарта, некоторые объекты лэнд-арта создаются для ландшафта города («Стена» Кристо, «Time landscape» Алана Сонфиста) [5, р. 92]. Таким образом, со второй половины XX в. развивается множество разнообразных практик, направленных на познание и преобразование пространства.

Ряд художественных приемов, техник и практик, возникших и развивающихся в конце XX — начале XXI в. и предполагающих изначальное существование в урбанистической среде или возможный перенос в нее, не ограниченный перечисленными примерами, обладает важными особенностями в контексте развития эстетической среды российских провинциальных городов. Во-первых, большинство реализуемых проектов временные (фестивали, выставки, отдельные инсталляции), обратимые (уличное искусство) либо вообще не оставляют после себя объекта (перформанс, видеоарт), что позволяет создать динамичную, изменяемую среду. Во-вторых, требуемый на осуществление проектов бюджет, как правило, невелик, часть инициатив реализуется силами самих авторов либо вообще не требует финансирования. В-третьих, насыщение городской среды произведениями искусства позволяет горожанам сформировать представление о поливариантности эстетического взаимодействия с общим пространством, вызывает интерес к процессу визуальной трансформации места проживания.

Таким образом, использование актуальных художественных практик в городской среде не только выводит работу с общественным пространством далеко за рамки городской скульптуры и ландшафтного дизайна, но и представляется наиболее уместным способом эстетического осмысления непростой жилой среды провинциальных городов России.

Литература

1. Воронежский пульс. Культурная среда и культурная политика / рук. проекта Э. В. Бояков. — Воронеж, 2013. — 470 с.
2. Палласмаа Ю. Мыслящая рука : архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / Ю. Палласмаа. — М., 2013. — 176 с.
3. Горнова Г. В. Философия города / Г. В. Горнова. — М., 2014. — 344 с.
4. Голдберг Р. Искусство перформанса от футуризма до наших дней / Р. Голдберг. — М., 2014. — 320 с.
5. Lailach M. Land Art / M. Lailach. — Köln : TASCHEN, 2007. — 96 p.

ЛИЧНОСТЬ КУРАТОРА В ПРОДВИЖЕНИИ АКТУАЛЬНОГО ИСКУССТВА

М. Н. Ласкина, студентка 2 курса

Научный руководитель — д-р культурологии, проф. Т. А. Дьякова

Технологическое развитие общества в целом и искусства в частности с первой четверти XX в. привело к необходимости создания множества новых профессий и переосмыслению существующих на тот момент. Изменения в сфере художественной культуры главным образом были связаны с новым пониманием места и роли художника в жизни общества.

Две мировые войны, экономические кризисы, революции уничтожали прежние авторитеты. Деятели искусства отныне стремились отразить свое собственное видение происходящего, а не подражать мастерам прошлого [1, с. 192]. Искусство встало на путь освобождения от декоративности. Как писал В. В. Кандинский: «Пройдя через период материалистического соблазна, которому душа как будто поддавалась, но все же стряхивает его с себя, как злое искушение, она выходит возрожденной после борьбы и страданий. Более элементарные чувства — страх, радость, печаль и т.п. — которые, даже в этом периоде искушения, могли являться содержанием искусства, малопривлекательны для художника. Он будет пытаться пробуждать более тонкие, пока еще безымянные чувства» [2, с. 12].

В результате сфера деятельности художника стала меняться. Теперь это не просто человек, пишущий картины, а скорее философ, трансформирующий окружающую реальность посредством своих работ. Эпоха модернизма породила интерес к личности художника, создающего собственную версию понимания мира, субъективную трактовку действительности.

С конца 1960-х гг. искусство меняет свой характер. Фигура художника уходит на второй план, уступая место различным художественным практикам, тесно связанным с современной жизнью. Такая актуальность сфокусировала внимание на искусстве как процессе творчества с различными аудиториями — хеппенинги, перформансы, инсталляции и др.

Все это еще больше отдаляло художника от подготовленной публики, вызывало (и вызывает) много непонимания. Кроме того, техническая простота некоторых работ также тревожит публику, вызывая много вопросов, например: «Чем художник отличается от меня?», «Почему это важно/ интересно?» и самое распространенное суждение: «Я тоже так могу».

В ситуации непонимания между художниками и аудиторией, художниками и искусствоведами, не признающими новых течений, должны были появиться люди, которые смогли бы разъяснить публике сложный язык актуального искусства. Ими стали кураторы. «Он и архивист, и хранитель, и транспортный менеджер, и пресс-атташе, и бухгалтер; но прежде всего он — сообщник художников», — так в книге Ульриха Обриста описывается деятельность Харальда Зеемана, основателя кураторства [3, с. 88—97]. В 1969 г. после скандальной выставки «Когда отношения становятся формой» он уходит с поста директора Бернского Кунстхалле и начинает называть себя *Ausstellungsmacher* — «человек, который делает выставки». Х. Зеeman создает свое «Агентство духовного гастарбайтерства». Отныне он не привязан ни к какой институции, своего рода свободный художник.

Повторюсь, куратор — это человек, который делает выставки. В рамках практики традиционных музеев — научный работник. Современное актуальное искусство дает волю кураторам, право строить логику выставки по их собственному усмотрению. Под логикой выставки имеется в виду практически все, начиная с темы, количества и персоналий художников, которые будут выставлены, и заканчивая тем, как и куда должен быть подан свет. Стоит отметить, что чем более знаменит и уважаем куратор, тем больше свободы творчества ему дается. Эта профессия сочетает в себе обязанности менеджера, дизайнера, историка искусств, зачастую строителя, уборщика и, конечно, друга истинного искусства.

Множество знаменитых кураторов работали директорами музеев (Харальд Зеeman, Уолтер Хоппс, Понтюс Хюльтен и др.). Это сформировало одну из задач современного куратора — быть «стражем у ворот», т.е. человеком, который репрезентирует художественному миру новые имена. Тут важно отметить, что куратор и галерист — это разные профессии, несмотря на то, что кураторство развивалось, в том числе, и из профессии галериста. Управляющий галереей — прежде всего менеджер по продажам в сфере искусства, для него прибыль — важный фактор при выборе художников, чьи работы будут

выставляться. Как следствие, галеристы редко приобретают работы тех, кто еще не известен на мировой сцене или хотя бы в своей стране.

Неписанная этика куратора лишена меркантилизма. Он не руководствуется такими факторами, если заинтересован в создании и продвижении подлинного искусства. Мигель А. Эрнандес-Наварро пишет в своей статье: «Это работа преданности. Однако проблема в том, что эта преданность всегда множественна. Куратор должен удовлетворять требования институции, произведения и публики. Таким образом, в своей работе он сталкивается с тремя этическими требованиями, которые он должен объединить наилучшим образом» [4, с. 81–87]. Проблема этики кураторства в том, что их невозможно объединить в равных пропорциях. Куратор — это маргинал, вечно стоящий на перепутье между интересами искусства, политики и публики.

В бесконечной погоне за новым искусством и художниками, в погоне за индивидуальностью художественное сообщество одновременно теряет ту самую индивидуальность. Одна из самых главных задач куратора — не потерять в себе человека в большом количестве других требований и дел, которые он должен выполнять.

Литература

1. *Ильина Т. В.* История искусств. Западноевропейское искусство : учебник / Т. В. Ильина. — М., 2002. — 368 с.
2. *Кандинский В. В.* О духовном в искусстве / В. В. Кандинский. — М., 1992. — 107 с.
3. *Обрист Х. У.* Краткая история кураторства / Х. У. Обрист. — М., 2013. — 256 с.
4. *Эрнандес-Наварро М. А.* Требования куратора : об этике преданности / М. А. Эрнандес-Наварро // Художественный журнал. — 2011. — № 83. — С. 81–87.

ЗНАЧЕНИЕ РОМАНА Г. МЕЛВИЛЛА «МОБИ ДИК, ИЛИ БЕЛЫЙ КИТ» ДЛЯ КУЛЬТУРЫ США

В. Н. Мельник, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. В. Н. Гущина

Произведения американского писателя-романтика Г. Мелвилла — явление выдающееся и своеобразное. Писатель давно уже причис-

лен к классикам американской словесности, а его роман «Моби Дик, или Белый Кит» с полным основанием считается одним из шедевров мировой литературы. Жизнь Мелвилла, его сочинения, переписка, дневники досконально изучены. Существуют десятки биографий, сотни статей и публикаций, тематические сборники и коллективные труды, посвященные различным аспектам творческой деятельности писателя [1]. И все же Мелвилл как личность и как художник, прижизненная и посмертная судьба его книг продолжают оставаться загадкой [2, с. 185].

Цель данной работы — выявление особенностей культуры США на примере произведения «Моби Дик» — одной из вершин романтического символизма в американской и даже мировой литературе. Сложнейшая система символов образует эстетический фундамент романа. Это был шедевр автора, главный труд жизни. Он выполнил свое обязательство перед временем и людьми — сказал то, что чувствовал себя обязанным сказать. Мелвилл открыл читателю такие стороны действительности, жизни человечества и человеческого духа, которых они не видели. Он предупредил их о страшной опасности пути, по которому шла современная Америка. Современники не оценили книги Мелвилла, не поняли ее и не приняли.

В творческой истории «Моби Дика» имеется одно очень важное обстоятельство. Принято считать, что произведение было первоначально задумано как приключенческий роман о китобоях с подробным изображением деталей китобойного промысла. Но автор выводит действие из сферы американской общественной действительности; предметом преимущественного интереса Мелвилла становится изучение неких внесоциальных закономерностей человеческого бытия. Цель писателя — создать «балласт», придающий устойчивость «метафизическому» материалу книги, ее многообразной отвлеченной символической структуре.

Мелвилл относился к «китобойной» стороне своего романа с необыкновенной серьезностью. Он не захотел ограничиться собственным опытом плавания на «Акушнете» и привлек огромный материал, включающий специальные работы по биологии моря, экологии китов, китобойному промыслу, записки мореплавателей и китобоев. «...Идеальное сочетание места и времени обозначалось одним промысловым термином: сезон на экваторе» [3, с. 308].

По части привлечения капитала китобойный промысел успешно конкурировал с такими перспективными отраслями промышленно-

сти, как текстильная. Ни в одной другой стране он не был развит до такой степени, как в Соединенных Штатах. Таким образом, есть все основания полагать, что использование китобойного рейса в качестве основной сюжетной линии в романе «Моби Дик» и обстоятельное изображение охоты на китов и прочих деталей промысла не только не было продиктовано стремлением отвлечься от американской действительности, но, напротив, указывает на самую тесную связь с нею.

Общепризнано, что как роман, рисующий картины китобойного промысла, «Моби Дик» — книга уникальная. Уникальность ее, прежде всего, в полноте, тщательности и детальности изображения. Десятки страниц романа посвящены организации, структуре китобойного промысла, производственным процессам, протекающим на палубе китобойца, описанию инструментов и орудий производства, специфическому разделению обязанностей, производственным и бытовым условиям.

Г. Мелвилл подвел итог многолетним усилиям романтической мысли и пришел к важному заключению о том, что антигуманные силы, направляющие общественное развитие Америки, действуют не извне, а изнутри. Они коренятся в самой природе буржуазного общества, в его сознании, в его нравственных принципах. Отсюда перед американской литературой возникала новая задача: исследование общественных нравов, их исторической природы, современного состояния и перспектив развития.

В «Моби Дике» Г. Мелвилл глубже и острее, чем кто-либо из других американских романтиков, ставит проблему борьбы со злом, исследуя противоречия романтического сознания и рисуя сложный трагический образ героя-бунтаря. Мелвилл постоянно обращался к проблемам, более всего тревожившим современников, в первую очередь проблемам войны и рабства. «Для того чтобы создать большую книгу, надо выбрать большую тему» [3, с. 648]. В конце концов писатель приходит к мысли, что будущее Америки зависит от общественного поведения американцев, а само это поведение определяется индивидуальной нравственностью и социальными нравами.

«Моби Дик» соединил в себе черты романа философского, социального, морского и «китобойного». После периода забвения XX в. заново открыл Г. Мелвилла, обнаружив, что ни трагическое мужество, которым исполнены его книги, ни его литературные открытия нисколько не утратили своей актуальности и значимости.

Таким образом, основной вклад художественной системы писателя и ее влияние на культуры Америки состоит в необычайном сочетании ракурсов реалистического и символического видения мира, мастерском умении синтезировать два типа мышления: рациональное (логическое) и мифологическое.

Литература

1. *Ковалев Ю. В.* Герман Мелвилл и американский романтизм / Ю. В. Ковалев. — Л., 1972. — 280 с.
2. *Ковалев Ю. В.* От «Шпиона» до «Шарлатана» : статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма / Ю. В. Ковалев. — СПб., 2001. — 256 с.
3. *Мелвилл Г.* Моби Дик или Белый Кит / Г. Мелвилл. — М., 1961. — 838 с.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СПОРТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

М. Ю. Бунина, студентка 1 курса
Skeet125@icloud.com

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Спортивная психология является достаточно молодой отраслью психологической науки. Она изучает закономерности проявления и развития психики человека в условиях спортивной деятельности [1–3]. Спортивная психология имеет свои особенности как на Западе, так и в России. В настоящее время это вполне определившаяся и признанная отрасль психологической науки и практики.

Как отрасль психологии спортивная психология занимает срединное положение в системе естественных, философских и социальных научных дисциплин. Это позволяет ей формировать собственные научные направления. Как одна из наук о спорте она наиболее всего связана с теорией и методикой физического воспитания, физиологией спорта, спортивной гигиеной, спортивной медициной, биомеханикой спорта и др.

Развитию спортивной науки и современного спорта во многом способствовало возрождение Олимпийских игр в Афинах в 1896 г. Одна из первых книг по спортивной психологии была написана основателем современного олимпийского движения Пьером де Кубертенем в конце XIX в. Первые работы по психологии спорта носили описательный характер, однако уже в 1913 г. на конгрессе по психологии спорта, организованном по инициативе барона де Кубертена Международным олимпийским комитетом в швейцарском городе Лозанна, были представлены первые научные работы.

В 20–40-е гг. XX в. проблемы психологии спорта стали активно изучаться в странах Западной Европы и Америки. В 1964 г. итальянский психиатр Ф. Антонелли, который работал в то время со спортсменами, предложил создать международную ассоциацию спортивных психологов. По его инициативе в 1965 г. в Риме состоялся I Учредительный конгресс по психологии спорта. Существенным актом явилось создание Международного общества психологии спорта

(ИССП). Он говорил о международном признании психологии спорта. С 1970 г. издается официальный орган ИССП «Международный журнал психологии спорта» [2].

Отечественная психология спорта как самостоятельная отрасль психологии во многом зародилась благодаря статье П. А. Рудика «Исследование реакции в применении к основным вопросам физической культуры». Вклад ученого в развитие спортивной науки достаточно велик. Это послужило основанием для создания целого направления в спортивной психологии, которое получило название «Рудиковская школа». Под его руководством сотрудники кафедры разработали программу, соответствующую профилю института физической культуры и вобравшую лучшие достижения психологической науки того времени.

Во второй половине 1920-х гг. увидели свет труды А. Ц. Пуни. В 1926 г. ученый опубликовал «Методическое письмо о физической культуре в школе», а позже, в соавторстве с Н. Ф. Костровым, — статьи, посвященные спорту: «Психофизиологическое влияние пинг-понга», «Опыт изучения влияния лыжных соревнований на психику лыжников» [4].

По инициативе А. Ц. Пуни в Институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта в Ленинграде (ГДОИФК) была открыта кафедра психологии. Он стал ее первым руководителем, и за все время своей научной деятельности установил ряд закономерностей образования двигательных навыков в ходе спортивных занятий, выявил особенности мышечных ощущений, двигательной памяти, внимания, тактического мышления спортсменов, дал психологическую характеристику общих и специфических условий спортивной деятельности. Впервые в психологии спорта ученый выявил роль представлений движений. Это его достижение послужило основой для концепции идеомоторной тренировки [5].

Современное развитие спортивной психологии и в России, и за рубежом характеризуется углублением теоретических основ научных исследований, обращением к личности спортсмена, особым вниманием к социально-психологическим проблемам спорта. Круг исследований постоянно расширяется, укрепляются международные связи спортивных психологов.

Спортивная психология также развивается за счет повышенного внимания общества к психологическим проблемам спортсменов и готовности их решать, искреннего патриотизма и желания видеть представителей своей страны среди победителей различных соревнований.

В ряде областей человеческой деятельности спортивная психология вышла на передовые позиции, внося много новых теоретических и практических знаний в психологическую науку. Есть и еще ряд позиций, где спортивная психология занимает ведущее место. Среди них можно назвать детально разработанную систему психодиагностики личности и психических состояний спортсмена, позволяющую выявлять сильные и слабые стороны спортсменов, делать прогноз эффективности их будущей деятельности в условиях тренировок и соревнований, что дает возможность вносить необходимые коррективы в процесс их подготовки. Сюда же можно отнести методы психологических воздействий и управления психическим состоянием спортсменов (методы психической регуляции и саморегуляции), показавшие свою достаточную эффективность в регуляции психических состояний спортсменов в стресс-соревновательных ситуациях.

В то же время спортивная психология еще не стала неотъемлемой частью тренировочно-соревновательного процесса. Большинство тренеров и спортсменов пытаются решать свои психологические проблемы, основываясь на житейском опыте, без учета психологических закономерностей спортивной деятельности и без обращения к спортивным психологам. Как показывает практика, это им удается достаточно редко.

Несомненно, что включение в спортивную практику деятельности спортивных психологов обогатит арсенал средств тренера, расширит кругозор спортсмена и будет способствовать повышению культуры и совершенствованию тренировочного процесса, создаст условия для высоких достижений в области спорта.

Литература

1. *Попов А. Л.* Спортивная психология / А. Л. Попов. – М., 2000. – 149 с.
2. *Пуни А. Ц.* Психология физического воспитания и спорта / А. Ц. Пуни. – М., 1979. – 141 с.
3. Спортивная психология в трудах отечественных специалистов : хрестоматия / сост. и общ. ред. И. П. Волкова. – СПб. [и др.], 2002. – 380 с.
4. *Пуни А. Ц.* Очерк истории психологии спорта / А. Ц. Пуни // Спортивная психология в трудах отечественных специалистов : хрестоматия / сост. и общ. ред. И. П. Волкова. – СПб., 2002. – С. 24–31.
5. *Мяконьков В. Б.* Социальная психология маркетинга спорта / В. Б. Мяконьков. – СПб., 2001. – 194 с.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КРЕАТИВНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

А. В. Власов, магистрант 1 курса
vlasovterra@gmail.com

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О. В. Тимофеева

В течение четырех лет в воронежских школах с успехом реализуется проект «Большая игра», цель которого — социальная адаптация и профессиональная ориентация старшеклассников. В проекте участвуют учащиеся 9–10-х классов. Проект делится на две части: диагностическая и тренинговая. В диагностической части в числе индивидуально-личностных тестов применяется и тест П. Торренса, направленный на изучение креативности.

Мы обратили внимание на то, что детей с высоким уровнем интеллекта среди старшеклассников больше, чем детей с развитой креативностью. Этот факт побудил нас задуматься о проблеме развития креативности у детей в современных школах.

Для начала обратимся к определению интересующего нас феномена.

Дж. Гилфорд замечал, что креативность (или дивергентное мышление), в отличие от общего интеллекта, связана с творческими потенциальными возможностями человека, с инициативностью, интересом к интеллектуальной деятельности и приводит к созданию нового, оригинального продукта этой деятельности [1].

П. Торренс определял креативность как процесс проявления чувствительности к проблемам, дефициту знаний, их дисгармонии, несообразности и т.д.; фиксации этих проблем; поиска их решений, выдвижения гипотез; и, наконец, формулирования и сообщения результата решения [2].

Таким образом, опираясь на эти определения, можем заключить, что в основе креативности лежит не только импульс к созданию нового продукта, но и возможность реализовать задуманное оригинальным путем, что ведет к созданию доселе не существовавшего. Положительная роль креативности в развитии человечества неоспорима.

По нашим наблюдениям в ходе работы по проекту, креативность детей все еще не вписывается в современный обучающий процесс.

Нестандартное мышление, умение находить неожиданные решения, собственное, отличное от общепринятого, мнение с большим трудом принимается преподавателями школ. Учителя отмечают, что им порой сложно найти контакт с креативными учащимися. К сожалению, часто только послушание учеников, прилежное выполнение ими поставленных задач рассматриваются как основные средства достижения успехов в учебной деятельности. Вместо того чтобы развивать творческие особенности детей, преподаватели стараются «привести всех к общему знаменателю»: ученик должен максимально полно освоить учебную программу и при этом быть тихим, послушным, молчаливым и исполнительным.

Однако время диктует свои условия. Новые экономические методы хозяйствования требуют специалистов, стиль которых определялся бы творческим отношением к делу, предприимчивостью, инициативой. Постепенно меняющаяся ситуация в общественной жизни требует развития новых стилей образования, педагогических технологий, ориентированных на индивидуальное развитие личности: творческой инициативы, навыка самостоятельного продвижения в информационных сетях, универсального умения ставить и решать задачи как профессиональной деятельности, так и самоопределения в повседневной жизни [3].

Современный выпускник, который будет жить и трудиться в будущем, должен обладать определенными качествами личности:

- гибко адаптироваться в меняющихся жизненных ситуациях, уметь самостоятельно приобретать необходимые знания, умело применять их на практике;
- грамотно работать с информацией, делать необходимые обобщения, выводы, устанавливать закономерности, анализировать;
- самостоятельно критически мыслить, уметь видеть возникающие проблемы, быть способным выдвигать новые идеи, творчески мыслить;
- самостоятельно работать над развитием собственной нравственности, интеллекта, культурного уровня;
- быть коммуникабельным, контактным в различных социальных группах, уметь работать сообща в разных областях, легко выходить из любых конфликтных ситуаций [4].

Таким образом, главное направление развития структуры образования лежит в решении проблемы личностно ориентированного образования, в котором личность ученика была бы в центре внимания

преподавателя, а его познавательная креативная деятельность была бы ведущей.

Какие условия для этого необходимы? Прежде всего, возможность вовлечения каждого ученика в активный познавательный процесс, причем не в процесс овладения знаниями, а активной познавательной деятельности каждого учащегося, применения им на практике этих знаний и четкого сознания: где, каким образом и для каких целей эти знания могут быть применены. Это возможность работать совместно при решении разнообразных проблем, возможность свободного доступа к необходимой информации и ее всестороннего исследования.

Задача школы — обеспечить развитие личности. В основе этого процесса, во-первых, лежит учебная деятельность, которая направлена на овладение знаниями и умениями, необходимыми для жизни в социальной среде, во-вторых, ребенок благодаря творческой деятельности в процессе развития самостоятельно реализует свои возможности. В отличие от учебной, творческая деятельность не нацелена на освоение уже известных знаний, она способствует проявлению у ребенка самостоятельности, воплощению его собственных идей, которые направлены на создание чего-либо нового.

В творческой деятельности решаются задачи, цель которых — развить способности ребенка. Если в процессе учебной деятельности формируется умение обучаться, то в рамках творческой деятельности — общая способность искать и находить новые решения, необычные способы достижения результата, новые подходы к рассмотрению предлагаемой ситуации.

Главная цель развития творческих способностей — воспитание подлинно творческой свободной личности. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- формировать у детей способности самостоятельно мыслить, добывать и применять знания;
- развивать познавательную, исследовательскую и творческую деятельность;
- находить нестандартные решения любых возникающих проблем;
- воспитывать интерес к участию в творческой деятельности [5].

В основе процесса развития творческих способностей лежат:

- формирование академических успехов школьников, их интеллектуального развития с помощью нестандартных уроков, форм, методов и приемов работы;

- внедрение в образовательный процесс альтернативных форм и способов ведения образовательной деятельности;
- создание условий для проявления творчества на уроке и во внеурочной деятельности для всех учащихся, независимо от их личностных качеств;
- постоянное поддержание стремления ученика к самостоятельной творческой деятельности;
- помощь родителям в развитии творческих способностей их детей [6, с. 112–114].

Урок или внеклассное мероприятие должно быть местом, где ученик имеет возможность «заглянуть в себя будущего», если он приложит максимум усилий для этого. Именно возможность свободной демонстрации на уроке всего разнообразия результатов работы, выполненной учеником, создает условия для развития креативности.

К сожалению, в большинстве школ нашего города учителя придерживаются иного мнения, предостерегая родителей: «Ваш ребенок не такой, как все, ему трудно придется в жизни».

Помимо давления или даже отрицания со стороны учителей, необычно мыслящих детей поджидает и непонимание со стороны сверстников, что заставляет их замыкаться в себе и ведет к неприятию себя как личности. Родители, которые верят учителям больше, чем себе и своим детям, пытаются менять, ломать, подстраивать своего ребенка под общепринятые стандарты.

Литература

1. *Березина Т. Н.* Интеллект и креативность / Т. Н. Березина // Эдип. – 2008. – № 3. – С. 92–101.
2. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск, 2001. – 800 с.
3. *Богоявленская Д. Б.* Интеллектуальная проблема творчества / Д. Б. Богоявленская. – Ростов н/Д., 1983. – 172 с.
4. *Борзова В. А.* Развитие творческих способностей у детей / В. А. Борзова, А. А. Борзов. – Самара, 1998. – 314 с.
5. *Синельникова О. Н.* Развитие творческих способностей / О. Н. Синельникова // Начальная школа. – 2008. – № 6. – С. 14–18.
6. *Дереклеева Н. И.* Мастер-класс по развитию творческих способностей учащихся / Н. И. Дереклеева. – М., 2008. – 224 с.

САМООТНОШЕНИЕ И ОТНОШЕНИЕ К МАТЕРИ У ДЕВУШЕК С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

С. В. Власова, студентка 5 курса

Polaris_astрум@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

На сегодняшний день в средствах массовой информации встречается множество материалов о различных пищевых расстройствах. В век продовольственного изобилия общество демонстрирует огромное разнообразие неоднозначных отношений с едой. Анорексия, булимия, компульсивное переедание — еще несколько лет назад эти термины были незнакомы широкому кругу людей, однако в современном обществе обсуждение пищевых расстройств и их последствий принимает пугающие масштабы.

Среди предпосылок, которые способствуют появлению и развитию нарушений пищевого поведения, выделяются социальные факторы, включающие в себя влияние окружающей среды, ожидания, рамки подражания; психологические факторы, обусловленные влиянием семьи и внутренними конфликтами и биологические факторы, к которым относится биологическая и генетическая предрасположенность. Основная группа риска подобных нарушений — девушки в возрасте от 12 до 24 лет.

Сегодня все чаще от специалистов, работающих в области нарушений приема пищи, можно услышать о том, что психологические факторы зачастую являются первопричиной возникновения данных проблем. Согласно Д. В. Погонцевой, в американских и европейских исследованиях роль семьи, родителей (и матери в частности) тесно связана с развитием нарушений пищевого поведения на фоне сформированной у дочерей неприязни по отношению к своему телу [3].

Психолог и писательница Луиза Хей находит причину пищевых нарушений в другом, а именно — в самоотношении. Она считает, что одной из причин развития пищевых нарушений является ненависть к себе в чистом виде, которая сопровождается чувством незащищенности и внутренним дискомфортом [6].

Существуют нарушения пищевых паттернов, которые встречаются гораздо чаще, чем анорексия или булимия, протекают в более

легкой форме и не рассматриваются как патологические нарушения, однако они также наносят серьезный психологический и физиологический вред. Это ограничительное, эмоциогенное и экстернальное пищевое поведение [2].

Девушки с ограничительным пищевым поведением имеют склонность строго контролировать количество и калорийность потребляемой пищи. Они часто ограничивают себя в питании, игнорируя внутренние сигналы голода (или жажды), и придерживаются достаточно строгих режимов питания, которые, как предполагается, приведут к потере веса либо к его удержанию.

Для девушек с эмоциогенным пищевым поведением стимулом к приему пищи является не голод, а эмоциональный дискомфорт. Часто они «заедают» свои волнения, несчастья и стрессы, выбирая для этого в основном легкоусвояемые высококалорийные продукты, богатые углеводами и жирами (пирожные, мороженое, пирожки, конфеты, торты, шоколад).

У девушек с экстернальным пищевым поведением желание поесть стимулируется не реальным чувством голода, а внешним видом еды, ее запахом, текстурой либо видом других людей, принимающих пищу.

Необходимость изучения роли социальных и психологических факторов в наличии нарушений пищевого поведения у девушек подтолкнула нас к изучению самоотношения и отношения к матери у девушек с нарушениями пищевого поведения.

Нами было проведено исследование, в котором мы с помощью голландского опросника пищевого поведения (DEBQ) [1] выявили у студенток 1, 2 и 3 курсов ВГУ наличие или отсутствие пищевых отклонений по трем шкалам: ограничительное, эмоциогенное и экстернальное пищевое поведение. С помощью методики исследования самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантилеева [4] и опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера [5] мы изучили особенности самоотношения и отношения к матери у девушек с данными типами нарушений пищевого поведения, сравнив их с контрольной группой девушек без таковых нарушений. Результаты исследования дают нам возможность сделать следующие выводы.

1. И в самоотношении, и в отношении к матери у девушек с нарушениями пищевого поведения наблюдаются значительные различия в сравнении с девушками без таковых нарушений.

2. У девушек с ограничительным, эмоциогенным и экстернальным типами нарушений пищевого поведения наблюдаются различия в некоторых аспектах самооотношения. Что касается самооотношения девушек с ограничительным пищевым поведением, мы обнаружили, что оно отличается низкой уверенностью в себе, низким уровнем саморуководства, самопринятия и самопривязанности; высокой внутренней конфликтностью и высоким уровнем самообвинения. Самоотношение девушек с эмоциогенным пищевым поведением отличается низкой самоуверенностью, низким уровнем самопринятия и самопривязанности, высокой внутренней конфликтностью и высоким уровнем самообвинения. Самоотношение девушек с экстернальным пищевым поведением отличается низким уровнем уверенности в себе, саморуководства; неадекватным отраженным самооотношением, низким уровнем самопринятия и самопривязанности, высокой внутренней конфликтностью и высоким уровнем самообвинения. У девушек со смешанными типами пищевого поведения вариативно проявляются указанные нами признаки самооотношения.

3. У девушек с ограничительным, эмоциогенным и экстернальным типами нарушений пищевого поведения наблюдается довольно сходная картина, характеризующая их отношение к матери. Отношение к матери у девушек с ограничительным, эмоциогенным и экстернальным типами пищевого поведения определяется: директивностью, враждебностью, непоследовательностью в поведении, отстраненностью и излишней критичностью.

4. У девушек со смешанными типами пищевого поведения, а именно: эмоциогенным и экстернальным, ограничительным и экстернальным, вариативно проявляются все указанные нами аспекты самооотношения и отношения к матери, характерные для групп с нарушениями пищевого поведения.

Данное исследование, возможно, послужит интересным материалом для специалистов, занимающихся этой проблемой, поможет повысить эффективность терапии пищевого поведения.

Дальнейшая разработка данной проблемы может включать проработку новых ее аспектов, направленных на помощь девушкам в принятии себя, на нахождение баланса между стремлением соответствовать своим или чужим ожиданиям и потребностью существовать как цельная, индивидуальная личность. Также важно обратиться к разработке стратегий поведения, направленных на налаживание

продуктивного диалога с матерью. Значимость психологических и социальных факторов в данной проблеме может способствовать появлению ценных лечебных подходов. Семейные и индивидуально-психологические аспекты проблемы нарушений пищевого поведения у девушек следует рассматривать в связи с социокультурными и биологическими факторами.

Литература

1. Голландский опросник пищевого поведения DEBQ. – Режим доступа: <http://psytesty.ru/>
2. *Малкина-Пых И. Г.* Терапия пищевого поведения (Справочник практического психолога) / И. Г. Малкина-Пых. – М., 2007. – 1040 с.
3. *Погонцева Д. В.* Мать как образ женской красоты у женщин / Д. В. Погонцева // Гуманитарные научные исследования. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2011/09/61>
4. *Посохова С. Т.* Настольная книга практического психолога / сост. С. Т. Посохова, С. Л. Соловьева. – М. ; СПб., 2008. – 671 с.
5. *Сонин В. А.* Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПОР ; Е. Шафер) / В. А. Сонин // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. – СПб., 2004. – С. 169–178.
6. *Хей Л.* Книга жизни / Л. Хей. – СПб., 2009. – 960 с.

ДОВЕРИЕ К ВОЕННОСЛУЖАЩИМ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

В. В. Гончарова, студентка 3 курса
Gvv180494@mail.ru

Руководитель – канд. психол. наук, доц. И. В. Завгородняя

Проблема доверия к военнослужащим на сегодняшний день остается малоизученной. Актуальность данного исследования заключается в том, что доверие к военнослужащим является одним из аспектов общего доверия к окружающей реальности. Во время социальных, политических и экономических потрясений увеличение доверия к военнослужащим становится особенно значимым, поскольку опирается на выполнение ими своих прямых профессиональных обязанностей. Поскольку юношеский возраст является периодом

© Гончарова В. В., 2015

активного становления жизненных ориентиров и профессионального самоопределения, развитие доверия к военнослужащим у юношей и девушек можно рассматривать как одну из составляющих их гражданской позиции.

Наличие доверия к военнослужащим, с одной стороны, выступает важным аспектом формирования гражданского самосознания юношей и девушек, а с другой — может послужить значимым фактором выбора ими профессии военнослужащего, что будет способствовать укреплению российской армии. Это обуславливает актуальность проводимого исследования.

Военнослужащий — лицо, состоящее на действительной военной службе и являющееся защитником своей Родины [1]. Доверие рассматривается нами в соответствии с ресурсным подходом Ф. Н. Ильясова [2], который понимает данное понятие как совокупность представлений и настроений субъекта: а) отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта; б) проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций.

Цель проводимого исследования — выявить особенности доверия к военнослужащим у юношей и девушек. При этом в качестве гипотезы выступает предположение, что существуют отличия в характеристиках военнослужащих, вызывающих доверие а) у девушек — вызывают доверие внешность, эмоциональные характеристики и поведение военнослужащих; б) у юношей — вызывают доверие активность, интеллектуальные особенности, отношение к людям и некоторые черты личности (например, надежность и уверенность).

Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ коррекции и повышения доверия к военнослужащим, в частности у лиц юношеского возраста.

В исследовании приняли участие 50 юношей и 50 девушек (возраст 18—21), студенты ВГУ (экономический и физический факультеты) и ВГТУ (факультет информационных технологий и компьютерной безопасности).

В качестве методик исследования выступали:

- 1) модифицированный вариант опросника для изучения доверия и недоверия личности А. Б. Купрейченко и С. П. Табхаровой [3];
- 2) проективная методика, разработанная с целью выявления характеристик военнослужащих, вызывающих доверие юношей и

девушек. Методика заключается в следующем: испытуемым давали 10 картинок с изображением военных и предлагали проранжировать эти картинки и написать, что именно в каждой картинке вызвало у них доверие.

В качестве критерия математической обработки выступал критерий Манна-Уитни.

Выявлены статистически значимые различия между девушками и юношами по ряду характеристик военнослужащих, вызывающих доверие. Девушки отличаются более высокими значениями по следующим характеристикам военнослужащих: хорошо одетый ($U=1200$; $p \leq 0,01$); красивый ($U=1096$; $p \leq 0,01$); светлый ($U=1000,5$; $p \leq 0,01$); любопытный ($U=1152$; $p \leq 0,01$); образцовый ($U=939$; $p \leq 0,01$); принципиальный ($U=1195,5$; $p \leq 0,01$); другого вероисповедания ($U=1126$; $p \leq 0,01$); справедливый ($U=931$; $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что у девушек вызывает доверие такие группы характеристик военнослужащих, как внешность (хорошо одетый и красивый), активность (светлый), интеллектуальные качества (любопытный и образцовый) и отношение к людям (принципиальный, справедливый и другого вероисповедания).

Юноши отличаются более высокими значениями по следующим характеристикам: умный ($U=1132$; $p \leq 0,01$); спокойный ($U=933$; $p \leq 0,01$); болтливый ($U=1234$; $p \leq 0,01$); другой национальности ($U=975$; $p \leq 0,01$); вежливый ($U=1125$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, у юношей вызывают доверие такие группы характеристик военнослужащих, как интеллектуальные особенности (умный), эмоциональные особенности (спокойный), отношение к людям (болтливый, вежливый и другой национальности).

Из предложенного набора картинок во второй методике с изображением военнослужащих было выявлено, что у девушек вызывают доверие следующие группы характеристик: *внешние характеристики*: отсутствие оружия на картинке (29,5 %), военная форма на военнослужащем (22,5 %), награды на военнослужащем (13,0 %), оружие и техника рядом с военнослужащим (11,5 %), взгляд военнослужащего (7,5 %), опрятный (6,5 %), человек или животное рядом с военнослужащим (5,0 %), черты лица военнослужащего (4,0 %), пожилой возраст (3,5 %), красивый (2,0 %), улыбка (12,5 %); *поведение*: ответственный (13,5 %), искренний (12,5 %), уверенный (12,0 %), мужественный (10,5 %), добрый (9,5 %), любопытный

(3,0 %); *эмоциональные характеристики*: угрюмый (4,0 %) веселый (6,5 %), агрессивный (2,5 %); *активность*: спортивный (8,5 %), целеустремленный (4,5 %), смелый (3,5 %), решительный (2,5 %); *отношение к людям* – скрытный (2,0 %); а также *некоторые черты личности*: надежный (6,0 %), дисциплинированный (2,0 %).

У юношей вызывают доверие: *интеллектуальные характеристики* – умный (25,0 %); *некоторые черты личности*: надежный (21,5 %) и уверенный (5,0 %); *отношение к людям*: хитрый (21,0 %); *внешние характеристики*: награды на военнослужащем (18,0 %); отсутствия оружия (14,0 %), оружие и техника (11,5 %), военная форма (11,0 %), черты лица военнослужащего (7,0 %), пожилой возраст (5,5 %); *активность*: ловкий (17,0 %), целеустремленность (10,5 %), человек или животное рядом с военнослужащим (5,0 %), смелый (4,5 %), спортивный (4,5 %), решительный (1,5 %); *эмоциональность*: серьезный (10,0 %), спокойный (7,5 %); *поведение*: добрый (6,0 %), веселый (5,5 %).

Таким образом, мы видим, что девушки чаще отмечали (как в первой, так и во второй методике) внешние характеристики военнослужащих, юноши – характеристики, отражающие отношение к людям и интеллектуальные особенности военнослужащих. Согласно результатам второй методики, девушки выделяли в большей мере различные эмоциональные и поведенческие характеристики военнослужащих, а юноши – характеристики активности и черт личности военнослужащих, чего не было выявлено в первой методике, соответственно можно утверждать, что наша гипотеза подтвердилась.

Литература

1. *Аверин А. И.* Начальная военная подготовка / А. И. Аверин, И. Ф. Выдрин, Н. К. Ендвицкий. – М., 1985. – 256 с.
2. *Ильясов Ф. Н.* Типы шкал и анализ распределений в социологии / Ф. Н. Ильясов // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2014. – № 4. – С. 24–40.
3. *Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. – М., 2008. – 564 с.

ВЛИЯНИЕ НЕПОЛНОЙ СЕМЬИ НА ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

И. С. Губанова, магистрант 1 курса
bis170886@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Семья — одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования. Ни одна нация, ни одна культурная общность не обошлись без семьи. В ее позитивном развитии, сохранении, упрочении заинтересованы общество и государство; в прочной надежной семье нуждается каждый человек независимо от возраста.

Семья является одним из главных институтов воспитания. Это объясняется тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из других институтов воспитания не может сравниться с семьей. В семье закладываются основы личности ребенка, и к моменту поступления в школу он в значительной степени сформирован как личность.

Семейные взаимоотношения могут являться как мощным фактором развития и эмоционально-психологической поддержки личности, так и источником психической травмы и связанных с нею разнообразных личностных расстройств: неврозы, психозы, психосоматические заболевания, сексуальные перверсии и отклонения в поведении и др.

К семейной атмосфере, ее состоянию, перспективам человек чувствителен на протяжении всей жизни. Однако наибольшее влияние семья оказывает на развивающуюся личность. В семье формируется отношение ребенка к самому себе и окружающим его людям. В ней происходит первичная социализация личности, осваиваются первые социальные роли, закладываются основные ценности жизни. Родители естественным образом оказывают влияние на своих детей через механизмы подражания, идентификации и интериоризации образцов родительского поведения. Семейное воспитание индивидуально и потому незаменимо никакими суррогатами анонимного воспитания. Его отсутствие или изъяны трудновосполнимы в последующей жизни человека.

В настоящее время, в связи с изменением моральных норм в области взаимоотношений полов, распространением добрачных связей, неподготовленностью молодежи к браку, завышением требований к брачному партнеру увеличивается число детей, рожденных вне брака, растет общее число разводов. По данным федеральной службы государственной статистики, в 2013 г. на 1 225 501 браков приходилось 667 971 разводов.

Изучение индивидуально-психологических особенностей подростков в неполных семьях всегда привлекало и привлекает внимание исследователей. Вклад в изучение проблемы генезиса неполных семей, вопросов воспитания и развития эмоционально-личностной сферы детей, живущих в таких семьях, внесли М. И. Буянов, А. И. Захаров, И. С. Кон, Й. Лангеймейр, Б. И. Кочубей, З. Матейчик, В. С. Мухина, Т. И. Пухова, М. Скофилд, А. С. Спиваковская, Г. Фигдор, М. Хофман, Р. Эванс.

Исследования, которые проводят специалисты, занимающиеся научной разработкой проблемы семьи и брака, показывают, что дети, которые воспитываются в неполных семьях, испытывают различные психологические трудности. Все ученые, расходясь в каких-то аспектах, приходят к единому мнению, что не любая полная семья является нормальной средой для полноценного развития и воспитания ребенка, но все же наличие в семье обоих родителей помогает успешнее решать многие задачи, связанные с сохранением его психического здоровья.

Ограниченные воспитательные возможности неполной семьи порождены факторами материального, педагогического и морально-психологического порядка. Забота о воспитании ребенка в неполной семье, которая чаще всего ложится на плечи женщины, — это прежде всего забота о создании необходимых материально-бытовых условий жизни. При этом замечено, что в случае распада брачной связи сохранение и даже повышение прежнего материального уровня женщины нередко рассматривает как вопрос собственного престижа и поэтому берется за более трудную работу, находит дополнительный приработок и т.д. Постоянная занятость матери на производстве, заботы по ведению домашнего хозяйства и связанные с этим непрерывное напряжение, усталость отрицательно сказываются на отношении к ребенку, оборачиваются урезанными возможностями воспитания, дефицитом общения, ведут к недостатку внимания к ребенку, его подлинным интересам и потребностям, ослаблению контроля за его поведением. Более того, дети в неполных семьях часто остаются вообще

без присмотра, т.е. материальные и временные проблемы ее жизнедеятельности нередко оборачиваются проблемой безнадзорности детей с вытекающими отсюда последствиями [1]. Частым следствием распада семьи является изменение отношения ребенка к матери. Иногда у него возникает обостренное чувство жалости к ней, иногда он обвиняет мать в уходе отца. Вследствие этого он начинает критически относиться к ней, учащаются конфликты, в результате чего, по существу, ребенок «теряет» для себя и второго родителя [2].

Проблема неполной семьи проявляется и в том, что ребенок часто встречается лишь с одной ролью родителя. Поскольку дети в неполной семье не могут наблюдать отношений между мужчиной и женщиной, они вырастают, не имея целостной модели этих отношений и в дальнейшем им более проблематично строить собственные межличностные отношения.

Замечено, что повышенная эмоциональность, неуравновешенность, болезненная чувствительность, свойственные переходному периоду, у подростка из распавшейся семьи носят гипертрофированный характер, делая его психику особенно ранимой. Чувство боли и стыда, собственной ущербности, неполноценности, ощущение покинутости и одиночества долгое время в таких случаях не оставляют детей, делая их грубыми, раздражительными, некоммуникабельными, утратившими интерес ко всему. Кроме того, установлено достоверно, что у подростков из полных семей самооценка выше, чем у подростков из неполных семей [2].

Нами была проанализирована деятельность совета профилактики МБОУ СОШ № 75 за 2012–2015 гг., основной целью которой является профилактика правонарушений в подростковой среде, усиление работы по укреплению школьной дисциплины, согласование требований семьи и школы в вопросах воспитания и обучения. Данные, полученные в ходе анализа, отражены в таблице.

Т а б л и ц а

Количество детей, участвовавших в совете профилактики

№	Учебный год	Общее количество детей, участвовавших в совете профилактики	Из полных семей	Из неполных семей
1	2011/12	31	10 (32 %)	21 (68 %)
2	2012/13	37	12 (33 %)	25 (67 %)
3	2013/14	25	8 (32 %)	17 (68 %)
4	2014/15	39	12 (31%)	27 (69 %)

Данная информация подтверждает тот факт, что дети из неполных семей испытывают больше трудностей адаптации и социализации в образовательном учреждении.

Таким образом, распад семьи с предшествующими ему и последующими обстоятельствами — это целый комплекс неблагоприятных факторов, способных оказывать отрицательное влияние на психическое и нравственное становление личности подростка вплоть до патологических изменений в области психики и криминогенного поведения.

Литература

1. *Соколова Е. Т.* Влияние на самооценку нарушений эмоциональных контактов между родителями и ребенком и формирование аномалий личности / Е. Т. Соколова // *Семья и формирование личности*. — М., 1981. — С. 15–21.

2. *Титаренко В. Я.* Семья и формирование личности / В. Я. Титаренко. — М., 1987. — 351 с.

МАНИПУЛЯЦИИ В ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

В. В. Дайнеко, студ. 1 курса

vas-rigic@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Развитие экономики, разрастание связей фирм в национальном и глобальном масштабах делает проблему манипуляций в деловой сфере, и в частности в деловых переговорах, актуальной и важной для исследования.

Рассмотрим некоторые точки зрения относительно феномена манипуляции. Э. Шостром в книге «*Анти-Карнеги, или Человек манипулятор*» утверждает, что «современный человек — это манипулятор, кем бы он ни был...» [1, с. 11]. Он представляет феномен манипуляции как «контроль и управление, эксплуатацию другого, использование его в качестве объектов, вещей» [1, с. 6]. Э. Бернс рассматривал манипуляцию с позиции теории игр. Российский ученый Е. Л. Доценко

определяет, что «манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [2, с. 60]. Он также характеризует феномен манипуляции пятью признаками:

- 1) психологическое воздействие;
- 2) стремление получить односторонний выигрыш;
- 3) отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей;
- 4) использование (психологической) силы, игра на слабостях;
- 5) скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленность).

Дж. Рудинов единственный из авторов, кто в качестве необходимой и очень важной характеристики феномена манипуляции выделял мотивационное влияние на объект. Под этим он понимает прежде всего «привнесение дополнительного побуждения в контекст желаний адресата, навязывание мотивационной “нагрузки”, в конечном итоге (видо) изменяющее его первоначальные намерения» [2, с. 59]. Говоря иначе, манипулирование появляется тогда, когда манипулятор придумывает за адресата цели, которым тот должен следовать, и осуществляет их внедрение в психику объекта. В общем смысле идея и план, возникшие у манипулятора, с помощью каких-либо ухищрений достигают собеседника и воспринимаются им как собственные.

Д. Ю. Трушников отмечает, что для полноценного понимания феномена манипуляции необходим целостный подход. Он выделяет два аспекта и рассматривает манипулирование, с одной стороны, как воздействие, а с другой — как сложно организованную деятельность [2].

Уделим внимание прикладным аспектам — техникам манипулирования и способам противодействия им при ведении переговоров.

Под манипуляцией в ходе ведения переговоров следует понимать скрытое влияние на партнера с целью добиться большей выгоды для себя. Е. Стацевич, К. Гуленков, И. Сорокина выделяют четыре группы манипуляций в переговорах [3].

Первая группа — манипуляции давления. Они связаны непосредственно с влиянием на эмоционально-психологическое состояние партнера, ослаблением его уверенности и воли к победе. Первая техника, которую мы можем сюда отнести, — это ажиотаж, когда ошибочно принятое решение связано с нехваткой времени на обдумыва-

ние. Нужно иметь в виду, что на исправление ошибок обычно уходит больше времени, чем на обдумывание (например, когда говорят: «это последний шанс», «время — деньги, каждую минуту вы теряете деньги, как только вы подписываете договор с нами, вы практически сразу же начинаете зарабатывать»). Похожая техника — «цейтнот» — состоит в следующем: за короткое время на основе предоставления большого объема информации партнеру предлагают быстро принять решение; путь противодействия этому — качественная подготовка к переговорам, заранее принятые установки.

Техника, которая также связана с использованием фактора времени, — «тянем-потянем», когда партнер вновь и вновь откладывает начало переговоров, затягивает обсуждение или тянет с принятием решения. Манипулятор рассчитывает, что когда наступит момент переговоров, собеседник не захочет медлить и быстрее согласится на его условия, так как психологически устал ждать. Другой подход — «взять измором» — партнер старается отложить ответ на высказанную собеседником претензию. Цели данного приема могут быть различными: выиграть время, чтобы обдумать ответ на замечание, найти лучший момент для комментариев, снизить значение и остроту высказанной претензии, чтобы в результате отсрочки необходимость отвечать на сделанное замечание отпала вообще.

Во *второй группе* техник манипулятор использует косвенные обходные маневры. Сначала он оказывает собеседнику почтение с помощью комплиментов и похвалы, демонстрирует расположение и уважение, другие способы повышения его самооценки, и затем на этом психологическом фоне стремится реализовать свои интересы и выгоду. Противодействие в данном случае основано на тактике, когда следует сконцентрироваться не на развенчании хитростей собеседника, а на взвешенной оценке ситуации с учетом выгоды для актуального бизнеса.

Техника использования прошлого удачного опыта и положительных эмоций — («якорь») — основана на предложении с напоминанием о прошлом решении партнера, которое способствовало получению им выгоды (например, удачно сделанный заказ, приобретение партии товара и т.д.). Для противодействия нужно в ответ подчеркнуть, что ситуация на современном рынке меняется постоянно, поэтому однажды найденный верный путь не всегда может оставаться таковым надолго.

Для *третьей группы* техник характерно использование информационного подхода: с помощью структурирования информации воздействуют, прежде всего на мышление собеседника, выстраивая ложные аргументы в свою пользу. Эффект убедительности часто основан на скрытой логической ошибке, когда, например, функциональная взаимосвязь представляется в качестве причинно-следственной. Для противодействия нужно указать на несостоятельность доводов партнера.

Избыток информации может запутать собеседника обилием данных и фактов, заставить потерять основную мысль изложения. Например, тактика «бомбардировка обо всем и ни о чем» — с перемещением акцента на несущественное, на детали, не имеющие прямого отношения к делу.

Особенность *четвертой группы* техник состоит в использовании третьих лиц, несуществующих или реальных. В данной группе часто прослеживается обращение к мнениям авторитетов, привлечение помощников. Характерной чертой данной группы манипуляций является распределение ролей и нередко своеобразный «спектакль» (например, мелкая уступка одного на фоне более жесткого предложения другого манипулятора склонить к принятию заманчивого предложения). Общее правило противодействия, распространяющееся на все подобные техники: определить главного манипулятора и взаимодействовать в основном с ним.

Люди, в зависимости от характера знаний, умений, по-разному поступают в ситуации, когда они осознают факт манипуляционного воздействия. Первый вариант заключается в выжидании. Однако это может сказаться отрицательно, поскольку можно упустить контроль за ситуацией. Предпочтительна, как известно, золотая середина, т.е. наиболее выгодной и успешной является активно-выжидательная позиция. Для правильного ее применения необходимо хорошее владение тактиками расспроса и пробных действий.

Таким образом, даже краткий обзор наиболее часто применяемых манипуляционных техник в деловых переговорах свидетельствует о постоянном скрытом противостоянии. Как бы собеседник ни был уверен в своем партнере, всегда необходимо быть бдительным, компетентным в своей области специалистом, находиться в курсе самых последних изменений.

Литература

1. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек манипулятор / Э. Шостром. — Минск, 1992. — 128 с.
2. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляций : феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М., 1997. — 177 с.
3. *Стацевич Е.* Манипуляции в деловых переговорах : практика противодействия / Е. Стацевич, К. Гуленков, И. Сорокина. — М., 2012. — 150 с.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е. Е. Келер, магистрант 2 курса
elena777.ekh@gmail.com

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Этническая идентичность — одна из разновидностей социальной идентичности личности. Ее принято определять как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и, в определенной степени, государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп. Вместе с тем этническая идентичность — это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и оценка значимости членства в ней. Она дает человеку широкие возможности для самореализации.

Этническая идентичность сильнее выражена у тех людей, которые живут в культурной среде, значительно отличающейся от их собственной. Важную роль играет то обстоятельство, к какой группе этнического большинства (или меньшинства) принадлежит человек. Представления об этнических группах быстрее и острее формируются у представителей этнического меньшинства, но порой в детстве представители меньшинства предпочитают не свою группу, а хотят быть

в группе этнического большинства. В этом случае может сформироваться ложная идентичность: ребенок воспринимает себя в качестве члена доминирующей группы, а не в составе своей реальной этнической группы. Это распространяется и на межгрупповые отношения, чем, в частности, объясняется появление националистических установок. Таким образом, установки этнофора (носителя этничности) по отношению к аутгруппам могут рассматриваться как способ разрешения внутриличностных конфликтов и противоречий. Агрессивное поведение по отношению к членам других групп сочетается с признанием и любовью по отношению к «своим», т.е. к группам идентификации.

Современные исследователи понимают этническую идентичность как специфическую форму идентификации, заключающуюся в соотношении человеком некоторых составляющих собственной определенности с рядом характеристик этноса, к которому он себя причисляет.

Обобщая, можно сказать, что этническая идентичность может рассматриваться как принадлежность личности в связи с ее идентификацией с этнической общностью. Таким образом, можно утверждать, что этническая идентичность — важная часть не только социальной, но и личностной идентичности.

Т. Г. Стефаненко подчеркивает, что, подчиняясь общим закономерностям формирования социальной идентичности, этническая идентичность как форма внутриэтнического и межэтнического взаимодействия имеет свои особенности [1].

1. Этничность — «родом из прошлого». Она рождается из общей истории народа, в которой он черпает самые проверенные и надежные жизненные ориентиры, особенно в трудные и кризисные периоды жизни.

2. Этничность мифологична в смысле ее опоры на представления, как правило, мифологизированные со временем, об общей культуре, общем происхождении, общей истории.

3. Этничность — зависимая переменная, сила которой возрастает или снижается в зависимости от обстоятельств.

4. Этничность двойственна в том смысле, что лежащая в ее основе этническая культура разделяется на культуру для «внешнего» пользования (демонстрации своих этнических особенностей «чужим») и скрытую от посторонних культуру для «внутреннего» пользования (демонстрации своих этнических особенностей «своим»).

5. Этничность по своей сущности конфронтационна: рост этничности внутри группы связан, как правило, с ростом этнической нетерпимости по отношению к другим группам.

Этническая идентичность выстраивается личностью на основе специфических признаков, которые называют этнодифференцирующими. Это характеристики, которые обозначают этнические различия [1]. Такими признаками могут являться, к примеру, этническое происхождение, язык, определенные традиции, обычаи и т.д. Например, у российских немцев существует специфический этнодифференцирующий признак — общность исторической судьбы. Совокупность характеристик, значимых для этнической идентификации, не является универсальной для всех народов. Не существует ни одного этнодифференцирующего признака, который позволил бы обозначить различия между всеми этническими группами: например, представители двух различных этносов могут говорить на одном и том же языке, исповедовать одну и ту же религию и, тем не менее, относить себя к разным этносам (чилийцы, бразильцы, аргентинцы). Важно отметить, что значимость того или иного этнодифференцирующего признака носит исключительно индивидуальный характер. Так, для одного российского немца приоритетным становится владение родным языком, а другой осознает свою принадлежность к этому народу даже в том случае, когда он не говорит по-немецки [2].

Согласно большинству этнопсихологических концепций [3, 4 и др.], этническая идентичность имеет трехкомпонентную структуру. Когнитивный компонент включает знания человека о своем этносе: самоназвание, особенности исторической судьбы, традиций и обычаев, элементов материальной и духовной культуры (народный костюм, фольклор, национальная кухня и т.п.), национальной символики и т.д. Эмоциональный компонент отражает личное отношение человека к своей этнической группе и к принадлежности к ней, ее субъективную значимость для него. В зависимости от характера этого отношения выделяют позитивную и негативную этническую идентичность: человек может позитивно относиться к своему происхождению, гордиться своим народом или, напротив, стыдиться принадлежности к нему, относиться с презрением. На основе этих двух компонентов формируется третий — поведенческий, проявляющийся в способе организации бытовой и общественной жизни, стандартах и образцах деятельности человека как представителя конкретного этноса.

Этническая идентичность выполняет важные функции: 1) подчиняет человека социальной группе (этносу), удовлетворяет потребности в принадлежности к коллективу; 2) обеспечивает чувство психологической защищенности; 3) способствует самопониманию личности.

Итак, в условиях социальной неопределенности именно этническая идентичность, являясь одной из существенных психологических характеристик личности, состоящей в ощущении и переживании собственной принадлежности к определенной этнической группе, воспринятии себя представителем конкретного народа, выполняет важную защитную функцию. Неизменность этнического, проявляясь на обыденном уровне, составляет постоянную основу существования личности. При этом социальная сущность этнической принадлежности возводит ее до уровня мировоззренческого ориентира в кризисные периоды жизни общества.

Литература

1. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — М., 2003. — 367 с.
2. *Овсянникова В. В.* Об этнической идентичности российских немцев / В. В. Овсянникова // *Дневник АШПИ*. — 2013. — № 29. — С. 219–223.
3. *Давыдов О. Б.* Диалектика индивидуальной и коллективной идентичностей / О. Б. Давыдов // *Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке*. — 2011. — Т. 5. — С. 146–152.
4. *Фарукшин М. Х.* Этническая идентичность : концепт и практика / М. Х. Фарукшин // *Ученые записки Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки*. — 2010. — Т. 152, № 1. — С. 247–252.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Ю. С. Королев, магистрант 2 курса
korolev_ura@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Муниципальная служба, как это определено в законодательстве Российской Федерации, представляет собой профессиональную де-

тельность на постоянной основе на муниципальной должности, не являющейся выборной. С другой стороны, муниципальная служба как профессия представляет собой род деятельности муниципальных служащих, определяемый разделением труда в сфере муниципального управления, обособлением определенной группы трудовых отношений [1].

В связи со сложностью решаемых задач система муниципального управления является многогранной и многоуровневой структурой, центральное место в которой занимает муниципальный служащий.

В 1991 г. Международная ассоциация управления городами и районами (ИСМА) разработала набор основных компетенций и умений, необходимых для эффективной работы муниципального управляющего. Это наиболее полный список обязательных профессиональных компетенций муниципального управляющего [2].

1. Управление персоналом включает в себя такие личностные качества, как: умение понимать межличностные отношения, мотивировать людей; объективность в оценке действий других людей; умение понимать командные отношения; способность направлять и координировать усилия группы; креативность; умение определять ожидания, формировать ориентиры, поддерживать всех членов коллектива.

2. Политическое содействие включает в себя: понимание групповой динамики и политического поведения; навыки организации коммуникации; способность вовлекать других в процесс анализа ситуации и возможных результатов деятельности; умение предвидеть последствия политических решений; способность передавать правильную информацию и давать целесообразные рекомендации.

3. Организация услуг включает следующие качества: навык оценки потребностей местного сообщества, наличных ресурсов; предвидение результатов решений, связанных с предоставлением услуг; способность формировать цели и показатели продуктивности деятельности, оценивать результаты; знание методов сбора информации; понимание организационных процессов; способность содействовать организационным улучшениям.

4. Стратегическое лидерство включает: понимание собственного стиля лидерства; проницательность; формирование перспектив; определение набора задач; способность создавать среду, мотивирующую к инициативе и инновациям; прозорливость; творчество.

5. Приверженность демократическим принципам включает: понимание демократических принципов, политических процессов, за-

конодательства о местном самоуправлении; понимание групповой динамики; поддержание ценности различий в организации и местном сообществе.

6. Организационное планирование и менеджмент подразумевают: понимание и навык работы с бюджетом, финансового анализа; управление человеческим потенциалом; стратегическое планирование.

7. Коммуникация, являющаяся неотъемлемой частью любого управления, содержит в себе следующие характеристики: понимание принципов межличностной и групповой коммуникации; навык слушать, говорить и писать; способность убеждать, адаптировать предъявления к особенностям аудитории; восприятие вербальных и невербальных ответов; навык выбора наиболее эффективных коммуникативных методов для конкретных взаимодействий.

8. Целостность включает: справедливость; честность; понимание деловой и личностной этики; личную целостность; профессиональную целостность; содействие этике поведения в организации личным примером, управленческой практикой, организацией специального обучения.

Дополнительную группу черт и качеств личности муниципального служащего, влияющих на эффективность его деятельности, отличает субъективный, личностный характер. Личностные характеристики муниципального служащего непосредственно связаны с его психикой, субъективными качествами, природными, приобретенными или развитыми способностями. Ведущее место среди них занимает интеллект, характеризующий умственные способности и развитие личности.

Таким образом, вышеперечисленная классификация раскрывает многообразие необходимых личностных качеств муниципальных служащих. Данные характеристики охватывают обширный пласт и многосторонность характерологических проявлений личности.

В. И. Шкатулла выделяет две группы качеств, которыми должен обладать муниципальный служащий. С одной стороны, это ряд интеллектуальных способностей, а с другой — личностные свойства.

К числу ключевых интеллектуальных способностей муниципального служащего можно отнести:

- способность быстро и легко усваивать информацию;
- способность наблюдать, суммировать, отбирать и оценивать факты;
- способность не только к анализу, но и к синтезу и обобщениям;

– творческие способности.

В числе личностных свойств муниципальных служащих в первую очередь следует выделить способности понимать людей и работать с ними, а именно:

- уважение к мнению других людей;
- способность предвосхищать и оценивать человеческие реакции;
- легкость в налаживании человеческих контактов;
- способность завоевать доверие и уважение;
- способность выслушивать собеседника;
- умение вести устное и письменное общение;
- способность убедить и создать мотивы для действия.

В итоге выстроилась модель, которая позволяет комплексно представить муниципального служащего и выделить те основные блоки, которые обеспечивают успешность его деятельности. Эта модель включает в себя:

- качества личности муниципального служащего;
- его способности;
- его профессиональные навыки;
- опыт;
- мотивацию деятельности;
- воспитание [3].

Таким образом, проанализировав предложенные характеристики деятельности муниципальных служащих, необходимые в их профессиональной деятельности, профессиональные личностные качества и свойства, можно сделать вывод, что именно условия и специфика деятельности муниципальных служащих определяют их психологические особенности.

Итак, характер профессиональной деятельности муниципально-го служащего определяет набор необходимых психологических особенностей и личностных качеств, которые способствуют как саморазвитию, так и профессиональному росту муниципальных служащих. Высокий уровень развития психологических особенностей муниципальных служащих обеспечивает успешное освоение психологических методов управления «человеческой составляющей».

Литература

1. Об основах муниципальной службы в РФ : федер. закон от 08 января 1998 г. № 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 224.

2. *Калаченко Л.* Требуется профессионалы. Муниципальная служба : состояние, пути развития кадрового потенциала / Л. Калаченко // Муниципальная власть. — 2002. — № 2. — С. 40–42.

3. *Шкатулла В. И.* Настольная книга менеджера по кадрам : учеб. пособие / В. И. Шкатулла. — М., 2000. — 560 с.

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У ЮНОШЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ

Ю. А. Красных, студентка 4 курса
Juliet.krasnykh93@gmail.com

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О. В. Тимофеева

Актуальность исследования копинг-стратегий во многом связана с растущим интересом к этой проблеме. Современная российская молодежь вступает в жизнь в весьма сложных условиях социокультурного развития общества. Изменения происходят во всех сферах жизни: социальной, экономической, политической, духовной. Юношеский возраст, по определению психологов, — это переход от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости [1]. Промежуточность данного положения порождает у молодых людей тревогу и беспокойство, несет в себе определенную внутреннюю кризисность, содержание которой связано со становлением процессов самоопределения (как профессионального, так и личностного), рефлексии, способностей самореализации в социальном пространстве.

Целью нашего исследования является изучение копинг-стратегий юношей с разным уровнем субъективного контроля. Объектом исследования выступает феномен копинг-стратегий, предметом исследования — копинг-стратегии юношей с разным уровнем субъективного контроля. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о существовании различий в проявлении копинг-стратегий у юношей с разным уровнем субъективного контроля. Частными гипотезами являются следующие предположения: у юношей с интернальным уровнем субъективного контроля будут преобладать адаптивные копинг-стратегии: принятие ответственности, планирование решения

проблемы, проблемный анализ; у юношей с экстернальным уровнем субъективного контроля будут преобладать неадаптивные копинг-стратегии: дистанцирование, бегство-избегание, игнорирование и относительно адаптивные: религиозность, компенсация.

Термин «копинг-стратегии» был введен в зарубежной психологии во второй половине XX в. для обозначения специфики способов поведения человека в затруднительных ситуациях. В отечественной психологии данное понятие стало популярным в 1990-х гг. С. К. Нартова-Бочавер понимает копинг-стратегии как индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями [2].

Существует большое количество классификаций копинг-стратегий. В данной работе мы используем две классификации: Р. Лазаруса и Э. Хейма. Р. Лазарус выделяет следующие типы копингов: конфронтационный копинг, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка [3]. Э. Хейм разделяет копинг-стратегии на адаптивные варианты (проблемный анализ, сохранение самообладания, протест, оптимизм, сотрудничество, обращение), неадаптивные варианты (смирение, растерянность, диссимуляция, игнорирование, подавление эмоций, самообвинение, активное избегание, отступление) и относительно адаптивные варианты копинг-стратегий (относительность, придание смыслов, религиозность, эмоциональная разрядка, пассивная кооперация, компенсация, отвлечение) [4]. Также ключевым для нас в этой теме понятием является уровень субъективного контроля — личностная характеристика, отражающая предрасположенность и склонность индивида приписывать ответственность за происходящие в жизни события и результаты своей деятельности внешним силам (экстернальный тип), либо собственным способностям и усилиям (интернальный тип).

Выборкой данного исследования являлись 100 студентов ГОБУ СПО ВО Воронежский государственный промышленно-гуманитарный колледж. Среди них 78,0 % имеют экстернальный уровень субъективного контроля. У них доминируют следующие копинг-стратегии: дистанцирование — 67,9 % (данным студентам свойственно субъективное снижение значимости проблемной ситуации и степени

эмоциональной вовлеченности в нее, использование интеллектуальных приемов рационализации, переключения внимания, отстранения, юмора, обесценивания и т.п.); бегство-избегание — 61,5 % (данные юноши при столкновении со стрессовой ситуацией склонны прибегать к типу реагирования — уклонение; могут наблюдаться неконструктивные формы поведения: отрицание либо полное игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, пассивность, нетерпение, вспышки раздражения, погружение в фантазии, переедание, употребление алкоголя и т.п.); протест — 48,7 % (для данных представителей характерно эмоциональное состояние с активным возмущением и протестом по отношению к трудностям и уверенностью в наличии выхода из любой, даже самой сложной, ситуации).

Соответственно, 22,0 % студентов имеют интернальный уровень субъективного контроля. У них доминируют следующие копинг-стратегии: 54,4 % — планирование решения проблемы (решение проблемы у данных людей предполагает попытки ее преодоления за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов); 45,5 % — положительная переоценка (данные студенты предполагают попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста).

Литература

1. *Кон И. С.* Психология ранней юности / И. С. Кон. — М., 1989. — 254 с.
2. *Нартова-Бочавер С. К.* Дифференциальная психология / С. К. Нартова-Бочавер. — М., 2008. — 280 с.
3. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования : эмоциональный стресс / Р. Лазарус ; под ред. Л. Леви. — М., 1970. — 378 с.
4. *Реан А. А.* Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум : учеб. пособие / А. А. Реан. — СПб., 2006. — 255 с.

ПРИЧИНЫ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЖЕНЩИН

Е. С. Кривова, студентка 2 курса

katril.m@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Под пищевым поведением понимается ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, поведение, ориентированное на образ собственного тела, и деятельность по формированию этого образа. Пищевое поведение человека направлено на удовлетворение не только биологических и физиологических, но также психологических и социальных потребностей. Оно является показателем эмоционального состояния человека и может варьироваться от нормы до крайней патологии.

Расстройство пищевого поведения — актуальная проблема на сегодняшний день. В связи с распространением моды на «болезненную» худобу, отсутствием культуры питания и давлением социума всё большее число девушек страдают от пищевых расстройств.

Проблемы, связанные с этим, не ограничиваются ожирением или дефицитом массы тела. Несоответствие между Я-идеальным и Я-телесным влечет неадекватное восприятие своей внешности, низкую самооценку, нарушение контактов с внешним миром. Это приводит к психическим заболеваниям и суицидальным наклонностям.

«Международная классификация психических болезней» 10-го пересмотра (МКБ-10), используемая в нашей стране, рассматривает «Расстройства приема пищи» (F50) в разделе F5 «Поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами» и включает сюда нервную анорексию и нервную булимию.

Выделяют следующие причины расстройств пищевого поведения: социальное давление, семейная обстановка, когнитивные расстройства, биологические причины, расстройство настроения.

Социальное давление — это установки в обществе, которые непосредственно влияют на поведение. Западный стандарт женской привлекательности предполагает стройную фигуру. Иметь избыточный вес считается неприличным, что вызывает у женщин чувство неполноцен-

ности и лишает гармонии тела и внутренних ощущений. В группе риска — женщины «публичных» профессий, ведь именно для них внешние данные играют ключевую роль. Стройность постепенно становится синонимом успеха. Девушки-подростки садятся на строгие диеты вслед за знаменитостями, чтобы «приблизиться» к своим кумирам.

Семейная обстановка — это внутрисемейные отношения. Семья, в которой воспитывается ребенок, с раннего возраста формирует у него отношение к еде, своей внешности. В семьях с тесными связями (члены которых активно вовлечены в дела другого и заботятся об их благополучии) чаще воспитываются дети с тем или иным пищевым расстройством [1]. Ребенок ощущает гиперопеку, лишаясь тем самым личного пространства и права на личный выбор. Хильда Браш — первооткрыватель в изучении и лечении нарушений системы питания — выделяет эффективных и неэффективных родителей [2]. Эффективные родители акцентируют свое внимание на биологических потребностях и желаниях ребенка; неэффективные — не обращают внимания на естественные потребности ребенка, считают, что сами знают, как и когда нужно их удовлетворять. Как правило, это касается не только голода, но и других внутренних нужд ребенка.

Существует ряд закономерностей влияния семейных установок, нарушающих отношения ребенка с едой:

1) пища играет доминирующую роль в жизни семьи, является главным способом удовлетворения, тогда как другие потребности (духовные, эстетические) развиты слабо;

2) любое нарушение в поведении ребенка связывается матерью (или другими членами семьи) с питанием;

3) в семьях не происходит адекватного обучения рациональному поведению в период стресса, и потому закрепляется единственный неправильный стереотип: «когда мне плохо, я должен есть»;

4) нарушены взаимоотношения между матерью и ребенком, когда голод и болезнь являются единственными способами привлечь внимание матери;

5) насильственное кормление: отказ от пищи в таких семьях рассматривается как личное оскорбление.

Когнитивные расстройства — нарушение в отношениях переменных Я-концепции и формами телесного опыта. Тело — своеобразное хранилище «Я», отражение внутреннего мира, выставленное на публичное обозрение. Неадекватная оценка своего Я-телесного и не соответствие его Я-идеальному вызывают внутриличностный

конфликт, решением которого зачастую являются попытки приблизить свой физический облик к желанному идеалу. Диета и физические упражнения — здесь наиболее быстрый, простой и популярный способ у женщин.

Биологические причины нарушений пищевого поведения — сбой в работе гипоталамуса, отвечающего за чувство голода и сытости. Во время соблюдения строгой диеты активизируется латеральный гипоталамус, отвечающий за чувство голода. В результате формируется предвзятое отношение к еде, потеря веса затрудняется и человек вступает в борьбу с самим собой. При подавлении («победе») развивается анорексия, в другом случае эта «борьба» может закончиться периодическими приступами обжорства, т.е. булимией.

Расстройство настроения. Людям с нарушенной системой питания диагноз «депрессия» ставят чаще, чем другим. Аппетит провоцируется внешними раздражителями и различными формами плохого самочувствия, так как повышенное напряжение увеличивает оральные потребности, что приводит к поглощению большего количества пищи и частому курению. В основе булимии лежат глубокие психологические раны, постоянно тревожащие переживания. Попытки привязать свою жизнь к еде (не-еде) — это попытки справиться с жизнью, которая становится все менее подвластна человеку.

Провоцирующей ситуацией для нарушения пищевого поведения нередко является первый эротический опыт, который больные не могут переработать и переживают в качестве угрожающего. В таком случае женщина решает, что ее тело — враг, нечто, что заслуживает жестокого и неуважительного отношения. Эта мысль проявляется в образе жизни: женщина либо слишком много и слишком быстро ест, либо морит себя голодом. Происходит разобщение с собственным телом, игнорирование его потребностей (голод, насыщение, усталость, удовольствие). И еда выступает в качестве наказания «опороченного» тела — доведение себя до бесчувствия едой или полный отказ от пищи.

Таким образом, еда играет роль опоры, главного доступного удовольствия; именно поэтому пищевые расстройства — это не проблемы еды как таковой, а комплекс психических и психофизических расстройств, которые не решаются одним лишь усилением воли больного.

Литература

1. *Воликова С. В.* Родительский перфекционизм — фактор развития эмоциональных нарушений у детей, обучающихся по усложненным програм-

мам / С. В. Воликова, А. Б. Холмогорова, А. М. Галкина // Вопр. психологии. — 2008. — № 5. — С. 31–33.

2. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики / Р. Комер. — СПб., 2002. — 608 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Г. С. Македонова, магистрант 1 курса
galya.makedonova@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О. В. Тимофеева

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в последние годы в криминологической литературе всё более остро ставится вопрос об изучении жертв преступлений, широкого включения в процесс предупреждения преступности виктимологической профилактики. Причина этого — выдвижение на первый план в иерархии целей правоохранительной деятельности защиты личности, ее жизни, здоровья, прав и свобод. Долгое время правоохранительные органы были сориентированы односторонне на работу вокруг преступления и преступника без должного внимания к жертве преступления. Как следствие, до сих пор нет полного учета потерпевших, а следовательно, не изучаются их личностные особенности, от случая к случаю проводятся мероприятия виктимологической профилактики, и вообще, фигура потерпевшего нередко рассматривается не более как источник информации о преступнике и преступлении, как участник (сторона) уголовно-процессуальных отношений.

Для того чтобы попытаться снизить число преступлений с жертвами, одним из направлений должна быть работа над выявлением причин виктимности. Предполагается, что склонность к виктимности складывается из социальных и психологических особенностей среды, в которой находится индивид.

Социально-психологический анализ виктимного поведения — это метод научного исследования, заключающийся в изучении со-

циальных явлений и психологических особенностей индивида, влияющих на формирование виктимного поведения.

Термин «виктимное поведение» возник в рамках криминальной виктимологии. Название этой науки происходило от латинского *victima* – жертва. Однако, несмотря на то, что виктимология представляет собой учение о жертве преступления, основным элементом ее предмета является виктимность [1]. *Виктимность* – системное и динамичное свойство личности, проявляющееся в форме ее социального, биологического, психологического и морального деформационного отклонения, закрепленного в привычных формах поведения, не соответствующего нормам безопасности и обуславливающего потенциальную или реальную предрасположенность субъекта становиться жертвой [2; 3].

В основе виктимности лежит *социально-психологический механизм* [4; 5], основанный на взаимодействии внешних социальных (комплекс условий, обладающих виктимогенным потенциалом) и внутренних психологических факторов (индивидуальные особенности, проявляющиеся на индивидном и личностном уровнях). Особый интерес представляет анализ психологических механизмов виктимности как совокупности внутренних детерминант, обуславливающих дисбаланс между негативными внешними воздействиями и способностью преодолевать различные риски, угрозы, опасности.

У виктимной личности доминируют базисные убеждения о враждебности и опасности окружающего мира и о собственном Я как слабом и некомпетентном, что проявляется в апатии, отказе от ответственности за себя и других, беспомощности, безнадежности, снижении самооценки, опасениях негативного влияния любых событий на свою жизнь.

Виктимность довольно прочно закрепляется в поведении, снижает жизненный потенциал личности, мешает жить полноценной жизнью. Виктимная личность испытывает дефицит жизнестойкости.

Известно, что личность характеризуется четырьмя подструктурами, представляющими собой ее свойства:

- 1) социально-обусловленные свойства личности (моральные свойства, отношения);
- 2) индивидуально приобретенный опыт (знания, привычки);
- 3) индивидуальные особенности отдельных психических процессов;
- 4) биологические свойства личности (темперамент, инстинкты).

Перечисленные элементы структуры личности, имеющие виктимологическое значение, взаимосвязаны между собой и другими аспектами изучения личности потерпевшего, поскольку личность выступает как единая совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия [6].

Таким образом, на формирование виктимного поведения оказывают влияние как социальные, так и психологические факторы, которые необходимо подробно изучить и тем самым способствовать снижению процесса виктимизации в обществе.

Литература

1. *Малкина-Пых И. Г.* Виктимология. Психология поведения жертвы / И. Г. Малкина-Пых. — М., 2006. — 864 с.
2. *Ривман Д. В.* Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. — СПб. : Питер, 2002. — 304 с.
3. *Варчук Т. В.* Виктимология : учеб. пособие / Т. В. Варчук, К. В. Вишневецкий. — М., 2008. — 191 с.
4. *Мудрик А. В.* Основы социальной педагогики / А. В. Мудрик. — М., 2006. — 208 с.
5. *Варчук Т. В.* Виктимология / Т. В. Варчук, К. В. Вишневецкий. — М., 2009. — 191 с.
6. *Фоминых Е. С.* Психологические механизмы виктимности / Е. С. Фоминых // Концепт. — 2014. — № 5. — 70 с.

СЕМЕЙНАЯ ТРЕВОГА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА СЕМЬИ

О. Ю. Малеева, магистрант 1 курса
omaleeva@inbox.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Семейная тревога является одним из компонентов психологического климата семьи. Психологический климат в семье определяет устойчивость внутрисемейных отношений, оказывает решительное влияние на развитие как детей, так и взрослых. Он не является чем-то неизменным, данным раз и навсегда. Его создают члены каждой

семьи и от их усилий зависит, каким он будет — благоприятным или неблагоприятным и как долго продлится брак.

Для благоприятного психологического климата характерны следующие признаки: сплоченность, возможность всестороннего развития личности каждого ее члена, высокая доброжелательная требовательность членов семьи друг к другу, чувство защищенности и эмоциональной удовлетворенности, гордость за принадлежность к своей семье, ответственность. В семье с благоприятным психологическим климатом каждый ее член относится к остальным с любовью, уважением и доверием, а к родителям — еще и с почитанием, к более слабому — с готовностью помочь в любую минуту.

Важными показателями благоприятного психологического климата семьи являются стремление ее членов проводить свободное время в домашнем кругу, беседовать на интересующие всех темы, вместе выполнять домашнюю работу, подчеркивать достоинства и добрые дела каждого. Такой климат способствует гармонии, снижению остроты возникающих конфликтов, снятию стрессовых состояний, повышению оценки собственной социальной значимости и реализации личностного потенциала каждого члена семьи.

В том случае, когда члены семьи испытывают тревожность, эмоциональный дискомфорт, отчуждение, говорят о неблагоприятном психологическом климате в семье. Все это препятствует выполнению семьей одной из главных своих функций — психотерапевтической, снятия стресса и усталости, а также ведет к депрессиям, ссорам, психической напряженности, дефициту положительных эмоций. Если члены семьи не стремятся изменить такое положение к лучшему, то само существование семьи становится проблематичным.

Рассмотрим семейную тревогу как один из составляющих психологического климата семьи. Под «семейной тревогой» понимаются состояния тревоги у одного или нескольких членов семьи, нередко плохо осознаваемые и трудно локализуемые. Характерным признаком данного типа тревоги является наличие сомнений, страхов, опасений, касающихся прежде всего семьи — здоровья ее членов, их отлучек и поздних возвращений, стычек и конфликтов.

Одним из первых серьезно обратил внимание на этот феномен создатель теории семейных систем М. Боуэн [1]. На современном этапе в психологической науке его представление о семье как живой системе стало общепризнанным. Каждый член семейной системы занимает в ней свое уникальное место. Кроме того, каждый имеет свою

эмоциональную сферу. Эмоционально заряженное функционирование членов семьи создает специфическую для каждой семьи в каждый период ее существования эмоциональную атмосферу, или «поле», которое, в свою очередь, влияет на функционирование каждого из них. Соответственно этому каждый занимает в семье определенную функциональную позицию, которая оказывает существенное влияние на его ценности, чувства, убеждения, отношения и поведение.

Эмоциональная система определяет функциональные позиции, которые находятся во взаимовлиянии друг с другом. Сама же эмоциональная система управляется двумя противоположными тенденциями, или, как пишет М. Боуэн, «жизненными силами»: тенденцией к индивидуации (отделению) и тенденцией к совместности (слиянию). Задача каждого члена системы — найти свое уникальное, максимально комфортное место так, чтобы, с одной стороны, чувствовать тепло и любовь близких, свою общность с ними, а с другой — быть отдельной, автономной личностью. Таким образом, одна из задач, решаемых личностью на пути созревания, — поиск баланса между отделением и слиянием.

К сожалению, немало семей существует исключительно на полюсе слияния. Члены такой семьи словно бы эмоционально «слипаются», не могут дифференцировать свое «Я». Чем выше уровень недифференцированности членов семьи, тем больше в ней хаотичности, неорганизованности и тем выше уровень ее тревоги. Такая семья более реактивна и непоследовательна. Она может резко поменять свои планы и даже свой жизненный курс, и происходит это может всякий раз, когда появляется тревога.

Семейная тревога обычно не распространяется на внесемейные сферы — производственную деятельность, родственные, соседские отношения и т.п. В основе «семейной тревоги», как правило, лежит плохо осознаваемая неуверенность индивида в каком-либо очень важном для него аспекте семейной жизни: неуверенность в чувствах другого супруга, в себе и т.п. Нередко подобные переживания, противоречащие представлениям о себе, вытесняются, что может проявиться в семейных отношениях в виде тревоги.

Важными составляющими «семейной тревоги» являются чувство беспомощности и ощущение неспособности вмешаться в ход событий в семье, направить его в нужное русло. Типичные высказывания индивидов с «семейной тревогой» ярче всего отражают как раз эту

сторону данного состояния, характеризуя свои семейные отношения, они нередко употребляют высказывания типа: «Чувствую, что, как бы я ни поступил, все равно кончится это плохо», «Часто чувствую себя беспомощным», «Когда я попадаю домой, всегда из-за чего-то переживаю», «Я часто хотел(а) бы посоветоваться, но не с кем», «Часто бывает: хочу сделать хорошо, а оказывается — вышло плохо». Такая обстановка снижает самооценку; член семьи начинает чувствовать свою ненужность, бесполезность собственного существования.

Таким образом, индивид с семейно обусловленной тревогой не ощущает себя значимым действующим лицом в семье, независимо от того, какую позицию он в ней занимает и насколько активную роль играет в действительности.

Семейная тревога буквально изводит семью. Данное семейно-обусловленное состояние, как показывают наблюдения Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкого, во взаимодействии с характерологическими особенностями личности (в частности явной сенситивной, психастенической, реже лабильной акцентуацией) оказывается важным фактором, участвующим в возникновении обсессивно-фобического невроза.

Необходимо отметить также роль данного состояния в этиологии острых аффективных реакций, а также острых реактивных психозов (в том числе реактивной депрессии). Семейно-обусловленная тревога выступает в этих случаях как «фактор почвы», способствуя резкому усилению реакции на патогенную ситуацию [2].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что психологический климат в семье, в частности феномен семейной тревоги, оказывает большое влияние на характер взаимоотношений супругов. Благоприятный психологический климат, отсутствие семейной тревоги способствуют реализации личностного потенциала каждого члена семьи и являются важными показателями семейного благополучия.

Литература

1. Теория семейных систем Мюррея Боуэна : основные понятия, методы и клиническая практика / под ред. К. Бейкер. — М., 2012. — 496 с.
2. Эйдемиллер Э. Г. Семейная психотерапия / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкий. — М., 1990. — 400 с.

О РОЛИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ ВУЗОВ

Я. А. Матвиенко, студ. 4 курса
matvienkoa@yandex.ru

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Конец XX в. ознаменовался коренными преобразованиями в России, которые повлияли на все стороны общественной жизни, в том числе и на обороноспособность страны. Главной целью проводимой в настоящее время военной реформы является создание современной боеспособной профессиональной армии. Это ставит особые задачи и перед военными психологами, призванными осуществлять профессиональное сопровождение роста потенциала Вооруженных сил Российской Федерации. В соответствии с задачами их реформирования основным направлением в работе военных психологов является прогнозирование и обеспечение соответствующего поведения в армейской среде и в различных ситуациях службы как военнослужащих по призыву, так и кадровых военных, а также их личностного и профессионального развития.

Мы считаем, что в этих условиях особо актуальным становится исследование особенностей познавательных и психофизиологических процессов у военнослужащих. Полученные в таком исследовании результаты могут помочь военным психологам и военнослужащим более полно раскрыть потенциал военнослужащих, а также эффективно формировать и обучать военные коллективы, что является важным аспектом как в становлении личности военнослужащего, так и в ее развитии [1].

Целью проведенного нами исследования является изучение познавательных и психофизиологических особенностей курсантов военного авиационного вуза.

По мнению А. Р. Лурия и других психологов, психические процессы выступают в качестве первичных регуляторов поведения человека. Они имеют начало, течение и конец, т.е. обладают определенными динамическими характеристиками, к которым в первую очередь относятся параметры, обуславливающие их длительность и устойчивость.

На основе деятельности психики происходит формирование знаний, навыков, убеждений, индивидуально-психологических особенностей, качеств личности, в том числе значимых для той или иной профессии.

Познавательная деятельность наряду с задачами, решаемыми человеком ежедневно в обыденной жизни, занимает значительное место во многих видах профессионального труда. Своевременная и правильная ориентация в трудовой ситуации, а также самооценка личной роли в ней достигаются субъектом только путем сложной интеллектуальной деятельности, обеспечивающей быструю адаптацию к новым условиям [2; 3]. Сказанное в полной мере относится и к профессиональной деятельности военных.

В новейших исследованиях, рассматривающих психическую деятельность с точки зрения ее информационного характера, по существу подчеркивается приспособительное свойство интеллекта как общей стратегии процесса получения, усвоения, преобразования и использования информации для решения разнообразных теоретических и практических задач. Установлено, что эффективность познавательной деятельности и точность осуществляемого на ее основе вероятностного прогнозирования детерминируются адекватностью действий субъекта относительно условий внешней среды. Однако следует учитывать не только степень адекватности, т.е. приближенность реального поведенческого реагирования субъекта к структуре ситуации, но и скорость, с которой происходит перестройка программы поведения, реализующей интериоризированный профессиональный опыт в связи с изменяющейся обстановкой. При этом, помимо твердого знания алгоритма действия в штатных ситуациях нормально протекающего рабочего процесса, субъект должен владеть эффективными приемами саморегуляции познавательных функций, достаточным творческим потенциалом и способностью к быстрому логическому анализу малоинформативных признаков осложнения трудовой деятельности [4]. Это имеет повышенное значение в такой экстремальной профессии, как военное лётное дело.

Огромную роль в овладении профессией военного летчика играет и комплекс психофизиологических качеств человека, в первую очередь таких, как функции слухового и зрительного анализаторов, оперативная и долговременная память, степень концентрации и переключаемости внимания, психомоторная реакция, нервно-психическая устойчивость, а также объективная оценка функциональных систем и резервных возможностей организма, прежде всего центральной

нервной, сердечно-сосудистой и дыхательной систем организма, надежность и физиологическая основа деятельности в экстремальных и сверхэкстремальных условиях [5].

Уровень развития профессионально важных качеств и интеллектуальных способностей, а также функциональное состояние организма граждан, призываемых или поступающих на военную службу, должны позволять им успешно осваивать военную технику и эффективно на ней работать. На основе теоретического анализа содержащихся в специальной литературе данных по теме исследования мы можем сделать вывод о высокой роли изучения познавательных и психофизиологических особенностей будущих военных летчиков в воспитании их личности и профессиональном развитии. Дальнейшая теоретико-эмпирическая разработка данной проблемы позволит:

а) формировать учебно-боевые и боевые команды с учетом психофизиологических ресурсов их членов и прогностического аспекта их деятельности, что будет способствовать повышению их совместимости и сработанности;

б) разрабатывать психопрофилактические и развивающие программы с учетом индивидуальных познавательных и психофизиологических особенностей курсантов, что обеспечит научно обоснованную систему их психологического сопровождения в экстремальных условиях боевой службы;

в) распределять военнотружущих по боевым подразделениям, на основе их индивидуально-психологических особенностей и исходя из прогноза успешности процесса их обучения, что позволит более полно использовать как их индивидуальный потенциал и психологические ресурсы, так и в целом деятельность боевого подразделения, повышать его эффективность и результативность.

Литература

1. *Маклаков А. Г.* Психология и педагогика. Военная психология / А. Г. Маклаков. — СПб., 2005. — 464 с.
2. *Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. — СПб. [и др.], 2010. — 319 с.
3. *Маклаков А. Г.* Общая психология / А. Г. Маклаков. — СПб., 2001. — 592 с.
4. *Афанасьева Е. С.* Познавательная активность как характеристика деятельности и форма поведения индивида / Е. С. Афанасьева // Сборник научных статей. — Голицыно, 2009. — № 4. — С. 7–9.

5. *Артемьев Н. А.* Профессионально-важные качества офицеров различных групп военных специальностей / Н. А. Артемьев [и др.] // Материалы Всесармейской научно-практической конференции (9 декабря 2010 г.). — СПб., 2010. — С. 13–14.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Д. Меркулова, студентка 1 курса

iramerkulova@inbox.ru

Научный руководитель — преп. В. И. Тужикова

В наше время в связи с высоким темпом жизни возрастает объем работы, повышаются профессиональные требования к специалистам, предполагающие зачастую работу на износ и, как следствие, увеличивается количество стрессов. Это, конечно, не проходит бесследно для психики человека и оказывает мощный отрицательный эффект на трудовую деятельность и личность специалиста, приводя к профессиональному выгоранию. Данная проблема чрезвычайно актуальна на современном этапе социально-экономического развития нашего общества.

Впервые понятие выгорания («burnout») было введено американским психиатром Х. Фредепбергером в 1974 г. Под «выгоранием» он подразумевал состояние истощения с ощущением собственной никчемности. В дальнейшем понятие расширилось и в более поздних исследованиях «синдром выгорания» — это общее обозначение последствий длительного стресса, связанного с работой, вернее, следствие неуправляемого течения стресса, и профессионального кризиса. Синдром эмоционального выгорания чаще возникает в деятельности, связанной с постоянным общением и частыми контактами с клиентами и коллегами. Его развитие постепенно приводит к изменениям структуры личности специалиста, что препятствует успешному осуществлению его профессиональной деятельности.

Рассмотрим причины появления данного феномена. На наш взгляд, одной из самых верных и понятных концепций является под-

ход К. Чернисс, выработанный на основе длительных исследований по изучению профессионалов различных областей социальной сферы, только начинающих свою профессиональную деятельность [1]. К. Чернисс рассматривает выгорание с позиции оценки самоэффективности. Автор исходит из того, что выгорание должно быть отрицательно связано с оценкой собственной эффективности. Профессиональную самоэффективность он рассматривает как некую структуру, включающую оценку трех компонентов: профессиональные навыки; способность устанавливать хорошие отношения с другими в своей деятельности; способность оказывать влияние в социальном и политическом плане внутри организации. Он предполагает, что высокая оценка своей эффективности по данным параметрам приводит к достижению поставленных целей, в то время как неудачи на этом пути будут способствовать возникновению выгорания. К. Чернисс установил, что основная причина выгорания у «новичков» кроется в несоответствии их идеальных представлений о работе и реальности. Предложенная им модель начального этапа профессионального становления выделяет главные факторы рабочей среды, являющиеся источниками стресса и способствующими возникновению выгорания: противоречие между мотивацией новичков и требованиями со стороны работы, большой объем работы, наличие большого количества однообразной работы, суженная область контактов с клиентами, которая выражается только в выполнении своих профессиональных обязанностей (например, врач в основном работает с клиентом только в той области, которая касается его физического здоровья); отсутствие самостоятельности в работе, несоответствие целей организации целям и ценностям конкретного работника, недостаточная поддержка со стороны начальства, а также социальная изоляция (недостаточные контакты между работниками на неформальном уровне). Наличие или отсутствие данных 8 факторов может либо привести к выгоранию, либо, наоборот, повысить чувство самоэффективности.

Другой подход представлен в работах Маслач и Лейтер [1]. Основная идея их концепции заключается в том, что выгорание является результатом несоответствия между личностью и работой. Чем больше выражено это несоответствие, тем выше вероятность возникновения выгорания. Ученые предлагают 6 форм такого несоответствия, из которых 3 мы считаем наиболее существенными:

1) несоответствие между требованиями, предъявляемыми к работнику, и его возможностями. Часто люди должны делать очень

многое в короткий срок и с маленьким запасом сил. Полученное выгорание может привести к ухудшению качества работы и разрыву взаимоотношений с коллегами;

2) отсутствие вознаграждения в соответствии с выполненной работой. Отсутствие такого признания обесценивает работу и работников. Наиболее очевидным среди комплекса вознаграждений являются внешние — зарплата и премии. Но отсутствие внутренних поощрений — чувства гордости за то, что ты сделал, или осознания важности своей работы — также могут быть решающей частью этого несоответствия;

3) отсутствие представления о справедливости на работе. Несправедливость выступает тогда, когда имеют место несправедливое распределение рабочей нагрузки или оплаты, случаи мошенничества; когда оценивание и стимулирование не регулируется соответствующим образом.

Важно отметить, что существует связь между выгоранием и особенностями личности. Степень взаимодействия между ними имеет двусторонний характер, однако влияние личностных черт на выгорание значительно более сильное, чем обратный эффект. Данный факт позволяет утверждать, что именно личностные черты являются основными внутренними детерминантами выгорания.

Говоря о симптоматике данного явления, выделяют 5 групп симптомов: эмоциональные (проявление различных, чаще негативных, эмоций); мотивационные (появление проблем с мотивацией к работе, профессиональной деятельности); когнитивные (негативная оценка своей деятельности); поведенческие (проявление синдрома в поведении) и соматические (телесные проявления синдрома) [1].

В качестве проблемы в работе мы ставили необходимость поиска путей профилактики и лечения синдрома профессионального выгорания. Тщательно исследовав данный феномен, сделали выводы о возможных способах решения этой проблемы, к которым отнесли техники тайм-менеджмента, тимбилдинг, соблюдение режима работы и своевременное хождение в отпуск, а также рекомендовали посещать психолога работникам на начальных стадиях вливания в рабочий процесс и новый коллектив [2; 3].

Литература

1. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности / В. Е. Орел. — М., 2006. — 173 с.

2. Кинан К. Самоменеджмент / К. Кинан. — М., 2006. — 73 с.

3. Нетеберг Ш. Тайм-менеджмент по помидору / Ш. Нетеберг. — М., 2012. — 245 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ И УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА)

Ю. С. Мухина, студентка 5 курса
cwell@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. Е. Есманская

В настоящее время мы наблюдаем трансформацию российского высшего образования, возрастают требования к уровню знаний, умений и навыков современного студента, что, естественно, вызывает проявление тревожности у молодых людей. Именно тревожность, как подчеркивают многие практические психологи и исследователи, является причиной целого ряда психологических проблем, что, в свою очередь, сказывается на успешности жизнедеятельности человека. Представляется, что одной из значимых характеристик личности, позволяющих преодолевать тревожность, является степень независимости человека, его активности и самостоятельности. Иначе — локус контроля [1].

Коротко остановимся на определении ключевых понятий нашего исследования.

1. *Локус контроля* — качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам (экстернальная направленность), либо собственным способностям и усилиям (интернальная направленность) [2].

2. *Тревожность* — переживание эмоционального дискомфорта, которое связано с ожиданием неудач, с предчувствием угрозы [1].

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи между локусом контроля и уровнем тревожности у лиц юношеского возраста. Объектом исследования выступили локус контроля и тревожность. Предметом исследования — локус контроля и уровень тревожности в юношеском возрасте.

Как гипотеза исследования выступило предположение о том, что между локусом контроля и уровнем тревожности существует взаимосвязь: экстернальная направленность локуса контроля обуславливает высокий уровень тревожности, а интернальная направленность локуса контроля — низкий уровень тревожности. В качестве обоснования гипотезы мы используем теоретические данные из работ Дж. Роттера, который вместе с учениками Э. Джерри Фаресом и Уильямом Джеймсом начали планомерное исследование того, как личность оценивает свой контроль внешних подкреплений [3; 4].

Базой эмпирического исследования выступил Воронежский государственный университет; объектом эмпирического исследования — студенты различных специальностей в возрасте от 18 до 23 лет. Общий объем выборки составил 100 человек.

Для проведения исследования были использованы две методики: Опросник Ж. Тейлор (личностная шкала проявления тревожности) и методика «Уровень субъективного контроля» Бажина, Голынкиной и Эткинды (Вариант Б) [5; 6].

В ходе эмпирического исследования были получены следующие результаты. Уровни тревожности по опроснику Ж. Тейлор распределились следующим образом. *Низким уровнем тревожности* обладают 7,0 % студентов. Их характеризуют спокойствие, уравновешенность, отсутствие аффективных вспышек. Большинство испытуемых относятся к *среднему уровню тревожности* (69,0 %), который, в свою очередь, делится на два подуровня — средний с тенденцией к низкому (22,0 % от выборки), средний с тенденцией к высокому (47,0 %). Такие люди способны выделить для себя важные ситуации, которые могут вызвать у них тревогу, при этом у одних этих ситуаций будет больше, чем у других.

Высоким уровнем тревожности обладают 24,0 % студентов. Они в широком диапазоне ситуаций способны воспринимать любое проявление качеств личности, любую заинтересованность в них как возможную угрозу их престижу и самооценке.

Методика «Уровень субъективного контроля» показала, что большая часть испытуемых (74,0 %) обладает средним уровнем субъективного контроля; 17,0 % испытуемых относятся к интернальной направленности локуса контроля.

Студенты-интерналы полагают, что могут управлять событиями и чувствуют ответственность за эти события. 9 % относятся к экстернальному локусу контроля. Такие люди, как правило, не видят

связи между своими действиями и значимыми для них событиями и избегают ответственности.

Связь направленности локуса контроля и уровня тревожности мы проверяли с помощью корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона).

Коэффициент корреляции составил $-0,261$ и значим на уровне $0,01$. Выявленная обратная взаимосвязь показывает, что при низких показателях по методике УСК (что соответствует экстеральному локусу контроля) выше личностная тревожность.

Гипотеза данного исследования подтвердилась.

Можно сделать вывод, что обратная связь между локусом контроля и личностной тревожностью может отражаться в том, что личность с высокой тревожностью будет проявлять черты экстеральной направленности локуса контроля. Поскольку высокотревожный человек испытывает страх перед жизненными ситуациями и многие из них воспринимает как угрозу, то ему, как и экстерналу, будет свойственно сомнение в собственных силах, несамостоятельность, стремление избежать ответственности. В свою очередь экстеральная направленность локуса контроля, которой свойственна уверенность в неспособности контролировать и менять свою жизнь, может приводить к возникновению, а точнее к восприятию многих ситуаций как тревожных.

Таким образом, локус контроля и тревожность могут взаимобуславливать друг друга, сочетаясь как две черты в одной личности.

Литература

1. *Прихожан А. М.* Тревожность у детей и подростков : психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. — М., 2000. — 304 с.
2. *Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. — М., 2009. — 256 с.
3. *Фейдемен Дж.* Личность и личностный рост / Дж. Фейдемен. — М., 2004. — 248 с.
4. *Хьелл Л.* Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. — СПб., 2005. — 607 с.
5. Личностная шкала проявлений тревоги (Ж. Тейлор, адаптация Т. А. Немчина) / Диагностика эмоционально-нравственного развития. — СПб., 2002. — С. 126–128.
6. *Немов Р. С.* Психология : учебник : в 3 кн. / Р. С. Немов. — М., 2001. — Кн. 3 : Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. — 640 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И МОТИВОВ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

В. А. Налетова, студентка 3 курса
vnal@list.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. И. В. Завгородняя

На сегодняшний день потребность в квалифицированных психологах резко возросла в связи с запросами практики. Без участия психолога трудно представить себе продуктивную работу организаций, обеспечение душевного благополучия учащихся различных образовательных учреждений. Кроме того, квалифицированный психолог незаменим при проведении всякого рода экспертиз, а также при реабилитации людей, страдающих различными заболеваниями.

Безусловно, оказывать квалифицированную психологическую поддержку способен лишь человек, обладающий высоким уровнем профессиональной и личностной готовности к деятельности психолога. Эта готовность начинает формироваться в процессе профессионального обучения, важными ее критериями являются высокая степень сформированности смысложизненных ориентаций и преобладание внутренних мотивов учебно-профессиональной деятельности у студентов-психологов.

Смысложизненная ориентация (СЖО) — это состояние направленности личности на достижение смысложизненных ценностей и смысла жизни, которое формирует текущие задачи, деятельность личности и в конечном итоге влияет на отношение к окружающему миру, характер, поведение и т.д. [1]. В качестве компонентов СЖО выступают: способность личности ставить ясные цели в жизни; восприятие настоящего времени жизни как продуктивного, эмоционально насыщенного; удовлетворенность прожитой частью жизни [2]. В момент, когда потребность в обретении смысла жизни и деятельности, в частности учебно-профессиональной, становится направленной, она начинает побуждать активность человека, превращаясь в мотив. В свою очередь система мотивов образует мотивацию. Мотивация учебно-профессиональной деятельности — это вид мотивации, предполагающий особую направленность студента на отдельные аспекты

обучения; он «включается», когда личность овладевает компетенциями, необходимыми для будущей профессии.

Объект нашего исследования — мотивационно-потребностная сфера студентов-психологов; предмет исследования — взаимосвязь смысложизненных ориентаций и мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов-психологов. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о взаимосвязи смысложизненных ориентаций и мотивов учебно-профессиональной деятельности студентов-психологов, а именно: чем более студент удовлетворен прожитой частью своей жизни и расценивает ее как продуктивную (при этом удовлетворен своей жизнью в настоящем и способен ставить перед собой ясные цели), тем более выражено преобладание в его мотивационной сфере внутренних мотивов учебно-профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие 62 студента-психолога 1–3 курсов факультета философии и психологии ВГУ в возрасте от 17 до 22 лет.

Исследование было проведено с помощью следующих методик: тест СЖО Д. А. Леонтьева [3]; методика «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» (модификация А. А. Реана, В. А. Якунина); методика «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной [4]. Для количественной обработки полученных данных использовался метод корреляционного анализа Спирмена.

Применение методики «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» позволило выявить следующее: наиболее выраженными у студентов-психологов являются мотивы стать высококвалифицированным специалистом (среднее значение — 5,79), получить диплом (среднее значение — 5,53), а также — интеллектуальное удовлетворение (среднее значение — 5,47). При этом наименее значимыми выступают стремление быть примером для сокурсников (среднее значение — 3,34), избежать осуждения и наказания за плохую учебу (среднее значение — 3,45) и выполнять педагогические требования (среднее значение — 3,9).

Согласно результатам, полученным по методике «Мотивация обучения в вузе», наиболее выраженным у студентов-психологов является мотив приобретения знаний (среднее значение — 6,50), на втором месте — получение диплома (среднее значение — 5,66), а наименее значимым является мотив овладения профессией (среднее зна-

чение — 4,94). Полученные данные в целом свидетельствуют о том, что мотивы, связанные с овладением профессией, скорее являются знаемыми, нежели побуждают студента к конкретным действиям, направленным на профессиональное становление.

По результатам применения теста СЖО можно констатировать, что высокий уровень осмысленности прошлого, настоящего и будущего выявлен у 20,4 %, средний — у 56,5 %, низкий — у 23,1 % студентов-психологов.

С целью проверки выдвинутой гипотезы была проведена процедура корреляционного анализа, которая позволила получить следующие результаты. Наиболее значимая положительная корреляция была обнаружена между следующими мотивами и компонентами СЖО: стремлением стать хорошим специалистом и целями жизни ($r = 0,315$); удовлетворенностью прошлым и мотивом успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично», а также корреляция этого стремления с внутренним локусом контроля ($r = 0,316$); убеждением в том, что человек — творец своей жизни, и желанием постоянно быть готовым к учебным занятиям ($r = 0,271$); желанием постоянно получать стипендию и осознанием возможности создавать свою жизнь самому ($r = 0,03$); мотивом приобретения знаний и целью жизни, а также — ее процессом, результативностью и локусом контроля Я ($r = 0,394$; $r = 0,332$; $r = 0,356$; $r = 0,388$); мотивом овладения профессией и удовлетворенностью пройденным этапом жизни ($r = 0,334$). Кроме того, выявлена статистически значимая отрицательная корреляция между стремлением выполнять педагогические требования и процессом жизни ($r = -0,348$), а также мотивом овладения профессией и процессом жизни ($r = -0,318$; $r = -0,335$).

Основываясь на полученных результатах, можно сказать, что, вероятно, студенты-психологи в прошлом были более заинтересованы в профессии, чем на сегодняшний день. Возможно, они считают, что смогут приобрести необходимые компетенции в будущем, в то время как в настоящий момент их обучение не имеет отношения к профессиональному становлению. При этом получение стипендии значимо как в прошлом, так и в настоящем. Исследование показало, что для данной студенческой выборки овладение профессией не предполагает получения удовольствия, эмоциональной отдачи, чувство самоактуализации и осмысленности. Вероятнее всего, ожидания студентов в отношении профессии психолога не были оправданы.

Литература

1. *Жучкова С. М.* Смысложизненные ориентации как субъективные составляющие феномена смысла жизни / С. М. Жучкова. — Режим доступа: <http://sibac.info/13182>
2. *Серый А. В.* Применение теста смысловых состояний (новая концептуализация) / А. В. Серый, А. В. Юпитов. — Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x2479.htm>
3. *Леонтьев Д. А.* Тест смысловых состояний (СЖО) / Д. А. Леонтьев. — М., 2000. — 18 с.
4. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб., 2002. — 512 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С ПАТОЛОГИЕЙ БЕРЕМЕННОСТИ

И. В. Новичихина, магистрант 1 курса
c.100@bk.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. И. В. Завгородняя

В некоторых случаях течение беременности может осложняться различными патологическими состояниями, ставящими в опасность жизнь матери и плода. Патология беременности — собирательное понятие, включающее в себя ряд заболеваний и отдельных клинических симптомов, развивающихся у женщин в период беременности и в большинстве случаев разрешающихся после ее окончания или прерывания [1].

Сегодня наличие патологии беременности и родов по-прежнему понимается как зависящее только от здоровья женщины, образа ее жизни, компетентности врачей, в то время как, являясь особым физиологическим и психологическим состоянием, беременность зависит от множества факторов, воздействующих на здоровье женщины в течение всей ее жизни. С медицинской точки зрения беременность часто представляется как процесс, идущий на грани с патологией. Значение психологической помощи беременным, возможности коррекции эмо-

ционального состояния женщины преуменьшаются. Основной акцент в современном ведении беременности и лечении осложнений делается на применение лекарств, акушерских манипуляций, в то время как психологическая помощь, диагностика применяются достаточно редко. И это несмотря на то, что сама беременность, даже протекающая без какой-либо патологии, является для женщины источником психологического напряжения и способствует возникновению разнообразных личностных реакций.

К основным факторам, провоцирующим патологическое протекание беременности, относятся:

1) нейроэндокринная патология (недостаточность функции яичников, нарушение обмена веществ между плодом и плацентой, нарушение продукции гормонов щитовидной железы, надпочечников и др.);

2) гипоплазия (недостаточное развитие), пороки развития, опухоли матки;

3) инфекционные заболевания и воспалительные процессы внутренних половых органов и плодного яйца (оболочек и плаценты), многоводие;

4) недостаточность шейки матки;

5) иммунологическая несовместимость крови матери и плода и резус-конфликт;

6) заболевания других органов и систем, токсикозы;

7) генетические нарушения, в том числе хромосомные аномалии.

Таким образом, причины патологического протекания беременности многообразны. Не отрицая значимости фактора здоровья беременной и роженицы, а также качества медицинской помощи, можно сказать и о влиянии индивидуально-психологических качеств женщины на протекание ее беременности и родов.

Личностная зрелость человека является основой его самореализации во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в родительстве. Зрелость позволяет личности быть гармоничной, эффективной, реализованной, конструктивно справляться с трудностями, успешно выполнять социально-культурные роли [2].

Родительская зрелость включает сформированность основных отношений родителя (личностная зрелость), умение выбирать и осуществлять родительскую стратегию (функциональная зрелость) и осознание родительского долга и ответственности перед детьми и обществом (социальная зрелость) [3].

Очевидным представляется влияние ценности материнства на психологическую готовность женщины к беременности, а также ее психологическое самочувствие в этот период. На поведенческом уровне приоритет ценностей материнства и семьи может проявляться в стремлении к здоровому образу жизни, отсутствии вредных привычек, в активной подготовке к беременности и родам, в оптимальной линии репродуктивного и контрацептивного поведения [4]. Направленность личности женщины определяет жизненные приоритеты и задает стиль ее взаимоотношений с ребенком.

Рефлексивность также считается одним из существенных факторов развития эмоционального компонента материнского поведения. Рефлексивное принятие нового собственного образа «Я — в положении», ощущение нового Я является одним из этапов развития психологического состояния беременной [3].

Одним из наиболее изученных личностных качеств у беременных женщин является уровень самооценки. Высокая самооценка при условии объективного критичного отношения к себе — признак здоровой, принимающей себя личности. Адекватная самооценка, уверенность в себе необходимы для благополучного течения беременности. Неадекватная самооценка у беременных с патологией может приобретать характер психологической защиты [5].

Г. Г. Филиппова считает первую беременность критической точкой в развитии женской идентичности. Принятие в себе женственности напрямую связано с полноценным переживанием материнства и выполнением функций матери [2].

Научный интерес вызывает также проблема влияния на беременность и формирующееся материнство уровня ответственности женщины (или локуса контроля). Ответственность как индивидуальная характеристика является одним из показателей личностной зрелости.

Как пишут В. М. Русалов и Л. М. Рудина, для женщин с нормально протекающей беременностью характерным является девиз «Человек — кузнец своего счастья». И наоборот, женщины с патологией беременности считают себя маленькой песчинкой в большом космосе, что также отражает их склонность к зависимости от внешних обстоятельств, нежелание взять на себя ответственность [6].

Контроль поведения (т.е. саморегуляция) во время беременности достаточно часто является предметом исследования в последние

годы. Беременность здесь рассматривается как естественная модель трудной жизненной ситуации, в которой оказывается личность.

Таким образом, Я-концепция, ценностно-смысловая, эмоциональная и коммуникативная сферы широко изучаются у женщин с физиологической и осложненной беременностью. Женщины с различными патологиями беременности обладают такими психологическими особенностями, как конфликт с ситуацией беременности и материнства. Он проявляется в отрицательном, конфликтном восприятии будущего ребенка, в заниженной ценности ребенка, объектном отношении к нему, эмоциональном неприятии ребенка и собственно материнства, отношении к материнским обязанностям как к трудностям, в неготовности к их выполнению; конфликтном восприятии образов себя как матери и собственной матери; в недифференцированном отношении к собственной матери и представлении о своей заниженной ценности для нее, а также в напряженной конфронтации между ценностью ребенка и ценностью себя как женщины одновременно с заниженной ценностью себя как матери.

Литература

1. Патологическая физиология : учебник / под ред. А. Д. Адо [и др.]. — М., 2002. — 579 с.
2. Филиппова Г. Г. Нарушения репродуктивной функции и их связь с нарушениями в формировании материнской сферы / Г. Г. Филиппова // Журн. практ. психолога. — 2003. — № 4/5. — С. 83–108.
3. Овчарова Р. В. Психология родительства : учеб. пособие для студентов вузов / Р. В. Овчарова. — М., 2005. — 368 с.
4. Биосоциальная природа материнства и раннего детства / А. С. Батуев [и др.]; под ред. А. С. Батуева. — СПб., 2007. — 374 с.
5. Ковалева Ю. В. Контроль поведения при различном течении беременности / Ю. В. Ковалева, Е. А. Сергиенко // Психол. журнал. — 2007. — Т. 28, № 1. — С. 70–82.
6. Русалов В. М. Индивидуально-психологические особенности женщин с осложненной беременностью / В. М. Русалов, Л. М. Рудина // Психол. журнал. — 2003. — Т. 24, № 6. — С. 16–26.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ЗАВИСИМОСТЬ И СОЗАВИСИМОСТЬ У БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ

Я. Э. Пожидаева, студентка 4 курса
iana-pojidaeva@rambler.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О. В. Тимофеева

Проблема человека, находящегося в ситуации заболевания, рассматривается не как сугубо медицинская, а как проблема социальная и психологическая, ввиду того что «болезнь изменяет отношение к больному со стороны общества», а также отношения больного с его ближайшим окружением, так как происходит разрушение привычной деятельности, восприятия себя, установок и межличностных отношений [1]. Сегодня существует множество исследований, которые подтверждают тот факт, что не просто отдельные заболевания, а целые их группы могут возникать именно из-за негативного влияния разнообразных психологических факторов, не способности создавать психологически зрелые отношения, а также выстраивать собственные психологические границы.

Сахарный диабет относится к заболеваниям психосоматического типа. Нам интересно провести теоретический анализ специфики межличностных отношений у больных сахарным диабетом, а именно возможности их межличностных зависимостей и созависимостей. Известно, что личности, имеющие трудности в определении собственных психологических границ, более склонны к заболеванию сахарным диабетом и другим психосоматическим заболеваниям [2]. Мы замечаем, что межличностные отношения с размытыми личностными границами зачастую приводят к зависимому и созависимому поведению.

Опишем более детально эти психологические феномены.

Зависимое (аддиктивное) поведение — это одна из форм отклоняющегося поведения личности, которая связана со злоупотреблением чем-то или кем-то в целях саморегуляции собственного психологического состояния. Степень тяжести аддиктивного поведения может быть различной — от практически нормального поведения до тяжелых форм биологической зависимости, сопровождающихся выраженной соматической и психической патологией. В связи с этим некоторые авторы различают аддиктивное поведение и просто вредные привычки.

ки (например переедание или курение), которые не достигают степени зависимости и не представляют фатальной угрозы [3].

Как правило, люди отличаются индивидуальной предрасположенностью к тем или иным объектам аддикции и склонностью к зависимости от другого человека.

В международной классификации болезней среди зависимостей описано личностное расстройство, полностью соответствующее зависимости, активное или пассивное перекалывание на других большей части важных решений в жизни, подчинение своих собственных потребностей потребностям других людей, от которых зависит личность, и неадекватная податливость их желаниям, нежелание предъявлять даже разумные требования к людям, от которых пациент находится в зависимости. А также чувство неудобства или беспомощности в одиночестве из-за чрезмерного страха и неспособности к самостоятельной жизни; страх быть покинутым лицом, с которым имеется тесная связь, и остаться предоставленным самому себе, ограниченная способность принимать повседневные решения без усиленных советов и подбадривания со стороны других лиц [4]. Что касается созависимого поведения, люди вместо любви зачастую питают к близким ненависть или ненавидят и любят одновременно, теряют веру во всех, кроме себя, хотя своим здоровым импульсам тоже не доверяют, испытывают сильное чувство ревности, зависти и безнадежности [там же].

Кроме того, на объяснение феномена созависимости оказало влияние и различное представление о его причинах. Если одни авторы рассматривают ее как адаптивную, защитную психологическую (и физиологическую) реакцию на обстоятельства, возникшие в результате жизни с алкоголиком или наркоманом, то другие считают, что созависимость — это врожденное, генетически обусловленное состояние человеческой психики.

Так как личность находится в постоянном взаимодействии с окружающими и близкими людьми, мы можем говорить о формировании у нее не только межличностно зависимого, но и созависимого поведения.

Традиционно созависимость в семье понимается как зависимость супруга, детей или родителей от члена семьи, пристрастившегося к наркотикам или алкоголю. Однако это только частный случай созависимых отношений. В широком смысле слова созависимость —

это эмоциональная зависимость одного человека от значимого для него другого. Исходя из последнего определения, мы можем сделать вывод, что любые значимые отношения рождают определенную долю эмоциональной зависимости и созависимости одного человека от другого, поскольку, впуская в свою жизнь близких людей, мы обязательно реагируем на их эмоциональное состояние, так или иначе, приспосабливаемся к их образу жизни, вкусам, привычкам, потребностям. И это действительно так. Однако в так называемых здоровых, или зрелых, отношениях всегда остается достаточно большое пространство для удовлетворения своих собственных потребностей, для достижения собственных целей и индивидуального роста личности, которая, как известно, сохраняет здоровье и жизнеспособность исключительно в процессе развития, чего нельзя сказать о созависимых отношениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что обычно люди стремятся к прекращению негативных взаимоотношений. Психосоматический клиент ведет себя иначе. Он годами может терпеть отношения, которые не только не доставляют удовольствия, но истощают и разрушают его личность. Отсюда следует, что толерантность к неблагоприятным взаимоотношениям и природу психосоматических симптомов можно объяснить подавлением враждебности, агрессивности и злобы, к чему зачастую склонны межличностно зависимые и созависимые люди.

Литература

1. *Гнездилов А. В.* Психология и психотерапия потерь : психологическая помощь / А. В. Гнездилов. — СПб., 2004. — 70 с.
2. *Исаченкова О. А.* Психологические аспекты сахарного диабета и его осложнений / О. А. Исаченкова // Методологический анализ теорий, исследований и практики в различных областях психологии. — СПб., 2009. — 213 с.
3. *Андреева Г. М.* Социальная психология / Г. М. Андреева. — М., 1995. — 216 с.
4. *Москаленко В. Д.* Зависимость — семейная болезнь / В. Д. Москаленко. — М., 2009. — 112 с.

САМООЦЕНКА КАК ФАКТОР ОДИНОЧЕСТВА В ЛЮБВИ

Е. Н. Рыбасова, студентка 1 курса

ribasov@mail.ru

Научный руководитель – канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Характерной особенностью человека является его желание понять и познать самого себя, дать осмысленное объяснение всему, что с ним связано. На протяжении своей жизни человек так или иначе занимается самокритикой и самоанализом. В процессе самопознания и самокритики человек формирует свою самооценку.

Под самооценкой принято понимать оценку личностью самой себя, своих возможностей и качеств, и место среди других людей. Самооценка – это критическая оценка своих собственных поступков, моральных и интеллектуальных качеств, убеждений, мотивов, внешней привлекательности.

Самооценка – процесс самопознания и критического самосознания – тесно связана с одиночеством человека. Одиночество является одной из серьезнейших проблем человечества. Одиночество – тяжелое, болезненное эмоциональное состояние человека, связанное с отсутствием близких, положительных эмоциональных связей с людьми и (или) со страхом их потери в результате вынужденной или имеющей психологические причины социальной изоляции.

Самооценка является фактором одиночества индивида. Связь между одиночеством и самооценкой в свое время подтвердилась в различных исследованиях самых разных психологов. По данным отечественных и зарубежных психологов, одинокие люди с заниженной самооценкой зачастую чувствуют себя никчемными, некомпетентными и нелюбимыми. По мнению Р. С. Немова, как правило, одинокие люди избегают социальных контактов и изолируют себя от других людей. У них также отмечается склонность недолюбливать других, особенно людей общительных и счастливых. Это, в свою очередь, мешает им устанавливать добрые отношения с окружающими [1].

В то же время американский психолог Зилбург считает, что одиночество, напротив, связано с чересчур высокой самооценкой человека. Согласно Зилбургу, одиночество становится отражением характерных черт личности: нарциссизма, мании величия и враждебности.

Одиноким человек с завышенной самооценкой сохраняет инфантильное чувство собственного всемогущества, он эгоцентричен и пускает пыль в глаза публике с тем, чтобы «изобличить» других. «Одиноким индивид, как правило, проявляет болезненную скрытность или открытую враждебность», направленную как вовнутрь, так и вовне [2, с. 153–154].

Наиболее сильно проблема одиночества и самооценки проявляется в любви. По мнению Р. С. Немова, любовь «предполагает заботу о другом человеке, заинтересованность в улучшении его жизни и развития» [1, с. 605]. Любовь заключается в самосовершенствовании, равенстве любящих друг друга людей. Та самая сосредоточенность на себе, присущая одиноким людям, неуверенность в себе приводят к тому, что человек не способен любить другого, не способен заботиться о нем, дарить свою любовь. Да, он может эмоционально быть привязан к избраннику, но для него самокритика, комплексы важнее любви.

Но тем не менее аскеза тоже не может воплощать собой идеал любви. Не случайно Э. Фромм пишет: «Любовь к другим и любовь к себе не составляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других» [3, с. 46].

В работе «Искусство любить» Э. Фромм пишет: «Единение, достигаемое в созидательной работе, не межличностно; единение, достигаемое в оргиастическом слиянии, — преходяще; единение, достигаемое приспособлением, — это только псевдоединение. Следовательно, они дают только частичные ответы на проблему существования. Полный ответ — в достижении межличностного единения, слияния с другим человеком, в любви. Желание межличностного слияния — наиболее мощное стремление в человеке» [3, с. 51]. Следовательно, избавление от одиночества, выход из системы людей — автоматов — в любви.

Любовь к себе, лишенная эгоистичного чувства собственности и мании величия, рождает и любовь к другим людям. Забота о ближнем своем, желание делиться самыми счастливыми минутами с любимым человеком, желание познавать его, совершенствоваться формируют у индивида здоровое чувство уверенности в себе. В свое время В. Райх в работе «Психология масс и фашизм» писал, что «любовь, труд и познание — вот источники нашей жизни. Они должны и определять ее ход» [4, с. 4].

Для молодого человека, вступающего во взрослую жизнь, отсутствие соответствующего партнера не только сужает круг его связей

в настоящее время, но может разрушить мечты о будущем и представление о цели. На протяжении всей жизни для осуществления важных жизненных планов нужны «соучастники». Именно любовь помогает человеку раскрыть себя в жизни, реализовать свои таланты. Испытывая чувство любви, человек становится чище, мудрее и самоотверженнее. Благодаря любви мы становимся щедрее, добрее и счастливее.

Таким образом, любовь, дружба формируют адекватную, устойчивую самооценку индивида, способствуют раскрытию его талантов, личностного потенциала, избавляют от патологического чувства одиночества и тем самым делают жизнь каждого отдельно взятого человека счастливой и интересной.

Литература

1. *Немов Р. С.* Психология : в 3 кн. / Р. С. Немов. — М., 2003. — Кн. 1 : Общие основы психологии. — 688 с.
2. *Фромм Э.* Искусство любить : Исследование природы любви / Э. Фромм. — М., 1993. — 352 с.
3. *Лабиринты одиночества* : пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — М., 1989. — 624 с.
4. *Райх В.* Психология масс и фашизм / В. Райх. — М., 1997. — 389 с.

ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА ЗДОРОВЬЯ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

Э. В. Смирнова, магистрант 1 курса
2012smirnova@mail.ru

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Тенденции развития мировой психологии и, в частности, ее поворот от проблем патологии тела и психики человека к его здоровью, не могли не затронуть российскую психологическую науку. Психология здоровья — это область психологического знания, посвященная психологическим аспектам проблемы сохранения и защиты здоровья человека, проведения разнообразных профилактических

программ и организации превентивных мер в отношении различных заболеваний [1, 2]. Психология здоровья изучает биологические, социальные, культурные, когнитивные, аффективно-психологические основания здоровья и болезни. Эта отрасль психологии представляет собой широкое поле для исследования поведенческих и психоэмоциональных факторов риска развития болезней, способов реагирования на болезнь, влияния социальной поддержки и социокультурных факторов на сознание и поведение личности в отношении своего здоровья.

В настоящее время здоровье содержательно трактуется как органическая способность к адаптации, сопротивлению и приспособлению, самосохранению и саморазвитию, ко все более содержательной жизни в разнообразной среде обитания. Благодаря позитивному определению здоровья в медицине, наряду с патоцентрическим подходом (борьба с болезнями), постепенно утверждается также саноцентрический подход, предполагающий направленность на здоровье и его обеспечение. И это благоприятно влияет на становление психологии здоровья.

Стержневой проблемой этой отрасли психологической науки является мотивация человека в отношении своего здоровья. В свою очередь, ключевым элементом мотивации поведения человека выступают его представления о своем здоровье, которые принято обозначать понятием «внутренняя картина здоровья» [3]. Данный концепт удачно интегрирует в единое целое личные психоэмоциональные представления индивида о своем здоровье и социокультурные нормы, ценности и идеалы.

Обобщая имеющиеся в научной литературе трактовки данного понятия, внутреннюю картину здоровья можно определить как устойчивую интегрированную систему представлений, переживаний и установок человека в отношении своего физического, психического, психологического и социального состояния, своего здоровья в прошлом, настоящем и будущем. На ее основе у каждого субъекта складывается своя имплицитная концепция здоровья, которая задает модус поведения в отношении собственного тела и здоровья.

Раскроем структуру внутренней картины здоровья, отталкиваясь от описания данного феномена в литературе и учитывая при этом принятую в психологии структуру внутренней картины болезни. В нашем представлении структура внутренней картины здоровья включает несколько основных компонентов.

1. Аксиологический компонент. В него входят базовые социальные принципы, идеалы и ценности здоровья, разделяемые субъектом. Они носят нормативно-ценностный характер, задают ориентиры и направленность представлений человека о здоровье и его составляющих.

2. Когнитивный компонент. Его содержанием являются знания и представления человека о здоровье. Этот компонент имеет содержательно-гносеологический характер. Знания и представления рационализируют внутреннюю картину здоровья, устанавливая связь с положениями науки о человеке, здоровье и его индикаторах.

3. Психофизический компонент. Он представляет собой самочувствие человека и его ощущения своего тела. При этом следует различать понятия «самочувствие» и «состояние здоровья». Если состояние здоровья — это объективное положение дел в организме по данным врачебного осмотра, то самочувствие — это субъективное переживание, и оно не всегда отражает объективное состояние здоровья.

4. Эмоционально-оценочный компонент. Переживание чувства здоровья и оптимистичное самочувствие связано не только с отсутствием болезни и инвалидности, но и с наличием полноценного физического, психического и нравственного состояния. Возникающие у личности эмоционально-оценочные комплексы формируют ее отношение к здоровью, детерминируют мотивацию в отношении поддержания здоровья и актуализируют соответствующие установки и стандарты поведения.

5. Диспозиционный компонент. Это разнообразные поведенческие стереотипы, установки и ориентации, которые формируют внутреннюю готовность личности к определенным действиям по защите своего здоровья. Именно диспозиции трансформируют абстрактные идеалы и сформированные представления в конкретную практическую деятельность. Поэтому они выступают наивысшим уровнем отношения к своему здоровью.

Подчеркнем, что все выделенные компоненты структуры внутренней картины здоровья органично взаимосвязаны и переплетены. Их взаимодействие носит динамичный характер, что создает возможность адекватной адаптации человека к изменяющимся условиям жизни.

Разнообразие людей, их внутренних картин здоровья и вариантов поведения формирует потребность в типологии внутренних кар-

тин здоровья. Она позволит систематизировать существующие разнородные представления людей о своем самочувствии и отношении к здоровью. Полагаем, что таких типологий может быть несколько. Первую из них предлагаем строить на основе такого критерия, как уровень самооценки индивидом своего физического и психического состояния и здоровья. С этой точки зрения мы условно выделяем три типа внутренней картины здоровья:

1) *оптимистический тип* — человек переоценивает возможности своего организма, надеясь, что природного здоровья ему хватит, и не следует предпринимать никаких специальных мер для его защиты;

2) *пессимистический тип* — человек совершенно уверен в своем слабом здоровье, в своей болезненности и потому не предпринимает никаких целенаправленных усилий по защите своего здоровья;

3) *адекватный тип* — человек вполне точно и объективно воспринимает и оценивает состояние своего здоровья, четко видит возможности и проблемы в этой сфере, трезво осознает необходимость активных и постоянных усилий по укреплению здоровья.

Вторая типология внутренней картины здоровья базируется на таком критерии, как валидность представлений человека о своем состоянии и самочувствии. Здесь возможны следующие основные типы:

1) *субъективный тип* — представления человека опираются исключительно на эмоциональные оценки и ощущения своего самочувствия, практически элиминируя объективные индикаторы. При этом данные медицинских обследований не принимаются в расчет. Поэтому такая внутренняя картина здоровья отличается низкой валидностью и достоверностью;

2) *объективный тип* — представления человека обусловлены внешней информацией, данными медицинских обследований. Одновременно игнорируются субъективные ощущения, самочувствие. Такие односторонние представления лишают субъекта сопричастности собственному здоровью, снижают мотивацию в отношении здоровья;

3) *интегративный тип* — представления человека органично сочетают объективные данные и эмоционально окрашенные ощущения и переживания человека относительно своего здоровья. Это наиболее взвешенные и обоснованные представления, обладающие высоким мотивационным потенциалом и достоверностью.

В заключение сделаем вывод о том, что учет особенностей внутренней картины здоровья в клинической и психологической практи-

ке позволяет более точно и адаптивно реализовать целостный подход к изучению человека. Концепция внутренней картины здоровья имеет большое значение для понимания поведения человека, направленно-го не просто на избавление от поразившего его недуга, но и на сохранение и поддержание здоровья в течение всей жизни.

Литература

1. *Васильева О. С.* Психология здоровья человека : эталоны, представления, установки / О. С. Васильева, Ф. Р. Филатов. — М. : Академия, 2001. — 352 с.
2. *Гурвич И. Н.* Социальная психология здоровья : дис. ... д-ра психол. наук / И. Н. Гурвич. — СПб., 1997. — 392 с.
3. *Каган В. Е.* Внутренняя картина здоровья — термин или концепция? / В. Е. Каган // *Вопр. психологии.* — 1993. — № 1. — С. 86–88.

СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ СТЫДА У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЛИЧНОСТНОЙ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ

Н. А. Стрельникова, студентка 5 курса
l8natastr@mail.com

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Способность испытывать эмоцию стыда присуща исключительно человеку в связи с его включенностью в социальные отношения. Являясь одним из ключевых рычагов воспитательного процесса, она берет свое начало в детстве. Со временем в сознании формируется паттерн, который базируется на эмоциях стыда. Включающий в себя совокупность психических состояний и реакций личности на события, он превращается в один из мощнейших механизмов построения невротического поведения.

Обращение отечественных психологов к категории стыда происходит, как правило, в рамках теории морального развития и воспитания (Б. С. Братусь), общей психологической теории эмоций и чувств (Е. П. Ильин) либо в контексте исследования самосознания и самоотношения (И. С. Кон) [1–3 и др.]. В зарубежной психологии

категорией стыда занимались такие исследователи, как К. Э. Изард, Б. Килборн, Х. Льюис, Э. Рехардт, С. Томкинс, Э. Эриксон, М. Якоби и др. [4–6 и др.].

В качестве рабочих в нашем исследовании выступают определения:

– *субъективное переживание стыда* – индивидуальное отражение в сознании субъекта особенностей восприятия ситуации стыда, проявляющееся в форме неудовольствия, напряжения и возбуждения;

– *личностная самооффективность* – убежденность людей в своих возможностях мобилизовать знания, умения, навыки, интеллектуальные ресурсы, мотивацию, поведенческие усилия и т.д. с тем, чтобы достигать успеха в определенных ситуациях.

На основе собственного исследования мы выделили компоненты субъективного переживания стыда: 1) физический компонент – относительная частота и длительность переживания стыда; 2) реактивный компонент – физиологическая (изменение частоты сердечных сокращений, изменение цвета кожи, неприятные ощущения в теле, нарушения дыхания, внутренняя дрожь, слабость) и поведенческая реакция на стыд (убегание, ступор, опускание глаз, слезы, закрывание глаз / лица руками, необходимость поддержки, использование механизмов защиты); 3) эмоциональный компонент – эмоции, сопровождающие стыд, отношение к себе, к стыдящему; 4) когнитивный компонент – включает в себя содержание и направленность предмета стыда, убеждения о себе в ситуации переживания стыда, о стыдящем. Этот компонент мы конкретизируем следующим образом:

а) направленность – отражает особенности предмета стыда. Стыд может быть направлен на внешние характеристики (конституциональные особенности, поведение, особенности стиля, социальный статус), характеристики личности (черты личности, интеллект, мысли, эмоции);

б) представления и убеждения об источнике стыда – здесь рассматриваются представления испытуемого о лицах, которые стыдят его (он сам, семейный круг (родительский), семейный круг (супружеский), круг друзей, круг коллег);

в) представления о себе в момент стыда.

Итак, переживание стыда можно исследовать на четырех уровнях его проявления: физическом, реактивном, эмоциональном и когнитивном.

Нами проведено исследование субъективного переживания стыда у лиц с разным уровнем личностной самооффективности. В качестве гипотезы выступало предположение о том, что субъективное переживание стыда у людей с разным уровнем личностной самооффективности отличается по ряду особенностей, а именно:

1) у лиц с низким уровнем личностной самооффективности можно ожидать ярко выраженную негативную эмоциональную оценку стыда, субъективную оценку его переживания как более длительного и чаще возникающего, значительное число сфер, затрагиваемых этой эмоцией, а также высокий уровень вегетативной реактивности в момент переживания стыда;

2) у лиц со средним уровнем личностной самооффективности предполагается равное сочетание позитивных и негативных оценок стыда, субъективно они будут оценивать его переживание как умеренное по длительности и частоте возникновения, будет наблюдаться умеренное число сфер, затрагиваемых этой эмоцией, а также средний уровень вегетативной реактивности в момент переживания стыда;

3) у лиц с высоким уровнем личностной самооффективности ожидается в большей степени позитивная оценка стыда, субъективные оценки его переживания как кратковременного и редко возникающего, незначительное число сфер, затрагиваемых этой эмоцией, а также низкий уровень вегетативной реактивности в момент переживания стыда.

Базой эмпирического исследования являлись факультет философии и психологии, прикладной математики и механики, географии и геоэкологии ФГБОУ ВО «ВГУ». Объектом исследования выступали юноши и девушки 18–22 лет. Общий объем выборки составил 100 человек.

В исследовании использованы метод стандартизированного самоотчета (конкретизированный методикой диагностики личностной самооффективности студентов-психологов М. И. Гайдара и методикой «Шкала общей самооффективности» Р. Шварцера, М. Ерусалема, В. Ромека, а также авторской методикой «Субъективное переживание стыда») и проективный метод (в форме авторской методики незавершенных предложений).

Исследование позволило сделать следующие выводы:

1) лица, обладающие низким уровнем личностной самооффективности, в основном испытывают негативные эмоции в отношении стыда, переживание стыда длится дольше, чем несколько дней с пе-

риодическим возвращением к этой ситуации, вегетативная реактивность выражена сильно, проявляется в комплексе разнотипных реакций. Поведение нетипично для переживания стыда: смех, плач, полное игнорирование ситуации;

2) лица со средним уровнем самооффективности испытывают и негативные, и позитивные эмоции в отношении стыда: в 35 % случаев исключительно негативные, в 25 % — исключительно позитивные и в 40 % случаев как позитивные, так негативные. Переживание стыда происходит иногда, длится несколько дней, при этом ситуация периодически вспоминается в течение некоторого времени. Вегетативная реактивность выражена средне, проявляется в сочетании нескольких реакций;

3) лица, обладающие высоким уровнем личностной самооффективности, оценивают явление стыда и его переживание положительно, эту эмоцию может сопровождать благодарность к стыдящему либо она не сопровождается другими эмоциями. Выраженность негативных эмоций крайне низкая, длительность переживания низкая, в основном длится меньше дня и субъект не возвращается к ней потом, стыд возникает редко или иногда. Вегетативная реактивность также низкая;

4) при сравнении данных выборок испытуемых мы выявили, что существуют статистически значимые различия в проявлении всех компонентов переживания стыда и общего уровня переживания. В группе с низким уровнем личностной самооффективности сильнее выражены все компоненты и общий уровень переживания стыда, чем в других группах. Самые низкие показатели выраженности компонентов и общего уровня переживания стыда характеризуют группу с высоким уровнем самооффективности. У лиц со средним уровнем личностной самооффективности показатели и общий уровень субъективного переживания стыда выражены средне.

Таким образом, наша гипотеза полностью подтвердилась, а это значит, что субъективное переживание стыда у лиц с разным уровнем личностной самооффективности отличается.

Литература

1. *Братусь Б. С.* Нравственное сознание личности / Б. С. Братусь. — М., 1985. — 64 с.
2. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — СПб., 2002. — 784 с.
3. *Кон И. С.* Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры / И. С. Кон // Социальная психология личности / под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. — М., 1979. — С. 85—113.

4. *Изард К. Э.* Психология эмоций / К. Э. Изард. — СПб., 2009. — 464 с.

5. *Рехардт Э.* Происхождение стыда и его проявление / Э. Рехардт, П. П. Иконен // Журн. практ. психологии и психоанализа. — 2009. — № 4. — С. 126—144.

6. *Якоби М.* Стыд и истоки самоуважения / М. Якоби. — М., 2001. — 256 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НИКОТИНОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Л. О. Суханова, студентка 2 курса
lilek.sux@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Проблема курения в современном мире наиболее актуальна, так как на сегодняшний день курение является одной из самых вредных и распространенных привычек. Кроме нанесения непоправимого вреда здоровью людей, эта привычка препятствует формированию у молодежи надлежащих поведенческих установок на здоровый образ жизни и замедляет личностный и нравственный рост. В плане формирования никотиновой зависимости особенно опасен подростковый возраст ввиду того, что дети и подростки оказываются наиболее незащищенными, уязвимыми в сложных социально-экономических условиях, чувствуя себя одинокими в борьбе с трудностями [1].

Большинство курильщиков знают о вреде курения, но, тем не менее, продолжают курить. Это происходит по той причине, что к никотину развивается сильнейшее привыкание. Но, к сожалению, это не единственная причина, по которой люди курят. Огромная роль принадлежит именно психологической зависимости от курения, от которой избавиться порой гораздо сложнее, чем от физической. Сигарета становится некой поддержкой, опорой курильщика, неотъемлемым атрибутом его будней, праздников и жизни в целом.

Никотиновая зависимость — это состояние патологического влечения к табаку, которое развивается у большинства курильщиков.

Попытки преодоления данного влечения часто вызывают огромное количество негативных переживаний и эмоций. Интересно отметить, что зачастую тяга к никотину обусловлена не желанием его воздействия на организм, а ожиданиями курильщика по поводу этого воздействия. Ученые предлагают объяснения причин возникновения у людей зависимости от психоактивных веществ с разных позиций. В соответствии с социокультурной точкой зрения наиболее склонными к злоупотреблению психоактивными препаратами являются люди, живущие в условиях стресса. Согласно психодинамической точке зрения, люди злоупотребляют психоактивными веществами из-за пережитых в раннем детстве проблем. В основе бихевиористской точки зрения лежит предположение о подкреплении психоактивными препаратами снятия напряжения и улучшения настроения. Объяснение данной проблемы с биологических позиций предполагает наличие у людей наследственной предрасположенности к той или иной зависимости. Однако ни одна из этих точек зрения не получила четких подтверждений с помощью исследований. Злоупотребление психоактивными препаратами следует рассматривать как результат взаимодействия всех вышеперечисленных факторов [2].

При изучении любого из видов зависимостей, на наш взгляд, важно учесть мотивацию человека, страдающего этой зависимостью. Мотивация употребления наркотических веществ имеет несколько форм. Атарактическая мотивация заключается в стремлении применения веществ с целью снижения уровня эмоционального дискомфорта и улучшения собственного самочувствия. Гедонистическая мотивация способствует повышению настроения, находящегося в пределах нормы, желанию достижения эйфории. При мотивации с гиперактивацией поведения основной становится потребность вывести себя из состояния пассивности и активизировать свое поведение. Субмиссивная мотивация предполагает неспособность человека отказаться от приема наркотических веществ, предлагаемого окружающими людьми. Псевдокультурная мотивация основывается на личностных установках, представления об эстетических нормах и мировоззрении человека, являющегося зависимым от того или иного рода наркотических веществ.

В качестве психологических предпосылок, провоцирующих никотиновую зависимость, но являющихся всегда строго индивидуальными, в основном называются такие, как желание подражать ко-

му-либо; желание привлечь внимание противоположного пола; потребность в общении; своеобразный протест против существующих условий и т.д.

Что же мешает курильщику раз и навсегда бросить курить? Это не что иное, как страх жизни без сигареты. Страх перед предстоящим периодом неудовлетворенных желаний; страх, что без небольшой опоры в качестве сигареты жизнь перестанет приносить удовольствия; страх стать беззащитным и неуверенным в себе; но самое главное — это страх провести всю оставшуюся жизнь, мечтая о случайной сигаретке. Курильщик боится лишиться многих иллюзий: иллюзии общения, коллектива, спокойствия, а также иллюзии своей индивидуальности (хотя на самом деле, закуривая сигарету, он добровольно отказывается от значимой части своего «Я»). Также существует множество других иллюзий, в которые курильщик истово верит и тем самым пытается максимально отсрочить окончательный отказ от сигарет. К ним относятся такие иллюзии, как, например, «курение побеждает скуку и стресс», «курение помогает сконцентрироваться и расслабиться», «курильщики принимают сознательное решение курить», «начав курить однажды, не сможешь бросить никогда» и т.д.

Многие ученые видят основные причины курения в возможности снятия психологического напряжения, наличии ассоциаций с приятной обстановкой и удовольствием, а также в приобретении бессознательной привычки. Причем до определенного момента человеку кажется, что он в любой момент сможет бросить курить, стоит только захотеть. Однако со временем подобная легкомысленность проходит, а вместо нее появляется осознание неизбежности своего курения и невозможности это исправить.

Курильщикам кажется, что отказаться от курения необычайно сложно, так как они убеждены в получаемом ими наслаждении от процесса курения. Выкуривание сигареты становится неким ритуалом, который связан с приглушением разнообразных переживаний, причем не только негативных, но и позитивных. На самом деле человек становится более нервным и напряженным даже в процессе курения, чем любой некурящий человек. Организм стремится защититься от пагубного воздействия наркотического вещества, а одновременно с этим потребность в нем только увеличивается. Со временем сигарета перестает полностью облегчать дискомфорт от-

сутствия никотина, который сама же и создает. Постепенно курильщик приобретает иллюзию, что он постоянно пытается вернуться к состоянию покоя и уверенности в себе, которым некурящие наслаждаются постоянно.

Однако на сегодняшний день считается, что бросить курить трудно; воздействие идеологической обработки современного общества заключается в том, чтобы обманом заставить поверить курильщика в неизбежность его курения: либо в его некую особенную слабость, либо в то, что сигарета содержит нечто необходимое для него, при отказе от которого останется пустота. Но парадокс заключается в том, что сигареты не заполняют пустоту, они ее создают. Именно признание этого факта может стать мощным орудием в борьбе с никотиновой зависимостью, начальным этапом которой должен стать момент осознанного принятия решения о том, что следует бросить курить [3].

В заключение хотелось бы сказать, что не существует универсального метода борьбы с курением. Ведь если бы сложность отказа от сигарет состояла только в физической зависимости, то наука наверняка уже придумала бы наиболее эффективное средство для всех желающих бросить курить. Но пока что поиск такого ограничивается производством никотинозаместителей, которые, по сути, не решают проблему, а скорее наоборот ее усугубляют. На наш взгляд, только осознание психологического механизма никотиновой зависимости может стать единственным и самым легким способом бросить курить раз и навсегда.

Литература

1. *Трескина О. В.* Отношение школьников к курению / О. В. Трескина, М. В. Кукушина // Проблемы развития территории. — 2009. — Вып. 1. — С. 70–77.

2. *Комер Р.* Патопсихология поведения. Нарушения и патология психики / Р. Комер. — СПб., 2002. — 608 с.

3. *Лукьяненко П. И.* Как расстаться с курением самому — новая методика борьбы с курением / П. И. Лукьяненко // Успехи современного естествознания. — 2013. — Вып. 7. — С. 137–141.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРОБЛЕМЫ НАРКОМАНИИ

Е. Р. Фролова, студентка 3 курса

ev.frolova2016@yandex.ru

Научный руководитель – канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

В современном мире проблема наркотической зависимости приобрела огромные масштабы. Наркотические вещества наносят непоправимый вред здоровью, разрушают нервную систему и организм человека. Каждый год в мире гибнут десятки тысяч людей, употребляющих наркотики. Вещества, которые человек использует, чтобы расслабиться, способны оказать разрушающее влияние на всю личность в целом.

В настоящее время, по данным ВОЗ, число злоупотребляющих наркотическими веществами в мире составляет около 50 млн человек. По данным опросов общественного мнения, наркомания оценивается как одна из самых страшных социальных проблем, серьезно угрожающих человечеству, и ее ставят на 5 место после роста преступности, безработицы, бедности и загрязнения окружающей среды [1].

Злоупотребление наркотиками может вызывать изменения в поведении, эмоциональном состоянии или мышлении человека. При систематическом употреблении у человека возникают неадекватные формы поведения, тем самым он наносит вред своему здоровью, разрушает социальные связи и собственную семью [2]. Люди, употребляющие наркотики, несдержанны в своих эмоциях. Их реакции неадекватны, несоразмерны ситуации, преобладают отрицательные эмоции (ревность, гнев, подозрительность, озлобленность). Нарастает душевная тупость, безучастность к судьбе близких и собственной судьбе в сочетании с холодной жестокостью, крайним безразличием и пассивным подчинением наркотическому окружению. Резко сокращается продолжительность жизни до 20–30 лет [3].

К сожалению, наше общество недооценивает опасности наркотиков. Употребление наркотических веществ в основном происходит там, где молодые люди проводят свое свободное время: улица, кафе, клубы. В большинстве случаев это происходит в компаниях. В сленге современной молодежи появился новый термин «легкие наркотики»,

к ним стали относить такие вещества, как марихуана, кокаин, спайсы. Ярким примером «нелегких» последствий «легких наркотиков» является последний случай массового отравления спайсами по всей России, и Воронежская область не стала исключением. Спайс — это разновидность травяной курительной смеси, в состав которой входят синтетические вещества, растения, которые обладают психотропным действием.

В октябре 2014 года в г. Воронеже произошел случай массового отравления спайсами. В больницы города поступили 26 человек, половина из которых были доставлены в состоянии средней тяжести, а вторая половина пострадавших попала в реанимацию. Этот случай является ярким показателем недооценки вреда, который наносят наркотики здоровью человека. Таким образом, этот случай показывает, что «легких наркотиков» не бывает.

Наша жизнь наполнена яркими красками, мы имеем возможность выбора интересных профессий, можем хорошо питаться, красиво одеваться, путешествовать в разные страны мира. Что же толкает людей уйти от этой красочной реальности в туманный и мрачный мир наркотиков? Существует множество причин, способствующих приобщению людей к наркотикам. Молодые люди много времени проводят в Интернете, что препятствует развитию творческих возможностей, преобладает пассивный подход к жизни, тем самым создавая благоприятную основу для развития наркотической зависимости.

Также одной из причин употребления наркотиков является экономическое расслоение общества, высокий уровень безработицы. В последнее время резко ухудшились международные отношения, возникло наличие сильного политического напряжения в отношении с другими странами. Все эти обстоятельства способствуют депрессивным настроениям у населения, повышается уровень тревожности, и «спасение» от всего этого люди видят в наркотиках.

Еще к причинам наркомании можно отнести обстановку в семье. Неблагополучие или, наоборот, излишний достаток способствуют употреблению запрещенных веществ. Условия воспитания в неблагополучных семьях (криминальные, аморальные, с конфликтными взаимоотношениями между родителями, с низким уровнем образования членов семьи). В таких семьях оправдывается наркотическая зависимость, имеет место физическое и сексуальное насилие, вся от-

ветственность перекладывается на других людей. В благополучных семьях ситуация обостряется из-за недостатка внимания родителей, ввиду их постоянной занятости, раннего начала самостоятельной жизни, легкого, неограниченного доступа к деньгам и непонимание того, как они достаются. Дети, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание, начинают употреблять наркотики.

Развитие людских зависимостей неумолимо стремится вперед, появляются все новые и новые виды этих зависимостей. Наркомания приобрела необъятные масштабы, падение нравственности, экономическая и социальная нестабильность активно этому способствуют. У людей существует страх заболеть СПИДом, гепатитом, так как это заболевания, ведущие к смерти. Наркотики такого страха не вызывают: «От этого не умирают. Это просто приятные эмоции...». Наркотики вторгаются в организм и психику человека, меняют его мировосприятие, вмешиваются в обмен веществ и вызывают зависимость, последствия которой могут быть необратимы [4].

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что проблема наркомании требует к себе особого внимания. Следует вести активную пропаганду здорового образа жизни, властям необходимо ужесточить ответственность за распространение наркотиков. Сейчас ученые приступили к разработке более конкретных представлений о том, каким образом наркотики воздействуют на мозг и организм человека. В лечении задействованы такие формы, как группы самопомощи и реабилитационные программы. Также хорошо внедряется в практику просвещение по вопросам профилактики, заставляющее людей задумываться над теми опасностями, с которыми связано употребление наркотиков.

Литература

1. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. — СПб., 2007. — 768 с.
2. Лекции по наркологии / под ред. Н. Н. Иванца. — 3-е изд., перераб. — М., 2001. — 344 с.
3. *Старшенбаум Г. В.* Аддиктология : психология и психотерапия зависимостей / Г. В. Старшенбаум. — М., 2006. — 367 с.
4. *Менделевич В. Д.* Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов / В. Д. Менделевич. — СПб., 2005. — 443 с.

ОСОБЕННОСТИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Шевченко Н. А., студ. 2 курса

Jura21rindin@yandex.ru

Научный руководитель – канд. психол. наук, доц. Н. Е. Есманская

По данным ВОЗ, около 20 % самоубийств в мире приходится на юношеский возраст. В нашей стране вопросы суицидального поведения стали активно изучаться в 60–70 гг. XX в. Однако количество исследований было явно недостаточно для четкого и ясного представления о суицидальном поведении. В последнее время в связи с ростом переводных работ интерес к вопросам суицидального поведения со стороны отечественных исследователей стал более ощутимым.

Наша работа посвящена изучению суицидального поведения в юношеском возрасте. Данный возраст является кризисным как в физиологическом, так и в психическом плане. В это время формируется представление о собственной уникальности личности. Человек ищет себя, задает себе важные вопросы, определяется с жизненным направлением. Именно в этом возрасте закладываются основы мировоззрения, картина мира становится осознанной и яркой, наиболее остро проявляется потребность в любви и признании. Психика неустойчива к моральным потрясениям. В связи с переходным периодом из детства во взрослость молодые люди начинают задумываться над смыслом жизни и собственным местом в мире.

По мере того как число и пропорция молодых взрослых в общем числе населения продолжает расти, усиливается конкуренция за работу, академические и спортивные достижения, и вместе с этим у многих молодых людей рушатся мечты и не удовлетворяются амбиции. Другие объяснения указывают на ослабление эмоциональных связей в семье, что приводит к чувству отчуждения и отвержения у молодых людей, возрастает доступность наркотиков и алкоголя. Эти факторы зачастую являются предпосылками суицидального поведения [1].

У молодых людей суицидная попытка обычно является призывом о помощи, при этом биологический оптимизм мешает им со всей серьезностью относиться к смерти. В основе юношеской депрессии часто лежат неумение строить отношения со сверстниками, неуве-

ренность в своей привлекательности для противоположного пола, излишняя зависимость от семьи.

А. Г. Амбрумова отмечает, что для правильного понимания суицидального поведения необходимо ответить на два вопроса: почему человек совершил суицид и зачем он это сделал. Ответ на первый вопрос предполагает анализ условий существования суицидента: жизненной ситуации, в которой он находился, его состояния и переживаний, приведших к совершению суицидального акта. Ответ на второй вопрос предполагает изучение мотивов суицидального поведения, целей, которых человек хотел достичь, когда совершал суицидальный акт [2].

Проблеме мотивации суицидального поведения посвящено большое количество отечественных и зарубежных исследований. В отечественной суицидологии наибольшее распространение получила классификация В. А. Тихоненко, согласно которой выделяют пять ведущих мотивов суицидального поведения: «призыв», «протест», «избегание», «самонаказание» и «отказ».

Для юношеского возраста наиболее характерны суицидальные реакции по типу «призыва» («крик о помощи») и суицидальные реакции по типу «протеста». Лица, руководствующиеся мотивами по типу «крика о помощи», обычно не думают о возможном летальном исходе своих действий, они чаще сосредоточены на мыслях о том, как окружающие среагируют на их поступок. Мотивы данного типа характерны для лиц молодого возраста с тревожно-мнительными, истероидными или инфантильными чертами.

В случае суицидальной реакции по типу «протеста» человек, испытывая возникшие на фоне конфликтной ситуации чувства гнева, ярости, обиды, совершает самоповреждающие действия с тем, чтобы выразить свой протест против происходящего. На вопрос о цели суицидальных действий люди обычно отвечают: «Чтобы как-то выразить свой гнев (обиду)»; «Чтобы наказать виновных, чтобы им стало хуже». Самоповреждающие действия обычно не планируются, носят характер «коротких замыканий», нередко совершаются в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Реакции данного типа характерны для лиц молодого возраста с возбудимыми и эмоционально неустойчивыми чертами.

Изучение теоретических основ суицидального поведения показало, что особое влияние на поведение лиц юношеского возраста оказывают их личностные качества характера, семейные и социальные отношения [3].

При исследовании данной проблемы выявлено, что главной причиной социально-психологической дезадаптации, возникающей под влиянием острых психотравмирующих ситуаций, являются нарушения взаимодействия личности с ближайшим окружением.

Согласно теоретическим основам исследования суицидального поведения в юношеском возрасте, могут быть успешно использованы следующие методики: диагностическое интервью с семейным анамнезом, «Опросник суицидальных мыслей» по В. Рейнольдсу, «Опросник депрессии Бека», «Опросник причин для жизни», методика экспресс-оценки суицидального риска «Сигнал».

Литература

1. *Зотов М. В.* Суицидальное поведение : механизмы развития, диагностика, коррекция / М. В. Зотов. — СПб., 2006. — 144 с.
2. *Абрумова А. Г.* Диагностика суицидального поведения : методические рекомендации / А. Г. Абрумова. — М., 1980. — 48 с.
3. *Ефремов В. С.* Основы суицидологии / В. С. Ефремов. — СПб., 2004. — 480 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕВУШЕК, ИСПЫТЫВАЮЩИХ НЕДОВОЛЬСТВО СОБСТВЕННЫМ ТЕЛОМ

Е. С. Щербатых, студ. 3 курса
eka.katyshka@mail.ru

Научный руководитель — преп. М. В. Петрушина

В современном обществе внешнему облику человека уделяется много внимания. Ежедневно через телевидение, журналы и социальные сети нам диктуют, как мы должны одеваться и выглядеть. Больше всего подвержены этому влиянию, конечно, девушки, которые порой просто не успевают за новыми идеалами внешности. Но чаще всего соответствовать идеальным модельным данным просто невозможно. Отсюда порождается невероятная неудовлетворенность своим телом, даже когда никаких объективных причин для этого нет. Немаловажную роль при этом играет и отношение других людей к чужой

© Щербатых Е. С., 2015

внешности. Бывает так, что о человеке судят именно по тому, как он выглядит, приписывают какие-либо качества, даже если он ими не обладает. Все это и формирует отношение к собственному телу. Из-за реакции других людей, из-за несоответствия идеалам у человека могут появиться такие личностные особенности, которые порой мешают жить нормальной, полноценной жизнью. В худшем случае погоня за идеалом может привести к анорексии, булимии, дисморфофобии.

Высокая распространенность этих заболеваний в настоящее время привлекла внимание общественности. На данный момент большое внимание уделяется пропаганде здоровья, естественности, индивидуальности, свободе самовыражения, уходу от строгих стандартов. Психологам также важно уделять внимание отношению девушек к собственному телу, особенностям девушек, которые недовольны своим телом, постараться со своей стороны помогать им полюбить себя такими, какие они есть. Именно в этом и заключается актуальность данного исследования. Целью данного исследования является изучение личностных особенностей девушек, испытывающих недовольство собственным телом. Объект исследования — отношение к собственному телу. Предмет исследования — личностные особенности девушек, испытывающих недовольство собственным телом.

В качестве гипотезы выступает предположение, что девушки, которые недовольны собственным телом, имеют высокий уровень личностной тревожности, агрессивности и внешний локус контроля.

Прежде чем переходить к описанию и результатам исследования необходимо уточнить, что мы понимали под недовольством к собственному телу и под личностными особенностями.

Недовольство собственным телом является проявлением отношения к собственному телу, т.е. в данной работе мы рассматриваем именно эмоциональный компонент Физического Я.

Под личностными особенностями мы будем рассматривать такие черты личности, которые отличаются у девушек, имеющих недовольство собственным телом, и у девушек, у которых нет такого негативного отношения.

Многие авторы указывали на связь таких личностных особенностей, как агрессивность и тревожность с отношением к собственному телу [1–2].

Когда девушки по каким-либо причинам начинают относиться к своему телу негативно, то они начинают видеть недостатки (которые в свою очередь могут быть реальными или выдуманными). Это сильно

фрустрирует, порождает дезадаптированность и тревогу [2]. При этом у девушек появляется чувство стыда за несоответствие, как им кажется, своего тела с общепринятыми стандартами. Тревога может проявляться по поводу мнения других людей, как они воспримут тебя, как будут относиться.

А. А. Налчаджян рассматривает агрессивность как адаптивную стратегию у лиц, недовольных своей внешностью [2]. Также автор указывает, что одновременно с агрессивностью у таких девушек развиваются такие черты характера, как мнительность и пессимистичность.

Человеку кажется, что из-за его физического недостатка окружающие плохо относятся к нему или не принимают его всерьез; он становится раздражительным и агрессивным, и окружающие действительно начинают не любить его, «подкрепляя» тем самым его первоначальную установку.

Подобный результат приводит к вторичным фрустрациям, а отсюда дальнейшее усиление агрессивных реакций.

В нашем исследовании приняли участие 40 девушек в возрасте от 18 до 23 лет. Данное исследование является пилотным. Для более точных результатов и выводов требуется большее количество испытуемых.

Все испытуемые были поделены на две выборки: довольные собственным телом и недовольные. Это было сделано с помощью опроса и Цветового теста отношений (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинда.

Для определения уровня тревожности использовался Опросник Ч. Д. Спилбергера, для определения уровня агрессивности — Опросник Басса-Дарки и для определения уровня интернальности — опросник УСК (уровень субъективного контроля), авторами которого являются Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд.

Полученные данные показали, что из всех опрошенных девушек 65 % довольны своим телом, а 35 % — недовольны.

При этом среди недовольных собственным телом все 100 % имеют высокий уровень тревожности, среди удовлетворенных собственным телом — 25 % среднего уровня тревожности и 75 % с высоким уровнем тревожности. Полученные данные говорят о том, что, несмотря на достаточно большой процент высокого уровня тревожности, среди девушек вообще недовольных собственным телом все же больше.

По показателю агрессивности среди девушек, имеющих недовольство собственным телом, 27 % имеют низкий уровень агрессив-

ности, 32 % – средний и 41 % – высокий уровень. Среди девушек, которых устраивает их внешность, по данному показателю 20 % имеют низкий уровень агрессивности, 65 % – средний уровень и 15 % – высокий.

Это говорит о том, что для девушек, имеющих недовольство собственным телом, действительно больше характерен высокий уровень агрессивности, но при этом у них чаще встречается низкий уровень агрессивности. Возможно, это связано с вытеснением.

По данным методики УСК, проценты разделились примерно одинаково: 55 % интерналы и 45 % экстерналы среди девушек, выразивших недовольство собственным телом, и 50 % – интерналы и 50 % – экстерналы среди девушек, которые довольны тем, как они выглядят. То есть это означает, что выраженных различий по данному показателю нет.

Таким образом, наша гипотеза подтверждается частично. Высокая тревожность и агрессивность действительно более характерны для девушек, имеющих недовольство собственным телом. По уровню субъективного контроля девушки, недовольные собственным телом, в принципе не отличаются от девушек, которые довольны своим телом.

Литература

1. Кон И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М., 1978. – 367 с.
2. Налчаджян А. А. Агрессивность человека / А. А. Налчаджян. – СПб., 2007. – 736 с.

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Т. А. Бахтина, магистрант 2 курса
e-mail: t_bahtina@mail.ru

Научный руководитель — д-р пед. наук, проф. Н. И. Вьюнова

По словам доктора психологических наук В. С. Собкина, каждый молодой человек по мере взросления и вхождения в культуру, в общество определяет свои ценности, смыслы, выбирает свой жизненный путь [1]. Юношеский возраст сензитивен для формирования мировоззрения, нравственных ценностей, жизненных перспектив. В полной мере происходит осознание молодым человеком самого себя, своих возможностей, способностей, интересов, стремление ощутить себя и стать взрослым.

Оформляются общие взгляды на жизнь, на отношения между людьми, на происходящее сейчас и на будущее, иными словами, — формируются личностные смыслы жизни, смысложизненные ориентации. Конечно, индивидуальные стратегии развития, как подчеркивает В. С. Собкин, у каждого свои и «зависят от многих факторов: от него самого, образования родителей, материального положения семьи, от национальной принадлежности и той социокультурной ситуации, в которой оказывается молодой человек. Последнее, по сути, описывает то, что Л. С. Выготский назвал «социальной ситуацией развития» [1]. И эта ситуация, несомненно, оказывает влияние на самоопределение молодежи — гражданское, политическое, нравственное, ценностно-смысловое.

Смысложизненные ориентации личности неразрывно связаны с ценностно-смысловой сферой. Как пишет Д. А. Леонтьев: «Смысловая сфера личности — это особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах» [2, с. 154]. Вектор личностного, профессионального, духовного развития молодого человека будет определяться именно его смысложизненными ориентациями. Смысложизненные ориен-

тации представляют собой сложную систему со множеством входящих в нее компонентов, которая обладает многомерностью, многоуровневостью, является сложным социально-психологическим феноменом. Вслед за Д. А. Леонтьевым, А. В. Семиковым под смысложизненными ориентациями личности в юношеском возрасте мы будем понимать целостную сложную систему сознательных и избирательных связей, отражающую результативность жизни, ценностную ориентацию личности (иерархию ценностей), жизненные цели, эмоциональную насыщенность жизни (удовлетворенность самореализацией) [3].

Цель нашего исследования — выявление особенностей «смысложизненных ориентаций» старшеклассников и студентов.

База эмпирического исследования: МБОУ лицей № 65 г. Воронеж, Воронежский государственный университет, Воронежский государственный педагогический университет.

Выборка исследования: учащиеся 11-х классов и студенты 2-го курса ВГУ и ВГПУ. В исследовании приняли участие 57 человек, из них 29 учеников 11-х классов в возрасте от 16 до 18 лет и 28 студентов 2-го курса факультета философии и психологии в возрасте от 19 до 20 лет. Исследование проводилось в период с ноября 2013 г. по март 2015 г.

С целью изучения особенностей смысложизненных ориентаций используется диагностический комплекс: тест смысложизненных ориентаций (далее — СЖО) (авторы Дж. Крамбо и Л. Махолик в адаптации Д. А. Леонтьева) [3], методика «Иерархия жизненных ценностей» (автор Г. В. Резапкина) [4], проективная методика — рисунок «Самое главное для тебя в будущем» (авторы — Т. А. Бахтина, Н. И. Вьюнова), которая разработана на основе рисуночной методики К. Махвер «Проективный рисунок человека» [5].

По результатам теста СЖО нами получены следующие данные.

По субшкале 1 «Цели в жизни», характеризующей целеустремленность, наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей (намерений, призвания) в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, выявлены результаты, представленные в табл. 1.

Как показывает исследование, у студентов отмечен более высокий уровень выраженности целеустремленности.

По субшкале 2 «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», характеризующей удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие человеком процесса своей

Т а б л и ц а 1

*Уровни выраженности по субшкале «Цели в жизни»
у учащихся и студентов*

Уровни выраженности	Цели в жизни			
	Учащиеся 11-х классов		Студенты	
	кол-во, чел.	кол-во, %	кол-во, чел.	кол-во, %
Очень высокий	0	0	2	7,1
Высокий	10	34,5	6	21,4
Выше среднего	8	27,5	2	7,1
Средний	9	31,0	9	32,1
Ниже среднего	0	0	4	14,3
Низкий	1	3,5	5	18,0
Очень низкий	1	3,5	0	0

жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом (содержание этой шкалы совпадает с представлением о том, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить), выявлены результаты, представленные в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

*Уровни выраженности по субшкале «Процесс жизни»
у учащихся и студентов*

Уровни выраженности ценности	Процесс жизни			
	Учащиеся 11-х классов		Студенты	
	кол-во, чел.	кол-во, %	кол-во, чел.	кол-во, %
Очень высокий	1	3,5	1	3,5
Высокий	7	24,1	6	21,4
Выше среднего	6	20,7	9	32,1
Средний	9	31,0	5	18,0
Ниже среднего	3	10,3	4	14,3
Низкий	2	6,9	3	10,7
Очень низкий	1	3,5	0	0

Анализируя полученные результаты по данной методике, можно констатировать, что у студентов целеустремленность, наличие в жизни целей, которые придают жизни осмысленность и временную перспективу, несколько выше по уровню, чем у учащихся 11-х классов. Удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом примерно одинакова по уровням.

Сравнение результатов учащихся 11-х классов и студентов по результатам методики «Иерархия жизненных ценностей», в которой предусмотрено 8 ценностей (здоровье, материальная обеспеченность, творчество, семья, карьера, служение, слава, отдых), представлено в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

*Иерархия жизненных ценностей учащихся и студентов**

Учащиеся 11-х классов	Студенты
1. Семья	1. Семья
2. Материальная обеспеченность	2. Служение и материальная обеспеченность
3. Отдых и здоровье	3. Здоровье и карьера
4. Служение	4. Творчество
5. Карьера	5. Отдых
6. Слава	6. Слава
7. Творчество	7. —
8. —	8. —

* В порядке убывания.

Данные по этой методике свидетельствуют о том, что такая ценность, как семья, признана главной и у старшеклассников, и у студентов, что несомненно важно, так как крепость семейных связей, забота друг о друге, способность ставить интересы близких людей выше своих собственных во многом определяют психологическое равновесие, благополучие человека.

Безусловно, тот факт, что у студентов такие важные ценности, как служение и творчество, стоят по рангу выше, чем у 11-классников говорит об их большей личностной и духовной зрелости. Служение является одной из высших жизненных ценностей. Служение проявляется в способности жертвовать своими интересами ради интересов других людей, проявлять милосердие, сострадание, не ожидая благодарности взамен. Служение возможно в любой деятельности — науке, искусстве, образовании.

Творчество также является высшей жизненной ценностью. Однако у старшеклассников эта ценность, к сожалению, находится на последних местах в общей иерархии ценностей. Этот факт настораживает, так как людьми, для которых творчество являлось самой главной жизненной ценностью, сделаны величайшие открытия и созданы выдающиеся произведения искусства.

Т а б л и ц а 4

*Иерархия целей-перспектив учащихся и студентов**

Ранг	Учащиеся 11-х классов		Студенты	
	Цели	Кол-во, %	Цели	Кол-во, %
1	Профессия (работа)	55,2	Создание семьи	78,6
2	Материальный достаток	48,3	Материальный достаток	39,3
	Создание семьи	31,0	Внутренние эмоциональные состояния	35,7
3	Внутренние эмоциональные состояния	20,7	Профессия (работа)	21,4
4	Достижения (профессия, власть, спорт)	17,2	Саморазвитие Рождение детей Духовно-нравственные цели	10,7 10,7 17,8
5	Духовно-нравственные цели	13,8	Здоровье	7,1
6	Здоровье	10,3	Достижения (профессия, власть, спорт) Дружба	3,6 3,6
7	Досуг Эмиграция	6,9 6,9	—	
8	Дружба Везение Творчество	3 3 3	—	

* В порядке убывания.

Согласно проективной методике (рисунок «Самое главное для тебя в будущем»), выявлены цели старшеклассников и студентов в перспективе, которые представлены в табл. 4 в порядке убывания значимости.

Анализ результатов показывает, что цели-перспективы старшеклассников связаны с получением профессионального образования (55,2 %), тогда как у студентов данная цель стоит ниже по иерархии (21,4 %) и, возможно, связана с тем, что они находятся уже в процессе получения профессионального образования, для них это не перспектива, а уже реализация. В то же время создание семьи для студентов выходит на первый план в ближайшей перспективе (78,6 %)

и полностью соотносится с задачами возраста в отличие от старшеклассников (31,0 %). Точно также как и цель — рождение детей, которую студенты выделяют отдельно (10,7 %). У старшеклассников эта цель как самостоятельная не выделяется, что также обусловлено возрастным параметром.

Цель, связанная с материальным благополучием, занимает второе место в иерархии целей у двух сравниваемых групп, что свидетельствует о прагматичности и практичности молодого поколения.

Достаточно важной для студентов оказалась и цель, связанная с эмоциональной сферой — внутренние эмоциональные состояния (35,7 %), такие как позитивное настроение, положительные эмоции, обретение чувств любви, счастья. У старшеклассников эта цель несколько менее значима (20,7 %). Это может свидетельствовать о более глубокой степени рефлексии у студентов по сравнению с одиннадцатиклассниками. В подтверждение этому такая цель, как саморазвитие, представлена только у студентов (10,7 %). Учащиеся 11-х классов в будущем настроены на достижения результатов в профессии, спорте, бизнесе (17,2 %). Эта же цель у студентов менее значима (3,6 %). Возможно, это связано с тем, что студенты более адекватно начинают оценивать свои способности, свой потенциал и более реально соотносить их со своими притязаниями.

Духовно-нравственные цели (забота о близких, помощь людям, спасение нуждающихся, благотворительность, поиск смысла жизни) также присутствуют в иерархии целей и примерно в равной степени представлены у двух групп. Обращает на себя внимание тот факт, что у студентов отсутствуют цели, связанные с отдыхом, досугом, творчеством. Исследование показало, что у старшеклассников присутствуют цели, связанные с эмиграцией (опрос 2013 г.). Следует отметить, что опрос учащихся в 2015 г. не выявил наличия этой цели.

Полученные результаты, на наш взгляд, являются достаточно информативными и выявляют особенности смысложизненных ориентаций у старшеклассников и студентов, что может стать основой для создания программ развития мотивационно-ценностной сферы старшеклассников и студентов.

Литература

1. *Собкин В. С.* Связь поколений / В. С. Собкин // Школьный психолог. — 2011. — № 15. — С. 54–57.
2. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. — М., 2003. — 487 с.

3. *Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – М., 2000. – 18 с.

4. *Резапкина Г. В.* Программа диагностики и развития мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сферы подростков / Г. В. Резапкина // Школьный психолог. – 2012. – № 9. – С. 14–23.

5. *Маховер К.* Проективный рисунок человека / К. Маховер. – М., 1996. – 158 с.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

К. В. Нежевенко, студ. 3 курса

Научный руководитель – д-р пед. наук, проф. Н. И. Вьюнова

Семья как один из важнейших социальных институтов общества оказывает огромное влияние на развитие и воспитание полноценной личности. Семья, где растет и воспитывается ребенок с нарушением слуха, требует особой заботы и внимания со стороны общества и государства в целом, специалистов психолого-педагогического профиля в частности.

Успех в воспитании и обучении ребенка с нарушением слуха в значительной мере зависит от объединения усилий психологов, педагогов и родителей, от того, как родители понимают задачи работы с ребенком и могут участвовать в их решении.

Проблемы и педагогические условия осуществления психолого-педагогической помощи родителям и детям с нарушением слуха нашли свое отражение в исследованиях И. А. Михайленковой, И. А. Москалик, Л. И. Руленковой, М. И. Никитиной, Г. Н. Пениной, И. А. Коробейникова, Н. Н. Малофеева и др.

Как правило, состав родителей, имеющих детей с нарушениями слуха, очень разнообразен как по социальной характеристике, общекультурному уровню, так и по отношению к ребенку, оценке его возможностей.

Важным инструментом в рамках психолого-педагогической помощи выступает диагностическое обследование особенностей развития самого ребенка, оценка структуры и степени нарушения в раз-

витии, выявление воспитательской позиции семьи по отношению к ребенку, способов взаимодействия с ним, уровня педагогической компетенции семьи [1].

Психолого-педагогическая помощь семье в условиях школы-интерната I–II вида включает набор коррекционно-педагогических методов, направленных на всестороннее развитие ребенка с нарушением слуха, поддержку его семьи и осуществляется педагогами и специалистами школы: учителями-дефектологами, сурдопедагогами, педагогами-психологами, инструктором по физической культуре, социальными педагогами.

При осуществлении взаимодействия с родителями педагоги и специалисты руководствуются рядом принципов: индивидуально-ориентированный подход к каждой семье; соблюдение морально-этических норм в общении с каждой семьей, воспитывающей ребенка с особыми образовательными потребностями; конфиденциальность в общении специалистов с родителями; своевременное оказание коррекционно-педагогической помощи ребенку и его семье с момента поступления в школу; педагогический оптимизм, ориентация на положительный прогноз в развитии ребенка; комплексный подход в системе психолого-педагогической помощи семьям, осмысленный взаимообмен информацией в процессе сотрудничества педагогов и специалистов [2].

С учетом факторов, влияющих на степень эффективности коррекции отклонений в развитии ребенка (своевременное выявление нарушения, раннее начало целенаправленной коррекционно-развивающей работы, определение содержания образовательного процесса, использование адекватных методов и приемов коррекционного воздействия, единство требований к воспитанию и обучению в семье и дошкольном учреждении, организация взаимодействия в работе специалистов) [3], можно выделить основные направления психолого-педагогической помощи семье в условиях школы-интерната I–II вида.

Первое направление — это психолого-педагогическое просвещение. При реализации данного направления происходит систематическое знакомство родителей с вопросами сурдопедагогики и сурдопсихологии. Организуются индивидуальные и тематические консультации, в ходе которых обсуждаются наиболее актуальные проблемы для глухих и слабослышащих семей, сюда же относятся и родительские собрания.

На собраниях родители знакомятся с содержанием работы школы-интерната I—II вида, определяются линии взаимосвязи школы и родителей, заслушиваются отчеты администрации о деятельности в течение определенного времени, отчеты родительского комитета, специалистов, работающих с детьми, доклады по различной тематике. Учителя-дефектологи, сурдопедагоги, педагоги-психологи, социальные педагоги и воспитатели знакомят родителей с задачами и содержанием работы по различным направлениям воспитания и обучения детей, делая это в доступной и понятной для родителей форме. Педагоги сообщают родителям об эффективности обучения, результатах работы по различным направлениям. Характеризуя итоги работы с детьми, педагоги и специалисты не акцентируют внимание на трудностях, негативных сторонах их развития, а показывают возможности детей, их продвижение в обучении, зону ближайшего развития.

Необходимо отметить и такой важный аспект первого направления в работе, как ношение слуховых аппаратов ребенком за пределами школы. Некоторые родители целенаправленно предоставляют «отдых» ребенку, «выключая» его из речевой среды. Они стесняются того, что их ребенок носит слуховой аппарат. Важно помочь родителям осознать необходимость обязательного ношения слуховых аппаратов не только в школе, но и дома. Ребенок «купается» в речевых и неречевых звуках, его мир расширяется, а это положительно влияет на его личностное развитие в целом [2].

Второе направление — это вовлечение родителей в образовательный процесс. В каждом классе, как правило, есть инициативные родители, которые помогают педагогам в проведении праздников и развлечений, оснащении класса играми и пособиями, участвуют в школьных мероприятиях, конкурсах, выставках, соревнованиях, сопровождают детей во время выхода за пределы школы-интерната на спектакли, выставки, экскурсии и т.д.

Третье направление — это осуществление психолого-педагогического обучения. Подавляющее большинство родителей хотели бы видеть своих детей одаренными и культурными, воспитанными и преуспевающими. На этом естественном стремлении выстраиваются отношения с родителями. Проводятся лекции-беседы о задачах, формах и методах семейного воспитания; психофизиологических особенностях детей с нарушениями слуха; подходах к преодолению отчужденности между родителями и детьми; конфликтных и кризисных состояниях в семейном воспитании; о соблюдении единства требова-

ний семьи и школы. Такая форма психолого-педагогического просвещения помогает слышащим родителям лучше понять своего слабо-слышащего или неслышащего ребенка, правильно организовать его досуговую деятельность в домашних условиях.

Очень часто родителям требуется наглядное раскрытие методики работы с неслышащим ребенком. С этой целью организуются индивидуальные занятия, на которых сурдопедагог совместно с педагогом-психологом проводит обучение родителей адекватным формам взаимодействия с их ребенком с использованием игровых коррекционно-развивающих методов и приемов. Начиная с первого года обучения детей, для родителей организуются обучающие семинары, на которых сами родители показывают занятия со своими детьми. При этом все занятия совместно обсуждаются и анализируются. Такая форма работы требует больших усилий как со стороны психолога-педагога, так и со стороны родителей.

Одной из форм работы с родителями являются также дни открытых дверей, во время которых родители посещают открытые занятия и уроки, наблюдают за общением детей и педагогов, беседуют с сурдопедагогами, воспитателями, педагогами-психологами, администрацией школы-интерната, по ходу получают ответы на возникшие в конкретной ситуации вопросы. Специально для родителей готовится полезная информация по вопросам воспитания и обучения детей с нарушением слуха, психолого-педагогические рекомендации по различным направлениям работы с ребенком, использованию конкретных методов и приемов коррекционной работы по развитию слухового восприятия, развитию эмоционально-волевой сферы. Такие посещения позволяют родителям составить представление об обстановке в школе-интернате, методах и приемах коррекционно-педагогической работы с детьми с нарушенным слухом.

Данная форма взаимодействия способствует наиболее полному пониманию родителями задач коррекционно-педагогической работы, осмыслению сущности методов и приемов специального обучения.

Взаимопонимание педагогов и родителей, совместное участие и активность в проведении развивающей и коррекционной работы способствуют повышению уровня психолого-педагогической компетентности родителей, формированию у них положительных форм взаимодействия с ребенком, активной позиции по отношению к его воспитанию в семье. Система помощи должна быть направлена не на подмену семьи, а на развитие ее собственных ресурсов и инициативы,

так как только превращение семьи в активного субъекта социально-психолого-педагогической деятельности является решающим фактором эффективности процесса интеграции ребенка с нарушением слуха в общество.

Таким образом, сотрудничество педагогов-психологов и родителей является важным условием успешного развития детей с нарушением слуха, обеспечивает каждому ребенку поддержку, психолого-педагогическое и социальное сопровождение его развития.

Литература

1. *Исенина Е. И.* Родителям о психическом развитии и поведении глухих детей первых лет жизни / Е. И. Исенина. — М., 1999. — 80 с.
2. *Битянова М. Р.* Организация психологической работы в школе / М. Р. Битянова. — М., 1998. — 298 с.
3. *Кочинева Я. А.* Работа с родителями как одно из направлений работы реабилитационного учреждения с детьми с нарушением слуха / Я. А. Кочинева // *Фундаментальные исследования.* — 2005. — С. 85.

ПРОБЛЕМА ВНЕДРЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ОБУЧЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ

М. А. Дюжикова, студентка 3 курса
dyuzhikova.rita@mail.ru

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Л. А. Кунаковская

На сегодняшний день отечественная система образования подверглась глубокой модернизации, которая поставила новые сложные задачи как перед всей системой в целом, так и перед общим образованием в частности. Происходит постепенная смена традиционной «знаниевой» парадигмы на новую рефлексивную парадигму, соответствующую современным требованиям. Под парадигмой понимается «исходная концептуальная схема, модель постановки проблем в области образования [1], которая в течение определенного времени дает пути разрешения проблем, помогает найти методы исследования» [2]. На смену послушанию, повторению, подражанию приходят ориентированность на личную инициативу, самостоятельность, оригиналь-

ность и гибкость мышления, умение решать многочисленные и далеко нестандартные задачи. Поэтому развитие мышления, воображения, самосознания и самоконтроля является не только основой для более эффективного усвоения новых знаний; оно жизненно необходимо для успешной самостоятельной деятельности в будущем.

В рамках нашей статьи актуальным является обращение к рефлексивной парадигме, поскольку в настоящее время происходит процесс активного становления и использования ее идей в образовательной практике. Известно, что рефлексивную парадигму в образовании предложил профессор Гарвардского университета М. Липман. Основной тезис рефлексивной парадигмы – ориентация образования на научное исследование.

Цель рефлексивного образования автор определил как «научение молодых людей навыкам разумности с тем, чтобы в дальнейшем они стали разумными гражданами, разумными партнерами, разумными родителями» [3].

Особое внимание мы хотели бы уделить процессам рефлексии в подростковом возрасте, потому что именно на этом возрастном этапе она приобретает особое значение для развития личности и необходима для осуществления успешной учебной деятельности. Хотелось бы также акцентировать внимание на том, что рефлексия является основным новообразованием подросткового периода, а развитие рефлексивности – одним из основополагающих факторов взрослеющей личности.

Таким образом, учебные занятия в рамках данной парадигмы подразумевают наличие высокого уровня рефлексивности у обучающихся.

Именно по этой причине нами было проведено исследование современных подростков с целью диагностики развития их рефлексивности. Используя «Методику диагностики рефлексивности» А. В. Карпова, мы опросили 47 подростков-школьников г. Воронежа. Возраст респондентов составил 13–14 лет.

По результатам исследования, 22 человека из 47 показали низкий уровень рефлексивности, 24 – средний и всего лишь 1 человек – высокий уровень. Полученные данные свидетельствуют о недостаточном уровне развития рефлексивности. Это говорит о том, что большинство из обучающихся могут испытывать трудности при мыслительных операциях, зачастую не умеют четко сформулировать свою мысль, описать собственные действия. В результате – отсутствие интереса к учебе, невнимательность на уроках и снижение успеваемости.

Таким образом, несмотря на необходимость внедрения рефлексивных технологий, методов обучения и воспитания школьников, их осуществление затруднено в силу тех или иных причин. Новые требования на практике сталкиваются с профессиональной неподготовленностью педагогов к работе в новых условиях, их неготовностью к смене привычных способов осуществления профессиональной деятельности и изменению стереотипов поведения.

Действительно, подобные проблемы существуют. Мы убеждены, что говорить о реализации рефлексивной парадигмы в образовательном процессе нецелесообразно до тех пор, пока у обучающихся не будет заложена и развита мощная рефлексивная основа.

Смена парадигм – процесс сложный и длительный, требующий глубоких изменений, которые не могут произойти в одночасье. Стремление к полному искоренению прежней знаниевой парадигмы нами признается неприемлемым. Необходима кропотливая работа по объединению двух парадигм, эволюционное движение, использование тех положительных концептов, которые присутствуют в каждой из сложившихся систем [3].

Литература

1. Профессионально-педагогические понятия : словарь / [под ред. Г. М. Романцева]. – Екатеринбург, 2005. – 456 с.
2. Краевский В. В. Общие основы педагогики / В. В. Краевский. – М., 2001. – 256 с.
3. Харлов М. А. Взаимосвязь основных парадигмальных моделей на разных этапах профессиональной подготовки в системе среднего профессионального образования / М. А. Харлов // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 126. – С. 99–102.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С АКЦЕНТУИРОВАННЫМИ ПОДРОСТКАМИ

О. Р. Боева, студентка 2 курса

Научный руководитель – преп. О. Б. Мазкина

Подростковый возраст – это период становления личности. Именно на этом возрастном этапе наиболее ярко проявляются акцен-

туации характера. Акцентуация — это дисгармоничность развития характера, которая проявляется в чрезмерной выраженности отдельных его черт или соединений, обуславливающая повышенную уязвимость личности в отношении определенного рода воздействий и затрудняющая ее адаптацию в некоторых специфических ситуациях [1, с. 321]. Распространенность акцентуаций среди подростков достаточно высока и, по данным Н. Я. Иванова, составляет примерно от 33 до 88 %. Этот процент варьируется в зависимости от различных факторов. К ним относятся: социальные и культурные особенности, возраст, пол, тип и специфика учебного заведения. Поэтому в психолого-педагогической деятельности важным аспектом является работа с подростками, имеющими акцентуации характера.

При работе с акцентуированными подростками важно учитывать специфику и особенности того или иного типа акцентуации. Работа психолога или педагога заключается в выявлении типа акцентуации и последующей его коррекции, направленной на стимуляцию положительных черт акцентуации у подростка и сглаживание отрицательных. Но основной целью не должно являться подавление отрицательных черт акцентуации. В процессе психолого-педагогической работы необходимо, чтобы подросток сам осознал особенности своего типа акцентуации, его положительные и отрицательные стороны. В процессе психокоррекционной работы нужно выявить наиболее травмирующие ситуации для подростка. Анализируя это направление психокоррекционной работы с акцентуированными подростками, Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкий выделяют три основные цели. Во-первых, необходимо научить подростка распознаванию трудных именно для него ситуаций. Во-вторых, сформировать у подростка способность объективизировать эти трудные для него ситуации, увидеть их как бы со стороны, научить подростка анализировать такие ситуации, продуктивно использовать опыт собственных ошибок. В-третьих, расширить диапазон возможных способов поведения подростка в трудных для него ситуациях [2, с. 207]. Различают следующие виды коррекционной работы с подростками, имеющими акцентуации характера.

Рациональная психокоррекция основана на логической аргументации и разъяснении. Она апеллирует к самосознанию подростка и помогает ему понять свои проблемы. Проводится в форме индивидуальных бесед. Психолог объясняет подростку особенности его акцентуации, ее сильные и слабые черты.

Групповая психокоррекция заключается в использовании групповой динамики. Она позволяет осознать подросткам свои качества через мнение группы о них. Для проведения коррекционной работы психолог выбирает тему для дискуссии, которая касается интересов всех членов группы и особенностей их характера. Этот тип психокоррекции дает подростку представление о том, как выглядят его поступки и поведение со стороны.

Семейная психокоррекция. Проявление отрицательных черт акцентуации у подростков может быть следствием неблагоприятной обстановки в семье. Подростки с акцентуациями характера очень чувствительно реагируют на несоответствующий тип семейного воспитания. Психолог проводит индивидуальные консультации с каждым членом семьи. Затем переходит к общесемейной терапии, в ходе которой выстраивается продуктивное взаимодействие между родителями и ребенком, объясняются характерологические особенности.

Важной задачей психолога и педагога является создание оптимальных условий для развития подростка. Взаимодействие педагога с подростками должно быть основано на знании особенностей различных типов акцентуаций. Бывает, что педагоги недостаточно осведомлены о психологических особенностях подросткового возраста, в том числе и об акцентуациях характера. Если вовремя не распознать тип акцентуации подростка, игнорировать его потребности, неправильно строить педагогическое взаимодействие, то это может толкнуть подростка на путь антиобщественного или делинквентного поведения. Поэтому школьному психологу необходимо проинформировать педагогов об акцентуациях характера и механизмах их проявления, давать необходимые рекомендации по взаимодействию с акцентуированными подростками.

Литература

1. Психология подростка. Полное руководство / под ред. А. А. Реана. — М., 2003. — 428 с.
2. *Дубровина И. В.* Рабочая книга школьного психолога / И. В. Дубровина, М. К. Акимова, Е. М. Борисова. — М., 1991. — 303 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

М. Н. Дутова, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О. А. Иванова

В настоящее время внимание многих психологов во всем мире привлечено к проблемам развития и становления личности ребенка (Л. И. Божович, В. П. Зинченко, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Т. Д. Марцинковская, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, Д. Б. Эльконин, А. В. Юревич и др.). Говоря о социально-психологических проблемах личности в современном социуме, нельзя не затронуть тему трудностей адаптации и интеграции в общество детей с особыми образовательными потребностями.

Расстройства аутистического спектра — это большой набор разнообразных нарушений, от самых тяжелых, сопровождающихся, например, органическими поражениями центральной нервной системы или генетическими заболеваниями, до совсем легких, незначительных, иногда даже визуально незаметных [1]. Связь аутичного ребенка с близким человеком и с социумом в целом грубо нарушена. Психическое развитие при аутизме определяется не просто как задержанное или нарушенное, а как искаженное. Психические функции, в том числе коммуникативные навыки такого ребенка развиваются как средство аутостимуляции, а не в русле социального взаимодействия и решения реальных жизненных задач. Таким образом, большинство даже имеющихся способностей этих детей не реализуются в жизни.

На данный момент в психологической науке принято отмечать, что «...яркими внешними проявлениями синдрома РДА являются: аутизм как таковой, т.е. предельное “экстремальное” одиночество ребенка, снижение способности к установлению эмоционального контакта, коммуникации и социальному развитию. Характерны трудности установления глазного контакта, взаимодействия взглядом, мимикой, жестом, интонацией. Имеются сложности в выражении ребенком своих эмоциональных состояний и понимании им состояний других людей. Также особая характерная задержка и нарушение развития речи, прежде всего — ее коммуникативной функции. В одной трети, а по некоторым данным даже в половине случаев это может

проявляться как мутизм, т.е. отсутствие целенаправленного использования речи для коммуникации, при котором сохраняется возможность случайного произнесения отдельных слов и даже фраз. Но даже тогда, когда устойчивые речевые формы развиваются, они могут не использоваться для коммуникации: так, ребенок может увлеченно декламировать одни и те же стихотворения, но не обращаться за помощью к родителям даже в самых необходимых случаях» [2, с. 349].

Самым опасным отличием РАС от других нарушений развития является его незаметность на первых годах жизни, как раз тогда, когда организм ребенка находится на наиболее сензитивном этапе для коррекции и лечения, а также развития и формирования коммуникативных навыков. «Те проблемы, которые с очевидностью встают перед родителями аутичных детей в период уже явной выраженности синдрома (после 2–3-летнего возраста) и заставляют их обратиться к специалистам, обычно не возникают внезапно. Однако достаточно часто у близких ребенка создается впечатление, что на первом-втором году жизни он развивался вполне нормально. И дело не в том, что родители бывают недостаточно внимательны» [3, с. 27].

Действительно, в младенчестве у этих детей показатели развития, касающиеся становления психических функций, часто укладываются в границы нормы, иногда даже превышая их по некоторым параметрам. Например, в некоторых случаях у аутичных детей наблюдается раннее речевое развитие, также типичными являются способности к различению цветов, геометрических фигур, отмечается интерес к книгам [4]. Обычно тревога возникает в конце второго — начале третьего года жизни ребенка, когда оказывается, что он мало продвигается в речевом развитии либо начинает постепенно терять речь. В этот же момент становится особенно заметным, что он недостаточно реагирует на обращения, с трудом включается во взаимодействие, не подражает, его трудно отвлечь от поглощающих его, не всегда понятных родителям, занятий, переключить на другую деятельность. Ребенок все больше начинает отличаться от своих сверстников, не стремится общаться, а если и возникают попытки контакта, то обычно они оказываются неудачными [3].

Таким образом, очень важна диагностика коммуникативных навыков на ранних стадиях развития ребенка, так как успешность коррекции выявленных нарушений непосредственно связана с периодом их обнаружения. Известно, что раннее начало поведенческой терапии сильно меняет дальнейший прогноз ребенка. Есть очень интересные

исследования, подтверждающие, что поведенческая терапия влияет не только на поведение ребенка, но и меняет саму структуру головного мозга, делает ее практически такой же, как и у нейротипичных детей. Так что чем раньше начать бороться с аутистической симптоматикой, тем лучше будет результат и прогресс в лечении.

Согласно последним исследованиям, у детей с РАС отмечается крайне низкая выносливость в общении с окружающими. Они склонны к формированию страхов, довольно скоро устают даже от приятного общения, фиксируются на неприятных впечатлениях. Специальные экспериментально-психологические исследования В. В. Лебединского показали, что страхи находятся на одном из ведущих мест в формировании аутистического поведения [5].

«При налаживании контакта обнаруживается, что многие обычные предметы и явления (определенные игрушки, бытовые предметы, шум воды, ветра и т.п.), а также некоторые люди вызывают у ребенка постоянное чувство страха. Чувство страха, сохраняющееся иногда годами, определяет стремление детей к сохранению привычной окружающей обстановки, продуцированию ими различных защитных движений и действий, носящих характер ритуалов. Малейшие перемены в виде перестановки мебели, режима дня вызывают бурные эмоциональные реакции...» [5].

Необходимость и важность исследований в области аутизма также продиктована тем, что на данный момент существует проблема наличия отечественного диагностического инструмента. Так как в России активная научно-исследовательская и практическая работа в области аутизма стала проводиться совсем недавно, сейчас используются в большинстве случаев зарубежные адаптированные методы. Поэтому исследование коммуникации детей с РАС на данный момент является чрезвычайно значимой и актуальной научно-практической проблемой в специальной психологии и педагогике.

Современные позитивные изменения в мировом образовательном пространстве во многом предопределили новое законодательно-правовое и научно-методическое обеспечение ранней социальной интеграции детей. Интенсивно развиваются новые области педагогических знаний (педагогика индивидуальности, раннего вмешательства, раннего включения). Известно, что служба раннего вмешательства минимизирует потенциальные задержки развития детей и ослабляет влияние условий, приводящих к нарушениям развития. Профилактика и коррекция нарушений уменьшает общие затраты на

образовательные услуги, помогает удовлетворять потребности детей, снижает вероятность институционализации, подготавливает детей к их дальнейшей независимой жизни в обществе [6].

Все это дает возможность многим детям с расстройствами аутистического спектра получить своевременную диагностику еще на ранних этапах развития, а также формировать необходимые социальные контакты и интегрироваться в наше общество.

Чрезвычайно важно работать с родителями таких детей, так как следует уже в дошкольном возрасте адаптировать их к детскому коллективу, поскольку, не имея опыта взаимодействия с другими детьми в группе, детям с аутистическими чертами потом довольно трудно будет начать школьное обучение. Однако усложнение социальной среды без учета особенностей таких детей может сказаться негативно на их состоянии. Это может привести как к усложнению уже существующих проблем ребенка, так и к появлению новых трудностей.

Таким образом, как уже отмечалось ранее, исследование коммуникации детей с РАС на данный момент является чрезвычайно значимой и актуальной научно-практической проблемой в специальной психологии и педагогике.

Литература

1. *Шпицберг И. Л.* Аутизм как защита мира / И. Л. Шпицберг. – Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/24842>
2. *Кузнецова Л. В.* Основы специальной психологии : учеб. пособие / Л. В. Кузнецова, Л. И. Переслени, Л. И. Солнцева. – М., 2002.
3. *Никольская О. С.* Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение / О. С. Никольская [и др.]. – М., 2005. – 166 с.
4. *Никольская О. С.* Аутичный ребенок : пути помощи / О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. – Режим доступа: <http://reidb.ru/look/2566986.html>
5. *Лебединский В. В.* Нарушения психического развития у детей : учеб. пособие / В. В. Лебединский. – М., 1985.
6. *Гаврилушкина О. П.* Проблемы социальной и коммуникативной компетентности дошкольников и младших школьников с трудностями в общении / О. П. Гаврилушкина, А. А. Малова, М. В. Панкратова // Зарубежная психология. – 2012. – № 2. – С. 10.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С. А. Войщева, студентка 2 курса
Sveta.voisheva@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О. А. Иванова

Задержка психического развития у детей и ее коррекция являются актуальной психолого-педагогической проблемой. По мнению Л. С. Выготского, А. В. Запорожца и других специалистов, проблема исследования эмоциональной сферы у детей с отклонениями в развитии является особенно значимой, поскольку любой дефект сопровождается изменениями эмоционального состояния ребенка. Умение различать, дифференцировать, адекватно проявлять эмоции в разных ситуациях повышает степень адаптивности детей в социуме. Прогноз во многом будет зависеть и от состояния высших корковых функций и от типа возрастной динамики развития. У дошкольников с ЗПР нет грубого поражения мозга, последствия раннего органического поражения ЦНС имеют минимальный характер, поэтому важное место в структуре коррекционно-педагогического процесса занимает диагностика. Только на основе глубокого всестороннего обследования каждого ребенка возможно построение индивидуально дифференцированных коррекционных программ. В основе лечения ЗПР лежит мультидисциплинарный подход с активным участием неврологов, педиатров, психиатров, логопедов, педагогов-дефектологов и, конечно, педагогов-психологов [1, с. 90–91].

Термин «задержка психического развития» был предложен Г. Е. Сухаревой еще в 1959 г. Под задержкой психического развития (ЗПР) понимают замедление нормального темпа психического созревания по сравнению с принятыми возрастными нормами. ЗПР начинается в раннем детском возрасте без предшествующего периода нормального развития, характеризуется стабильным течением (без ремиссий и рецидивов, в отличие от психических расстройств) и тенденцией к прогрессивному нивелированию по мере взросления ребенка [2, с. 41].

Нарушения темпа нервно-психического развития могут быть выявлены уже в раннем возрасте (до 3-х лет). Последствия раннего органического поражения мозга или функциональная незрелость ЦНС обуславливают ряд отклонений, затрудняющих взаимодействие ребенка с окружающей средой, вследствие чего не складывается полноценная база для последующего развития высших психических функций. ЗПР часто сопутствуют состояния, которые осложняются различными негрубыми, но нередко стойкими нервно-психическими расстройствами (астеническими, церебрастеническими, невротическими, неврозоподобными и др.), нарушающими эмоциональное состояние ребенка, отраженные в разделе «F90-F98» МКБ-10 [1].

Эмоциональное состояние ребенка имеет особое значение в психическом развитии. Эмоциональная сфера рассматривается как важнейшая система психики, тесно связанная с когнитивной, волевой, мотивационной сферами, влияющая на любое проявление человеческой активности и обеспечивающая адаптацию к изменяющимся условиям окружающей действительности. В исследованиях М. С. Певзнер и Т. А. Власовой отмечается, что для детей с ЗПР характерна, прежде всего, неорганизованность, некритичность, неадекватность самооценки. Эмоции детей с ЗПР поверхностны и неустойчивы, вследствие чего дети внушаемы и склонны к подражанию.

У детей с ЗПР наличие в эмоциональной сфере грубых изменений способствует своеобразному психопатологическому формированию характера, его новых отрицательных качеств, резко осложняющих коррекцию психического дефекта. Вот почему изучение эмоций и чувств ребенка с ЗПР, их формирование и воспитание имеют столь важное значение.

Как и все другие дети, дети с ЗПР на протяжении всех лет своей жизни развиваются. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что развитие психики — это специфика детского возраста, пробивающаяся сквозь любую, самую тяжелую патологию организма.

Наряду со специфичным развитием психики, происходит своеобразное развитие эмоциональной сферы ребенка с ЗПР, проявляющееся, прежде всего, в незрелости. Незрелость эмоций и чувств обусловлена в первую очередь особенностями развития его потребностей, мотивов и интеллекта.

Н. Л. Коломинский отмечает, что «ребенок с задержкой психического развития пассивен в игре, она для него не становится, как для нормального школьника, моделью приобретения социального опыта» [1].

Это объясняется тем, что у таких детей очень слабо развиты потребности в новых впечатлениях, любознательность, познавательные интересы, мало выражены побуждения к осуществлению новых видов деятельности. Их деятельность и поведение подвержены влиянию непосредственных, ситуативных побуждений внешних воздействий. Симптомами нарушения эмоциональной сферы являются раздражительность, повышенная возбудимость, двигательное беспокойство, неусидчивость, отсутствие опосредованной мотивации. В отличие от нормального школьника, у ребенка с ЗПР не происходит формирования социальных чувств [3].

Незрелость в эмоциональной сфере в школьном возрасте еще реже проявляется в школьный период, когда перед ребенком ставятся задачи, требующие сложной и опосредованной формы деятельности.

Для эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с ЗПР характерны малодифференцированность и бедность переживаний. Как отмечает С. С. Ляпидевский и Б. И. Шостак, его «чувства однообразны, неустойчивы, ограничиваются двумя крайними состояниями (удовольствие или неудовольствие), возникают только при непосредственном воздействии того или иного раздражителя» [3]. То есть переживания детей с ЗПР примитивны и еще нет дифференцированных тонких оттенков переживаний. Это объясняется тем, что у ребенка есть наличие примитивных потребностей.

Вместе с тем отмечается живость эмоций у ребенка с задержкой психического развития (приветливость, доверчивость, оживленность), наряду с поверхностью и непрочностью. Такие дети легко переключаются с одного переживания на другое, проявляют несамостоятельность в деятельности, легкую внушаемость в поведении и играх, следуют за другими детьми.

Кроме того, дети с ЗПР часто бывают неадекватны к воздействию эмоции и чувства. У одних детей наблюдается чрезмерная легкость и поверхностная оценка серьезных жизненных событий. Слабость мысли, интеллекта и незрелость, примитивность мотивационно-потребностной сферы тормозят у них формирование высших чувств.

Опираясь на наблюдения за детьми с ЗПР, Л. Н. Блинова отмечает следующие черты своеобразия:

1) психологическая база для активного полноценного обучения у детей дефицитно ослаблена. Низкая потребность в общении сочетается с дезадаптивными формами взаимодействия;

2) эмоциональная незрелость детей с ЗПР ведет к эмоциональной поверхности контактов, которые мимолетны, ситуативны, неустойчивы;

3) расторможенность психических процессов, повышенная возбудимость ведет к тому, что импульсивное поведение чаще всего превращается в цепочку реакций и неадекватных способов выхода из конфликтов;

4) общая незрелость приводит детей к зависимости от более волевых членов коллектива, подчиненности им;

5) у детей нет развитой самооценки, устойчивости и критичности;

6) большинство детей с ЗПР психически неустойчивы. Их поведение непоследовательно, неровно, часто нелогично, конфликтно, малопредсказуемо;

7) адаптивные механизмы у ребенка с ЗПР также своеобразны: он не имеет развитых интеллектуальных и эмоционально-волевых возможностей для самостоятельного и продуктивного устранения недостатков. Способы психологической защиты: избегание, конфликты — не требуют длительного волевого усилия. Желание добиться похвалы удовлетворяется путем хвастовства, обмана. Такие формы вызывают негативную реакцию окружающих, что тормозит социализацию ребенка [4].

Основные диагностические признаки незрелости эмоциональной сферы детей с ЗПР (клинико-психолого-психологические синдромы).

Незрелость эмоциональной сферы — синдром психического инфантилизма:

1) преобладание игровых интересов над познавательными;

2) эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость, конфликтность либо неадекватная веселость и дурашливость, психологической причиной этого является низкий уровень произвольной психической активности;

3) неумение контролировать свои действия и поступки, некритичность, эгоизм;

4) отрицательное отношение к заданиям, требующим умственного напряжения, нежелание подчиняться правилам [2].

Отмечаются проблемы в сфере социальных эмоций, дети не готовы к «эмоционально теплым» отношениями со сверстниками, могут быть нарушены эмоциональные контакты с близкими взрослыми, дети слабо ориентируются в нравственно-этических нормах поведения, также затруднено социальное развитие ребенка, его личностное

становление — формирование самосознания, самооценки, системы «Я» (Е. Н. Васильева, Г. Н. Ефремова) [1].

Ребенок не может регулировать свое поведение на основе усвоенных норм и правил, не готов к волевой регуляции поведения [3].

Если не заниматься детьми с ЗПР в дошкольном возрасте, то в школьном возрасте появляется ряд особенностей. Если в дошкольном возрасте ребенок развивался в процессе игры и общения с окружающими, то в школе он попадает в условия обучения по твердой программе. Изменяется тип ведущей деятельности из игровой в учебную, перестраиваются мотивы. Основным мотивом становятся указания учителя. Ребенку сложно перестроиться, он испытывает сильный стресс.

Анализ особенностей психического развития детей дошкольного возраста позволяет сделать следующие выводы: ЗПР затрагивает эмоциональную сферу ребенка и, по существу, является системным дефектом, поэтому процесс обучения и воспитания должен выстраиваться с позиций комплексного подхода. Необходимо сформировать полноценный базис для становления эмоциональной сферы ребенка и обеспечить специальные психолого-педагогические условия, необходимые для формирования здоровой личности ребенка.

Литература

1. *Бим-Бад Б. М.* Педагогический энциклопедический словарь / Б. М. Бим-Бад. — М., 2002.
2. *Коджаспирова Г. М.* Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова. — Ростов н/Д., 2005.
3. *Артеменко О. Н.* Особенности эмоционально-волевой сферы детей с задержкой психического развития / О. Н. Артеменко // V Международная студенческая электронная научная конференция : «Студенческий научный форум». — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/10/3986>
4. *Полякова Т. А.* Развитие эмоционально-личностной сферы детей с ЗПР / Т. А. Полякова // Образовательный сайт Открытый класс : Сетевые образовательные сообщества. — Режим доступа: <http://www.openclass.ru/node/252327>

ОСОБЕННОСТИ ЗАПОМИНАНИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В. О. Понявина, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Е. В. Кривотулова

Актуальность изучения особенностей запоминания у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития объясняется рядом фактов.

Во-первых, по данным Министерства образования РФ, за последние 10 лет количество детей с нарушением интеллекта снизилось на 14–15 %, а количество детей с задержкой психического развития увеличилось в 2 раза. К 2009 г. число дошкольников с задержкой психического развития составляло 25 % от детской популяции [1].

Во-вторых, учебная деятельность является ведущей в младшем школьном возрасте, поэтому в условиях постоянно изменяющихся образовательных стандартов и роста потока информации увеличивается нагрузка на интеллектуальные функции младшего школьника, его мнемические процессы. Знание психологических особенностей детей позволяет педагогу и школьному психологу избежать неправомерных ошибок в обучении и коррекции данной группы детей, которые могут повлиять на их дальнейшее развитие.

В-третьих, неравномерность развития высших психических функций (далее — ВПФ) в большей степени выражена у детей с задержкой психического развития (далее — ЗПР).

Раскроем понятие «задержка психического развития». В словаре Н. В. Новоторцевой «Коррекционная педагогика и специальная психология» задержка психического развития определяется как «нарушение темпа психического развития, проявляющееся в замедленном темпе созревания эмоционально-волевой сферы, в интеллектуальной недостаточности (умственные способности ребенка не соответствуют его возрасту)» [1, с. 143].

Исследования отечественных психологов К. С. Лебединской, Н. Г. Манелис, И. М. Марковской показывают, что наряду с эмоционально-волевой и личностной незрелостью у таких детей отмечается и несформированность отдельных высших психических функций,

особенно функций программирования и контроля, а также левополушарных гностических функций [2]. Важным этапом в изучении детей с задержкой психического развития стали исследования К. С. Лебединской и сотрудников ее лаборатории в 1970–1980-е гг., позволившие разработать классификацию основных типов задержки психического развития. Проблеме особенностей памяти школьников с задержкой психического развития посвящено не так много психолого-педагогических работ, данной проблемой занимались такие авторы, как Т. В. Егорова, В. И. Лубовский, Т. А. Власова, В. Л. Подобед, М. С. Певзнер.

Стоит отметить, что память детей с задержкой психического развития формируется в процессе деятельности так же, как и у нормально развивающихся школьников. Отклонения в развитии памяти являются характерными признаками для всех форм задержки психического развития. Неравномерное формирование познавательной деятельности, а именно логического запоминания, словесно-логического мышления, обусловленное недоразвитием речи и мышления, недоразвитие левого полушария, в височной доле которого, как известно, находится гиппокамп, участвующий в механизмах формирования эмоций, консолидации памяти (т.е. перехода кратковременной памяти в долговременную). При благоприятном развитии перцептивных и мыслительных функций, а также коррекции памяти к концу обучения в начальной школе возможен прогресс в изменении строения и эффективности мнемических способностей детей с задержкой психического развития. У таких детей имеются недостатки как произвольного, так и непроизвольного запоминания, но непроизвольное запоминание развито намного лучше [3]. Именно снижение уровня произвольного запоминания, по мнению Т. А. Власовой, М. С. Певзнер, является одной из главных причин трудностей детей с задержкой психического развития в школьном обучении. В глоссарии психологических терминов запоминание под редакцией Н. В. Губина процесс «запоминание» определяется как «активный процесс, посредством которого происходит селективный отбор поступающей информации для последующего воспроизведения и включение ее в уже существующую систему ассоциативных связей» [4].

Недостаточность произвольной памяти у детей с задержкой психического развития в значительной степени связана со слабостью регуляции произвольной деятельности, недостаточной ее целенаправленностью, несформированностью функции самоконтроля. Пси-

хологически эти дети не готовы и не способны к долгим волевым усилиям, в школе ведут себя, как в группе детского сада или у себя дома, могут капризничать и не реагировать на замечания учителя. Исследования Т. В. Егоровой выявили специфические особенности памяти детей с ЗПР по сравнению с нормально развивающимися и умственно отсталыми детьми. При выполнении задач с относительно невысоким уровнем сложности достижения детей с ЗПР были близки к норме и значительно превышали результаты умственно отсталых учащихся, когда же отстающие дети сталкивались с трудными заданиями, картина решительно менялась. В этом случае они особенно резко отличались от нормально развивающихся сверстников. Помимо только что отмеченного анализ продуктивности запоминания выявил еще одну особенность памяти детей с ЗПР, известно, что в младшем школьном возрасте наглядный материал усваивается лучше вербального, это положение подтвердилось в исследованиях Т. В. Егоровой, использовавшей методики с заучиванием: небольшого текста, в котором недостаточно выражены причинно-следственные отношения между происходящими событиями; набора из 20 слов или предметных картинок с применением способа группировки по родовой принадлежности; рядов из 20 слов с опорой на картинки (модификация методики Л. Н. Леонтьева) [2]. Оказалось, что форма предъявления материала особенно важна для отстающих детей. Преобладание наглядной памяти над словесной проявилось у них гораздо сильнее, чем в норме. Мнемическая деятельность детей с задержкой психического развития характеризовалась рядом своеобразных черт, прежде всего, недостаточным умением использовать рациональные способы запоминания. Большинство детей владели приемом смысловой группировки материала по родовому признаку, но одни из них классифицировали предметы на высоком уровне словесно-логического обобщения, другие действовали лишь интуитивно-практически, словесно не обозначая выделяемые группы. Исследования А. А. Смирнова показали, что для успешного применения логической операции как способа запоминания недостаточно владеть ею, необходимо научиться применять эту операцию именно как средство запоминания [5]. Для детей с задержкой психического развития основные трудности как раз и возникали на этапе применения классификации в качестве мнемического приема. Н. Г. Лутоян посвятила работу преодолению трудностей в развитии памяти детей с задержкой психического развития [6].

В проведенных эмпирических исследованиях испытуемых обучали приемам логического запоминания на основе группировки материала по ситуативным признакам и родовой принадлежности. Процесс формирования действия классификации осуществлялся в 6 этапов: 1) сначала школьников обучали выделять существенные признаки и на их основе объединять картинки в группы; 2) далее дети учились обозначать выделенные группы конкретными и общими понятиями-наименованиями. Важным этапом был переход от прямой операции к обратной, т.е. отнесение к обозначенной группе всех подходящих картинок. И наконец, детей тренировали в умении запоминать содержание наглядного материала, а также все словесные обозначения смысловых групп. Наибольшую трудность для детей с ЗПР представляла операция обобщения материала, подбор общего понятия-наименования, кроме того, им плохо удавался переход от одного вида операции к другому. Трудность в обобщении материала у таких детей является очевидной, так как у них страдает левое полушарие головного мозга, которое отвечает за обобщение, осмысление информации. В контрольных опытах дети, прошедшие курс обучения, запоминали 89 % картинок, а их сверстники, не участвовавшие в занятиях, лишь 64 %. Об эффективности занятий особенно ярко свидетельствует тот факт, что результаты обученных испытуемых не только сравнялись, но и стали превышать показатели учащихся массовой школы [7]. Это говорит о том, что при правильном изучении, диагностировании таких детей можно помочь эффективности процессов запоминания. Одной из наиболее важных характеристик произвольной памяти является эффективность опосредствованного запоминания. Опосредствованное запоминание — это использование промежуточного, или опосредующего звена (узелки, пиктограммы, рисунки и т.п.) для улучшения памяти. Из общей психологии (работы А. Н. Леонтьева) известно, что акт опосредования своих действий является адекватным свойством психической деятельности зрелого человека, что одним из показателей развивающейся личности является формирование умения опосредовать свое поведение. При этом опосредование, несмотря на то, что оно отвлекает на себя усилия человека, не заслоняет собой содержания мнестической деятельности и не ухудшает памяти. Использование как внешних, так и внутренних опор является наиболее действенным способом расширения возможностей памяти и незаменимым средством компенсации ее недостатков. Поэтому овладение умением пользоваться приемами опосредования особенно важно для лиц с ослабленной памятью, про-

веденная коррекционная работа оказывается плодотворной [4]. Даже небольшой курс смысловому соотнесению слов и картинок как приему запоминания приводит к заметным положительным результатам у детей с задержкой психического развития. Без специального обучения приемам запоминания дети с задержкой развития испытывают серьезные затруднения в применении наглядных опор при воспроизведении словесного материала, вспомогательные средства в виде картинок не всегда повышают продуктивность их работы. По мнению Н. Г. Лутомян, владение операцией установления смысловых связей еще не гарантирует ее успешного использования в качестве приема запоминания. У детей с задержкой психического развития не происходит распада двух фаз опосредствованного запоминания, они в состоянии использовать образовавшиеся связи, но цель второй фазы — воспроизведение слов по картинкам — упрощается и подменяется воспроизведением всего предложения [6, с. 71]. Для детей с задержкой психического развития характерна недостаточная познавательная активность, проявляющаяся в отношении к ситуации эксперимента, к процессу решения задачи и в слабой готовности к напряженной работе, к активному поиску рациональных способов запоминания и воспроизведения. Назвав с ходу несколько первых пришедших на ум единиц экспериментального материала, они ничего не предпринимают, чтобы припомнить оставшиеся. Слабая активность детей сопровождается отклонениями в общей структуре их деятельности. Самостоятельно, без помощи взрослого им трудно контролировать себя, вносить коррективы в процесс заучивания. Несмотря на наличие значительного круга нарушений, дети с задержкой развития обладают достаточно высокими потенциальными возможностями интеллектуального развития. При целенаправленной коррекционной работе им можно привить необходимые навыки мнемической деятельности, что позволяет в существенной мере компенсировать наблюдающееся у них недоразвитие процессов памяти. Сердцевиной коррекционных мероприятий, несомненно, является формирование у детей специальных приемов запоминания, т.е. развитие у них логической памяти. К другому важному направлению этой работы можно отнести обучение детей правильной организации повседневной учебной деятельности, формирование у них прилежания и аккуратности, что позволяет преодолевать свойственные им импульсивность и неумение сосредоточивать свое внимание. Работа педагога-психолога по развитию процессов запоминания у детей с задержкой психического развития должна строиться с учетом их индивидуальных особенностей,

тогда эффективность мнемических способностей к концу начальной школы может быть значительно выше.

Эмпирическое изучение процесса запоминания мы проводили на базе школы-интерната № 8 (26 человек) и гимназии № 7 им. В. М. Воронцова (26 человек). Респонденты – учащиеся первого класса.

Гипотеза исследования: эффективность запоминания у детей с задержкой психического развития младшего школьного возраста по сравнению с обычно развивающимися младшими школьниками значительно ниже.

Целью данного исследования явилось: экспериментальное изучение продуктивности и качественного своеобразия способностей запоминания младших школьников с ЗПР.

В нашем исследовании использовались следующие методики: «Диагностика опосредствованного запоминания» (пиктограммы), так как способность опосредствованного запоминания – одно из главных отличий мнемических способностей у детей с задержкой психического развития по сравнению с обычными школьниками. Методика «Запомни слова» для определения кратковременной зрительно-вербальной памяти учащихся и «9 геометрических фигур» – выявление объема зрительного произвольного запоминания фигур.

Исследование показало, что по результатам методики «Опосредствованное запоминание» у детей с задержкой психического развития 58 % – очень низкий уровень опосредствованного запоминания, у 35 % – низкий уровень опосредствованного запоминания и 8 % – средний уровень опосредствованного запоминания. Полученные результаты исследования первоклассников с задержкой психического развития сравнивались с аналогичными показателями детей этого возраста из гимназии № 7. При сравнении результатов опосредствованного запоминания детей с задержкой психического развития и с аналогичными показателями детей гимназии № 7 выявлено статистически значимое различие ($p < 0,05$). Анализ результатов методики «Запомни слова» показал, что уровень развития кратковременной зрительно-вербальной памяти учащихся в школе-интернате ниже, чем у их ровесников, учащихся в общеобразовательной школе выявлено статистически значимое различие ($p < 0,05$). По результатам методики «9 геометрических фигур» можно сказать, что объем произвольного зрительного запоминания у первоклассников с задержкой психического развития ниже, чем у школьников гимназии. Выявлено статистически значимое различие ($p < 0,05$).

Анализ полученных данных показал, что эффективность запоминания первоклассников с задержкой психического развития по сравнению с их обычно развивающимися ровесниками значительно ниже. В результате проведенного исследования можно говорить о том, что в структуре мнемических способностей детей с задержкой психического развития почти отсутствует способность к опосредствованному запоминанию, неумение использовать внешние и внутренние опоры для запоминания и воспроизведения материала, способность зрительного произвольного запоминания, неспособность произвольного запоминания является одной из причин школьной неуспеваемости. Мнемические способности детей с ЗПР находятся на значительно более низком уровне, чем у их нормально развивающихся сверстников. Полученные нами результаты исследования мнемических способностей детей с задержкой психического развития предполагают возможность развития и коррекции их памяти. Результаты проведенного исследования позволяют нам выделить следующие особенности запоминания детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития: недоразвитие опосредствованного запоминания, неспособность к произвольному запоминанию и низкий уровень зрительного запоминания по сравнению с обычно развивающимися младшими школьниками.

Литература

1. *Березина Т. Н.* Развитие когнитивных способностей как проблема практической психологии / Т. Н. Березина // Вестник Моск. гос. гум. ун-та им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. — 2009. — № 4. — С. 6–19.
2. *Джеймс У.* Память / У. Джеймс / Психология памяти ; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. — М., 1998. — 816 с.
3. *Борисова А. В.* Формирование слуховой и зрительной памяти у детей с ЗПР / А. В. Борисова. — Режим доступа: <http://logoport.ru/formirovanie-sluhovoju-i-zritelnoju-pamyati-u-detey-s-zpr/>.html
4. *Дмитриева Е. Е.* Особенности общения шестилетних детей с задержкой психического развития с взрослыми : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. Е. Дмитриева. — М., 1989.
5. Возрастные особенности психического развития детей / под ред. И. В. Дубровиной и М. И. Лисиной. — М., 1982. — 362 с.
6. *Лутонян Н. Г.* Формирование рациональных способов запоминания у детей с задержкой психического развития / Н. Г. Лутонян // Дефектология. — 1976. — № 3. — С. 71.
7. *Власова Т. А.* О детях с отклонениями в развитии / Т. А. Власова, М. С. Певзнер. — М., 1985. — 107 с.

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В. Н. Юдина, студентка 3 курса
leryska144@gmail.ru

Научный руководитель — д-р пед. наук, проф. Н. И. Вьюнова

Одной из последних тенденций в современной психологической науке является возрастание интереса к проблеме креативности личности. Современное общество отводит особую роль креативности каждой конкретной личности. Чтобы решить социальные, экологические и культурные проблемы, характерные для сегодняшней действительности, обществу требуются активные, творчески мыслящие люди.

В настоящее время эта проблема стоит особенно остро из-за возрастания степени социальной неопределенности. В связи с этим современным обществом предъявляются повышенные требования к поколению, вступающему в жизнь. Способность молодых к неожиданному взгляду на сложившуюся природу вещей, их раскованность и восприимчивость к нестандартным подходам в решении проблем — это огромный капитал общества. В условиях, когда каждый человек должен уметь быть конкурентоспособным на рынке труда, только творческий подход к любому делу поможет человеку занять свое достойное место в жизни.

Именно юность — это время выбора жизненного пути, работа по выбранной специальности (поиск ее), учеба в вузе, создание семьи, для юношей — служба в армии. В юности происходит овладение профессией, появляется возможность создания своей семьи, выбор стиля жизни и своего места в ней.

Ведущая деятельность в ранней юности — учебно-профессиональная, которая ориентирована на профессиональное самоопределение юношей и девушек. Психологическую базу для самоопределения составляет потребность юноши занять внутреннюю позицию взрослого человека, осознать себя в качестве члена общества, т.е. понять себя и свои возможности наряду с пониманием своего места и назначения в жизни [1].

Вопрос изучения креативности имеет давнюю историю. Долгое время эта важная психологическая характеристика вызывала споры,

и целые поколения психологов отрицали ее значимость. Выделение ее как самостоятельной психологической особенности требовало доказательства того, что креативность отражает особую психологическую реальность, не сводящуюся к той, которая описывается другими характеристиками, традиционно изучаемыми в психологии, и позволяет создать более точный портрет индивидуальности.

Понятие креативности (от лат. creatio — создание, сотворение), являясь аналогом понятия «творческие способности», неразрывно связано с творчеством, творческой деятельностью, порождающей нечто качественно новое [2].

В отечественной психологии понятие «креативность» рассматривается как синоним слова «творчество». Накоплен большой и содержательный материал, который дал определенные результаты как в теоретическом, так и в практическом отношении. Однако единой и стройной теории креативности до сих пор не существует, как и не существует всеми признанных методик, диагностирующих данное свойство.

В литературе, посвященной вопросам развития креативности в онтогенезе, выделяются определенные подходы к изучению возрастных закономерностей развития творческого потенциала.

В отечественной психологии разработаны некоторые аспекты проблем особенностей развития креативности в различные возрастные периоды (Л. С. Выготский, В. Н. Козленко, Я. А. Пономарев).

В частности, в контексте теории психологического механизма творчества Я. А. Пономарев определил следующие этапы онтогенеза процесса решения творческих задач [3]:

- 1) человек не может правильно строить действия в простой предметной ситуации, если задача сформулирована ему в словесной форме;
- 2) построение возможно путем манипуляций реальными вещами, предметами, оригиналами (а не моделями);
- 3) построение возможно путем манипуляций представлениями (в уме);
- 4) построение возможно путем манипуляций моделями в итоге проб и ошибок;
- 5) человек анализирует структуру задачи, строит план решения и подчиняет плану свои действия.

На основе сопоставления онтогенеза поведения детей в проблемной ситуации и хода решения творческих задач взрослыми людьми Я. А. Пономарев пришел к выводу, что функциональные ступени

решения творческих задач взрослыми подобны этапам онтогенеза ребенка.

Креативными проявлениями в юношеском возрасте являются: широта склонностей, тяга к самоутверждению, новый уровень возможностей, расположенность к различным видам деятельности.

У молодых людей велика тяга ко всему новому, необычному, нестандартному, правда, это стремление чаще всего носит неосознанный характер. Кроме того, в этом возрасте формируется «внутренняя позиция» личности, обуславливающая определенную структуру ее отношения к действительности, к окружающим и к самому себе [4]. Важное место в развитии личности в этом возрасте занимает фактор самовоспитания. Юноша осознанно может ставить перед собой задачи, выполнять их, т.е. целенаправленно воздействовать на формирование собственных личностных качеств. Все это является хорошей базой для развития креативности личности.

Юношеский возраст считается сензитивным периодом для развития креативности. В этот период на основе «общей креативности» формируется «специализированная креативность»: способность к творчеству, связанная с определенной сферой человеческой деятельности [5]. Поэтому изучение факторов, влияющих на развитие и проявление креативности, именно в юношеском возрасте является особенно актуальным.

Чаще всего креативность рассматривают как общую способность к творчеству, которая характеризует личность в целом, проявляется в различных сферах активности и рассматривается как относительно независимый фактор одаренности. Известно, что креативность актуализируется в определенных условиях, которые необходимо создавать для каждой личности с учетом ее индивидуальных особенностей [6].

Мы провели исследование, цель которого — выявление уровня развития креативности личности в раннем юношеском возрасте. Базой исследования стал НОУ СПО Воронежский колледж «Номос». Выборка включала 15 девушек в возрасте 16–17 лет.

Нами использовались следующие методики:

1) творческий тест Е. П. Торренса (вербальный), состоящий из 10 незаконченных фигур;

2) опросник креативности Д. Джонсона (адаптирован Е. Е. Туник), состоящий из 8 пунктов контрольного списка характеристик креативности;

3) тест Дж. Гилфорда и М. Салливена «Истории с завершением», состоящий из одного субтеста;

4) методика «Тип мышления» (модификация Г. В. Резапкиной), состоящая из 40 вопросов.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что у 34,3 % девушек выражен высокий уровень креативности, у 45,2 % – средний уровень проявления креативных способностей и 20,5 % показали низкий уровень развития креативности.

Таким образом, основной процент исследуемых молодых людей имеют весьма высокие показатели творческой одаренности. Они способны креативно мыслить и решать поставленные задачи в короткие сроки и нестандартными способами, также у большинства студентов преобладает наглядно-образное мышление, им обладают люди с художественным складом ума.

Таким образом, креативность личности в юношеском возрасте представляет собой сложную динамическую структуру, которая изменяется в процессе индивидуального развития человека, характеризуется возрастными особенностями и развивается в процессе обучения.

Литература

1. *Абрамова Г. С.* Возрастная психология / Г. С. Абрамова. – М., 1999. – 621 с.
2. *Ильин Е. П.* Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб., 2009. – 448 с.
3. *Пономарев Я. А.* Психология творчества / Я. А. Пономарев. – М., 1976. – 365 с.
4. *Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – М., 1967. – 465 с.
5. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – М., 2007. – 65 с.
6. *Яковлева Е. Л.* Психология развития творческого потенциала личности / Е. Л. Яковлева. – М., 1997. – 222 с.

Научное издание

**ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ
И ПСИХОЛОГИИ**

Выпуск 10

Ответственный редактор Бубнов Юрий Александрович

Редакторы *С. Н. Володина, Н. Н. Масленникова, О. А. Исаева*
Компьютерная верстка *Е. Н. Попуга*
Корректор *Г. И. Старухина*

Подписано в печать 07.12.2015. Формат 60 × 84/16.
Усл. п. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 25 экз. Заказ 579

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3